

ISSN 1819-7426

Проблемы Правоохранительной Деятельности

Международный научно-теоретический журнал

**2026
№ 1**

Белгород

Проблемы правоохранительной деятельности. 2026. № 1.

Учредитель и издатель: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80717 от 9 апреля 2021 года.

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Редакционная коллегия:

Ананич В.А., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Бельский А.И., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Болотин А.Э., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Головкин В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Горелов А.А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Республика Саха (Якутия))
Готчина Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Дежнев А.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Дементьев В.Л., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Дугенев А.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Евтушенко В.И., доктор юридических наук (Россия, Белгород)
Залужный А.Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Клименко Б.А., кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Белгород)
Кожевников О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)
Комаров И.М., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Кондаков В.Л., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Кравцова Е.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Лазарева Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Луговик В.Ф., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Муханов Ю.В., кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Белгород)
Никуленко А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Сабирова И.А., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Воронеж)
Сазон К.Д., кандидат юридических наук, доцент (Беларусь, Могилев)
Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)
Тепляшин П.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Красноярск)
Третьяков А.А., кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Белгород)
Ухов В.Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Цуканов Н.Н., доктор юридических наук, доцент (Россия, Красноярск)
Чиненов Е.В., кандидат экономических наук, доцент (Россия, Белгород)
Шевелева С.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Курск)
Шумилин С.Ф., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Заведующий редакцией: Шульженко Н.И.

Редактор: Олейникова Е.А.

Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.

Сдано в набор 19.03.2026

Подписано к печати 24.03.2026

Дата выхода в свет 31.03.2026

Формат 60x84/8

Объем 15,3 усл. печ. л.

Набор компьютерный. Бумага офисная.

Печать цифровая. Заказ № 20

Цена: бесплатно. Тираж: 43

16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Контактный телефон: (4722) 55-71-35, факс: (4722) 55-53-31, e-mail: ppd.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

Problems of Law Enforcement Activity. 2026. № 1.

The founder: Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number: Series PI № FS77-80717 of April 9, 2021.

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)

The Editorial Staff:

V.A. Ananich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor (Minsk, Belarus)
A.I. Belskiy, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
A.E. Bolotin, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
M.A. Buchakova, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V.V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A.A. Gorelov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Republic of Sakha (Yakutia))
L.V. Gotchina, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
A.S. Dezhnev, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
V.L. Dementiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
M.S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
A.S. Dugenets, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.I. Evtushenko, Doctor of Law (Russia, Belgorod)
A.G. Zaluzhny, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.N. Irkhin, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod, Russia)
A.V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
O.V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
B.A. Klimenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
O.A. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Ekaterinburg, Russia)
P.A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
I.M. Komarov, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.L. Kondakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod, Russia)
E.A. Kravtsova, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
L.V. Lazareva, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A.V. Maximenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
S.N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Yu.V. Mukhanov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
A.V. Nikulenko, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)
E.A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
I.A. Sabirova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Voronezh, Russia)
K.D. Sazon, Candidate of Law, Associate Professor (Mogilev, Belarus)
V.N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
P.V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk, Russia)
A.A. Tretyakov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
V.Yu. Ukhov, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
N.N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk, Russia)
E.V. Chinenov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
S.V. Sheveleva, Doctor of Law, Professor (Kursk, Russia)
S.F. Shumilin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

In the case of necessity the Editorial Board reserves the right to edit, reduce the volume of the articles and make the decision on including them in the Journal. The research papers drawn with breaches of the requirement or arriving after the deadline can be published in the next issues of the Journal.

The authors of the articles are responsible for the reliability of facts.

The research papers included in the Journal represent the author's point of view on actual problems of law enforcement and legal regulations making activity. The standpoint does not always coincide with the opinion of the Editorial Staff of the Journal.

The Editorial Staff studies the letters of readers without corresponding with them.

Head of the Editorial Staff: Natalia I. Shulzhenko

Editor: Elena A. Oleynikova

Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva

It is handed over in a set 19.03.2026

It is passed for the press 24.03.2026

Date of publishing 31.03.2026

Format 60x84/8

Volume 15,3 printer's sheets

Typing. Office paper.

Digital printing. Order № 20

Price: free of charge. Printed copies: 43

16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

The address of the publisher and edition: 71, Gorkiy Street, Belgorod region, Belgorod, Russia, 308024.

Contact phone: (4722) 55-71-35, fax: (4722) 55-53-31, e-mail: ppd.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

© Problems of Law Enforcement Activity, 2026

© Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2026

Содержание

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

ГОТЧИНА А.В. ОБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНО-ПОДРОСТКОВОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ	6
КРАВЦОВА Е.А. ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ: ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ	10
ФАДЕЕВ П.В. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	16
РИМСКИЙ А.В., АБДУЛМАНОВА И.В. ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО СТАТЬЕ 13.53 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И КРИТЕРИИ ЗАВЕДОМОСТИ	21
АКИЕВ А.Р. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ... 29	
КАТАЕВА О.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	36
НОВОПАВЛОВСКАЯ Е.Е. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИИ «ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ»	41
ОЗЕРОВ И.Н., ОЗЕРОВ К.И. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	48
ПОПОВ А.И. АДМИНИСТРАТИВНО-ДОГОВОРНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ	55

РАВНЮШКИН А.В. НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАК АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ	62
ГЛУШКОВ Е.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ ПРЕДПРИЯТИЙ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ...	70
ПЕТРУХИНА Е.А. ПОНЯТИЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	77
ШУМСКИЙ В.В., ЛАЩЕНКО Р.А. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЖИЛОЕ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО	82
КИСЕЛЕВА А.А. ПРОИЗВОДНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОЦЕНКИ	87
РОМАНЦОВ А.М. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ	93
БЕЗОПАСНОСТЬ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА	
ШЕБАНОВ А.М. РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТРАНСПОРТЕ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ	98
НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	
АКАПЬЕВ В.А., САВОТЧЕНКО С.Е. ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИММЕРСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	104
АПАЛЬКОВ А.В., АЛЕКСЕЕВ Н.А. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ	112
КУЗНЕЦОВ С.В., КУЛИНИЧЕВ А.Н. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЛУЖЕБНОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ИНСТРУКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ПРОБЛЕМ	118
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ	
СЕЛИН Б.Н., АРХИПЦЕВ И.Н. ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В СТРАНАХ БРИКС: РЕСПУБЛИКА ИНДИЯ	124

Contents

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT

GOTCHINA L.V. ABOUT ACTUAL DIRECTIONS OF COUNTERING YOUTH AND TEENAGE DRUG CRIME.....	6
KRAVTSOVA E.A. FORCED MIGRATION: TYPES AND FEATURES	10
FADEEV P.V. GENERAL CONDITIONS OF PRELIMINARY INVESTIGATION: CURRENT STATUS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT.....	16
RIMSKY A.V., ABDULMANOVA I.V. PROBLEMS OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE COMPONENTS OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE UNDER ARTICLE 13.53 OF THE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES: LIMITS OF PROOF AND KNOWLEDGE CRITERIA	21
AKIEV A.R. FORENSIC SUPPORT OF INTERNATIONAL COOPERATION IN INVESTIGATING CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS.....	29
KATAEVA O.V. MODERN PROBLEMS OF INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION OF THE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	36
NOVOPAVLOVSKAYA E.E. THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE CONTENT OF THE CATEGORY “PERSONAL DIGNITY”	41
OZEROV I.N., OZEROV K.I. SOME PROBLEMS OF PROOF IN CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES	48
POPOV A.I. ADMINISTRATIVE AND TREATY RELATIONS IN THE COMPLEX DEVELOPMENT OF TERRITORY.....	55

RAVNYUSHKIN A.V. SCIENTIFIC UNDERSTANDING OF THE CATEGORY OF FAMILY VIOLENCE: PROBLEMS OF IDENTIFICATION AS AN ADMINISTRATIVE OFFENSE	62
GLUSHKOV E.L. SOME PROBLEMS IN IDENTIFYING CRIMINAL BANKRUPTCIES OF ENTERPRISES BY OPERATIONAL UNITS OF THE INTERIOR MINISTRY	70
PETRUKHINA E.A. CONCEPT AND CRIMINAL PROCEDURAL FEATURES OF THE APPOINTMENT AND CONDUCT OF FORENSIC EXAMINATION IN CRIMINAL CASES	77
SHUMSKY V.V., LASHCHENKO R.A. CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF MERCENARY-VIOLENT AND OTHER CRIMES INFRINGING ON RESIDENTIAL REAL ESTATE.....	82
KISELEVA A.A. DERIVATIVE EVIDENCE: CURRENT TRENDS IN EVALUATION	87
ROMANTSOV A.M. SOME ISSUES OF IMPROVING ADMINISTRATIVE PROCEDURES IN THE MIGRATION SPHERE	93
SAFETY AT TRANSPORT FACILITIES	
SHEBANOV A.M. THE ROLE OF INTERNAL AFFAIRS AUTHORITIES IN TRANSPORT IN PREVENTING AND SUPPRESSING CRIMES AND ADMINISTRATIVE OFFENSES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING OF ADDICTIVE SUBSTANCE AND PSYCHOTROPICS	98
CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS	
AKAPYEV V.L., SAVOTCHENKO S.E. PROSPECTS AND PROBLEMS OF INTRODUCING IMMERSIVE LEARNING TECHNOLOGIES IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS	104
APALKOV A.V., ALEKSEEV N.A. PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF POLICE OFFICERS' PHYSICAL TRAINING	112
KUZNETSOV S.V., KULINICHEV A.N. FOREIGN EXPERIENCE OF POLICE INSTRUCTORS' PROFESSIONAL SERVICE AND PHYSICAL TRAINING IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CHALLENGES	118
THE INTERNATIONAL EXPERIENCE	
SELIN B.N., ARKHIPTSEV I.N. LEGAL MECHANISMS OF THE PROTECTION OF DOMESTIC VIOLENCE VICTIMS IN BRICS COUNTRIES: REPUBLIC OF INDIA	124

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Об актуальных направлениях противодействия молодежно-подростковой наркопреступности

About actual directions of countering youth and teenage drug crime

УДК 343.851.5

А.В. Готчина,

доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета
Российской Федерации,
Россия, Санкт-Петербург)
lgotchina@yandex.ru

Larisa V. Gotchina,

Doctor of Law, Professor
(Saint Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в статье констатируется, что существенный объем в структуре молодежно-подростковой преступности занимает наркопреступность, приведены некоторые статистические показатели ее структуры. Отмечается отнесение наркопреступности к виду транснациональной организованной преступности и взаимосвязь немедицинского потребления наркотиков и их незаконного оборота. Исследуются общественные отношения, ориентированные на снижение наркопотребления несовершеннолетними и молодежью. Выделены наиболее актуальные направления воздействия на молодежь: борьба, нацеленная на уменьшение спроса и предложения наркотиков, реанимирование общей профилактики, усиление индивидуальной антинаркотической и виктимологической профилактики, специальная профилактика с группами риска. Такие предложения обоснованы недостаточным социальным контролем за несовершеннолетними, низкой ролью семьи и системы образования. Наказанию противопоставляются социальные альтернативы. Основными сферами воздействия с целью снижения наркопотребления подростками и молодежью являются семья, сферы досуга и образования, а также интернет-пространство. В качестве методологического инструментария выступили статистический, эмпирический методы познания, научно-аналитический подход, а также специально-юридические методы: социологический, формально-юридический, сравнительно-правовой. Осуществлен вторичный анализ результатов всероссийского криминологического исследования о личности осужденных – потребителей наркотиков, отбывающих лишение свободы, и результатов иных исследований, проведенных другими авторами.

Ключевые слова: наркотики; подросток; противодействие; профилактика; борьба; семья; группы риска

Для цитирования: Готчина Л.В. Об актуальных направлениях противодействия молодежно-подростковой наркопреступности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 6–9.

Abstract: the article states that drug-related crime accounts for a significant portion of youth and adolescent crime, and provides some statistical data on its structure. It also notes that drug-related crime is a form of transnational organized crime, and that there is a correlation between non-medical drug use and illicit drug trafficking. The article explores public policies aimed at reducing drug use among minors and young adults. The most relevant areas of influence on young people have been identified: combating the demand and supply of drugs, revitalizing general prevention, strengthening individual anti-drug and victimology prevention, and special prevention for risk groups. Such proposals are based on insufficient social control over minors and the low role of the family and the education system. Social alternatives are being introduced to replace punishment. The main areas of influence to reduce drug use among teenagers and young adults are the family, leisure activities, and the Internet. The study uses statistical methods, empirical research, a scientific and analytical approach, as well as specific legal methods such as sociological, formal legal, and comparative legal methods. A secondary analysis

© Готчина Л.В., 2026

of the results of a national criminological study on the personality of drug-using convicts serving prison sentences and the results of other studies conducted by other authors was carried out.

Keywords: drugs; teenager; counteraction; prevention; struggle; family; risk groups

For citation: Gotchina L.V. About actual directions of countering youth and teenage drug crime // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 6–9.

Существенный объем в структуре молодежно-подростковой преступности занимает наркопреступность. Несовершеннолетние и молодежь, совершая преступления, приобщаются к немедицинскому потреблению наркотиков (далее – немедицинское потребление, незаконный оборот наркотиков, незаконное потребление, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов), часть участников наркооборота впоследствии становятся наркозависимыми.

Терминологически под подростками мы понимаем лиц, которым исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет (в соответствии с ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации такой возрастной интервал характеризует категорию несовершеннолетних), под молодежью – социальную группу лиц в возрасте от 18 до 29 лет включительно.

Так, в 2024 г. 69 921 человек осужден по основной и дополнительной квалификации за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, из них лиц в возрасте 18–29 лет – 34%, 40 лет и старше – 26,6%, 30–34 лет – 19%, 35–39 лет – 18,8% и 2% несовершеннолетних (1281 человек).

В целом о состоянии наркопреступности в России можно судить, проанализировав показатели статистики. В 2023 г. они выросли на 7,5%, в том числе совершено тяжких и особо тяжких на 11% больше, чем в аналогичный период прошлого года, в 2024 г. прирост составил +3,7% и +6% соответственно. В 2023 г. на 13,8% увеличилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, в 2024 г. – на 7%.

В 2023–2024 гг. почти каждое восьмое преступление, связанное с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотических средств, совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации – 81,5 тыс. (+31% в 2023 г.) и 94,6 тыс. (+16,1% в 2024 г.)¹.

¹ В России выросло количество преступлений, связанных с оборотом наркотиков [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Парламентской газеты». – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-vyroslo-kolichestvo-prestupleniy-svyazannykh-s-oborotom-narkotikov.html?ysclid=mir7oibcm2935696284>

В практике преступления в сфере незаконного оборота наркотиков совершаются по большей части лицами – потребителями запрещенных средств и веществ, поэтому снижение такого потребления – первостепенная задача общества, особенно в отношении несовершеннолетних и молодежи. Для того чтобы ее реализовать, выделим наиболее актуальные направления воздействия на указанные возрастные группы, в том числе с целью снижения показателей преступности:

1. Борьба с наркопреступностью реализуется в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности. Мероприятия, осуществляемые оперативными подразделениями правоохранительных органов, направлены в двух векторах – уменьшение спроса и снижение предложения наркотиков, в том числе при оперативно-разыскной профилактике оперативно-разыскными средствами.

2. Высока востребованность общей профилактики. В качестве основной проблемы наркопреступности указывают социальное неблагополучие, однако дело не только в нем. «Практически треть несовершеннолетних, нарушивших уголовный закон, воспитывалась в благополучных семьях, они никогда не состояли на профилактическом учете и совершили общественно опасное деяние впервые»². В большинстве случаев наркопотребление – это результат влияния группы (друзей, одноклассников, коллег). Наркопотребление главным образом осуществляется в группе на этапе приобщения к психоактивным веществам. Поэтому важен контроль за сферой досуга.

Одним из его видов является интернет-пространство, широко распространяющее наркотическую идеологию, приобщая и к потреблению, и к наркообороту новых лиц, на что указывает А.С. Ильницкий в своей работе [1, с. 33].

Бесконтактность общения (обезличенность), вербовки, передачи психоактивных веществ показала свою криминальную эффективность. Вовлечение в преступную деятельность путем финансирования населения через информационные технологии (сеть Интернет) сегодня

² Бастрыкин А.И. Опасный возраст // Российская газета. – 2023. – 31 мая.

масштабно и требует неотложных мер пресечения в виде блокирования сайтов, установления лиц, причастных к такой преступной деятельности, и привлечения их к ответственности. Это зачастую становится невозможным из-за нахождения виновных лиц на территории других государств и осуществления оттуда их деятельности. Но поскольку наркопреступность – это вид транснациональной организованной преступности, сокращение ее показателей зависит от совместных усилий правоохранительных органов государств, заинтересованных в снижении наркопотребления населением. Вопросу транснациональной преступности уделено значительное количество научных исследований. Так, эту проблематику изучает А.Е. Шалагин [2, с. 138], А.Л. Репецкая акцентировала внимание на одной из ключевых целей организованной преступности – «...получении сверхприбылей» [3, с. 51]. В свою очередь, Ю.М. Антонян среди факторов формирования транснациональных преступных корпораций называет «формирование надежной системы защиты от социального контроля» [4, с. 428–429].

В этой связи с целью возвращения социального контроля востребована реализация общей профилактики, доведение до несовершеннолетних и молодежи основ антинаркотической грамотности, которая предполагает направления:

- наркологической грамотности (информация о стадиях болезни, ремиссии, ее признаках и сроках, процедурах лечения и реабилитации (медицинской и социальной), сопутствующих заболеваний и последствиях болезни наркомании) [5, с. 66–68];
- правовой грамотности (доведение информации о видах и сроках наказаний по уголовному и административному законодательству, разъяснение понятия рецидива и ознакомление со сроками давности применительно к наркопреступлениям и с правоприменительной практикой);
- разъяснения социальных последствий (перспективы изменения семейного, образовательного статусов, созависимости и других рисков).

Для успешной реализации задачи профилактики наркопотребления среди молодежи необходимо повышение ее грамотности в данной сфере. Для этих целей предлагается привлекать волонтеров. Работа таких добровольцев должна строиться на основе единых научно обоснованных материалов.

3. Индивидуальная антинаркотическая профилактика реализуется прежде всего институтом семьи. Отсутствие родительского контроля

за досугом несовершеннолетнего, его интересами в интернет-пространстве – одна из причин наркопреступности. Встречаются случаи, когда члены семьи вовлекают в наркооборот родственников. Восстановление родительского контроля за каждым несовершеннолетним и обеспечение досуга (спорт, культура) снижает риски наркопотребления. О влиянии досуга на преступную деятельность писали В.Н. Колемазов и А.С. Толоконникова [6, с. 112], а также Н.С. Сысолина и А.В. Кушнарева [7, с. 44].

Не менее значимо усиление виктимологической профилактики: беседы о толерантности с родителями несовершеннолетних и несовершеннолетними, информирование о возможностях вовлечения в преступную деятельность путем финансирования, в том числе через информационные технологии (сеть Интернет), работа по разобщению подростковой группы с криминальными проявлениями, применение правоохранительными органами программ виктимологического предупреждения [8, с. 33–34].

4. Специальная профилактика в группах риска с целью снижения распространения наркоидеологии в России и западной идеологии разрушения семейственности.

Одной из таких групп является группа ранее судимых за наркооборот. Результаты исследования по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, свидетельствуют, что доля наркопреступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, в 2022 г. составила 13,3%, в местах лишения свободы содержалось 6,6% наркозависимых осужденных. Авторы исследования приводят данные о судимых наркопотребителях, на основании чего делают вывод о наибольшем удельном весе среди потребителей наркотиков лиц возраста 20–40 лет. При этом среди осужденных наркопотребителей 29,09% были заражены ВИЧ-инфекцией до отбывания наказания [9, с. 15–32].

Отдельную группу риска составляют лица, прибывшие для проживания в Россию с территории Украины, с признаками метадоновой наркомании. Так, Е.Г. Багреева и В.В. Куцев отмечают, что миграционные потоки с Украины усугубляют проблему распространения наркопреступлений в нашей стране [10, с. 57–60].

Таким образом, основными сферами воздействия правовыми и неправовыми средствами с целью снижения наркопотребления подростков и молодежи (прежде всего снижение спроса) являются семья, сферы досуга и образования, а также интернет-пространство.

Литература

1. **Ильницкий А.С.** Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет с использованием технологий антикриминальной пропаганды // Общество и право. – 2022. – № 1 (79). – С. 33–38.
2. **Шалагин А.Е.** Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 3. – С. 138–141.
3. **Репецкая А.Л.** Организованная преступность. Теневая экономика. Криминальный рынок России. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 192 с.
4. **Антонян Ю.М.** Криминология. – Москва: Юрайт, 2012. – 523 с.
5. **Готчина Л.В.** Молодежный наркотизм в современной России: состояние и профилактика: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. – 300 с.
6. **Колемасов В.Н., Толоконникова А.С.** Организация досуга молодежи как средство профилактики правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство. – 2020. – № 1 (29). – С. 112–119. – URL: <http://esj.pnzgu.ru>
7. **Сысолина Н.С., Кушнарева А.В.** Развитие досуговой деятельности несовершеннолетних как направление профилактики подростковой преступности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 3 (62). – С. 44–50.
8. **Вишневецкий К.В.** Программирование виктимологического предупреждения преступности // Общество и право. – 2019. – № 1 (67). – С. 33–38.
9. **Гришко А.Я., Аверкин С.Д., Абовян Э.П.** Характеристика осужденных – потребителей наркотиков, отбывающих лишение свободы: монография. – Москва: Проспект, 2024. – 40 с.
10. **Багреева Е.Г., Куцев В.В.** Незаконная миграция как фактор распространения наркотических средств // Вопросы безопасности. – 2023. – № 2. – С. 57–62.

References

1. **Il'nikskii A.S.** Protivodeistvie kriminal'noi ideologii v seti Internet s ispol'zovaniem tekhnologii antikriminal'noi propagandy // Obshchestvo i pravo. – 2022. – № 1 (79). – S. 33–38.
2. **Shalagin A.E.** Transnatsional'naya prestupnost': ponyatie, priznaki, mery protivodeistviya // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2016. – № 3. – S. 138–141.
3. **Repetskaya A.L.** Organizovannaya prestupnost'. Tenevaya ekonomika. Kriminal'nyi rynek Rossii. – Moskva: Yurlitinform, 2010. – 192 s.
4. **Antonyan Yu.M.** Kriminologiya. – Moskva: Yurait, 2012. – 523 s.
5. **Gotchina L.V.** Molodezhnyi narkotizm v sovremennoi Rossii: sostoyanie i profilaktika: monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2013. – 300 s.
6. **Kolemasov V.N., Tolokonnikova A.S.** Organizatsiya dosuga molodezhi kak sredstvo profilaktiki pravonarushenii nesovershennoletnikh [Elektronnyi resurs] // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2020. – № 1 (29). – S. 112–119. – URL: <http://esj.pnzgu.ru>
7. **Sysolina N.S., Kushnareva A.V.** Razvitie dosugovoi deyatel'nosti nesovershennoletnikh kak napravlenie profilaktiki podrostkovoi prestupnosti // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2022. – № 3 (62). – S. 44–50.
8. **Vishnevetskii K.V.** Programmirovaniye viktimologicheskogo preduprezhdeniya prestupnosti // Obshchestvo i pravo. – 2019. – № 1 (67). – S. 33–38.
9. **Grishko A.Ya., Averkin S.D., Abovyan E.P.** Kharakteristika osuzhdennykh – potrebitelei narkotikov, otbyvayushchikh lishenie svobody: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2024. – 40 s.
10. **Bagreeva E.G., Kutsev V.V.** Nezakonnaya migratsiya kak faktor rasprostraneniya narkoticheskikh sredstv // Voprosy bezopasnosti. – 2023. – № 2. – S. 57–62.

(статья сдана в редакцию 24.10.2025)

Принудительная миграция: виды и особенности

Forced migration: types and features

УДК 342.9

Е.А. Кравцова,

доктор юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Белгородский национальный
исследовательский университет,
Россия, Белгород)
543375@mail.ru

Elena A. Kravtsova,

Doctor of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod State University,
Belgorod, Russia)

Аннотация: традиционно в научной литературе выделяют три вида миграции: добровольную, вынужденную и принудительную. И если причины и виды добровольной и вынужденной миграции достаточно полно изучены и проанализированы, то принудительной миграции уделяется значительно меньше внимания. В статье рассматривается история возникновения и различные виды принудительной миграции. Акцентируется внимание на процедуре депортации как способе принудительной миграции, используемом в том числе и в современном государстве. Автор выделяет два вида принудительной миграции: внешнюю и внутреннюю. В статье рассматривается нормативное регулирование таких видов принудительной внешней миграции, как административное выдворение, реадмиссия и депортация, анализируются их особенности. Отмечается, что указанные процедуры применяются исключительно к иностранцам и лицам без гражданства. Рассмотрение внутренней принудительной миграции с исторической точки зрения позволило сделать вывод, что она широко использовалась в России как в дореволюционный период развития государства, так и в советское время. В дореволюционный период широко применялось временное принудительное переселение граждан, совершивших преступление, в дальние регионы страны – ссылка (высылка). Также широко применялось принудительное переселение неблагонадежных граждан, которое носило постоянный характер. В советский период в стране продолжала применяться процедура принудительного переселения, такая практика была прекращена в 50-е гг. XX в. Анализ современного правового регулирования внутренней принудительной миграции позволил установить, что в действующем законодательстве для ее обозначения используется два термина: принудительное переселение и эвакуация. Данные термины можно употреблять в качестве синонимов, поскольку основания их применения одинаковы: это чрезвычайные ситуации различного вида. Эвакуация применяется в случае возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и носит временный характер – до устранения последствий аварий и техногенных катастроф. Принудительное переселение также может применяться исключительно в случаях чрезвычайных ситуаций как в качестве временной меры, так и на постоянной основе.

Ключевые слова: миграционное право; миграция; депортация; административное выдворение; реадмиссия; принудительная миграция; вынужденная миграция; эвакуация; принудительное переселение; отселение; специальная военная операция

Для цитирования: Кравцова Е.А. Принудительная миграция: виды и особенности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 10–15.

Abstract: traditionally, the scientific literature distinguishes three types of migration: voluntary, forced, and compulsory. While the causes and types of voluntary and forced migration have been extensively studied and analyzed, compulsory migration has received significantly less attention. This article explores the history and various forms of compulsory migration. It focuses on the process of deportation as a method of compulsory migration, which is still used in modern states. The author classifies compulsory migration into external and internal types. The article examines the regulatory framework and features of such types of forced external migration as administrative expulsion, readmission, and deportation, and analyzes their specific features. It is noted that these procedures are applied exclusively to foreigners and stateless persons. An examination of internal forced migration from a historical point of view led to the conclusion that it was widely used in Russia both in the pre-revolutionary

period of state development and in Soviet times. In the pre-revolutionary period, temporary forced relocation of citizens who had committed a crime to distant regions of the country was widely used – exile (expulsion). Forced relocation of unreliable citizens, which was permanent, was also widely used. During the Soviet period, the procedure of forced resettlement continued to be applied, the use of which ceased in the 50s of the twentieth century. An analysis of the current legal regulation of internal forced migration has revealed that two terms are used in the current legislation to refer to it: forced resettlement and evacuation. These terms can be used as synonyms, as the grounds for their application are the same: they are emergencies of various types. Evacuation is used in the event of natural and man-made emergencies and is temporary in nature, until the consequences of accidents and man-made disasters are eliminated. Forced relocation can also be used exclusively in emergency situations, but it can be implemented both as a temporary measure and on a permanent basis.

Keywords: migration law; migration; deportation; administrative expulsion; readmission; forced migration; forced resettlement; evacuation; resettlement; special military operation

For citation: Kravtsova E.A. Forced migration: types and features // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 10–15.

Миграция – это сложное политико-правовое явление, значительно влияющее на все социально-экономические и культурные сферы общества [1]. Миграционные процессы характерны для любого государства мира. В современном обществе наиболее распространены такие виды миграции, как экономическая миграция и ее разновидности – трудовая миграция, образовательная, интеллектуальная, экологическая миграция и другие.

Миграционные процессы обычно обусловлены несколькими факторами. Среди них можно выделить экономические причины, такие как поиск работы, благоприятные условия для ведения бизнеса и минимизация налогов. Политические факторы включают нестабильность в политической сфере, репрессии со стороны властей и вооруженные конфликты. Экологические причины связаны с природными катаклизмами, техногенными авариями и другими экологическими катастрофами. Социальные факторы охватывают культурные различия, демографические изменения и стремление к получению образования.

Т.В. Козырева, рассматривая виды миграции, разделяет ее на добровольную, вынужденную и принудительную [2, с. 131]. Добровольная миграция производится гражданами самостоятельно, по своей воле, без наличия факторов, явно угрожающих жизни и здоровью переселенцев. Вынужденная миграция осуществляется населением при возникновении войн, политических конфликтов, экологических бедствий и других причин, которые явно угрожают жизни и здоровью граждан. Под принудительной миграцией понимают «перемещение людей под давлением, по приказу или под угрозой (насильственная депортация, вывоз в другую страну или регион, насильственное переселение или изгнание)» [2, с. 132].

Принудительная миграция имеет глубокие исторические корни. Ее предпосылки были заложены

уже в первобытном обществе, когда в качестве наказания использовалось изгнание человека из племени. Изгнанный лишался защиты закона и не мог, согласно принятым религиозным представлениям, рассчитывать на покровительство богов.

В Афинах применялась такая процедура, как ostracism – изгнание из полиса лиц, чье влияние слишком велико и может привести к установлению тирании. Данная процедура осуществлялась раз в год путем голосования, и набравший наибольшее число голосов изгонялся из города на 10 лет. При этом лицо не лишалось гражданского статуса и своего имущества.

В Древнем Риме существовала такая процедура, как изгнание. Изгнание применялось по постановлению магистратуры – на основании совместного решения магистратов. Позже полномочия по его осуществлению были переданы в римский сенат. Данное наказание применялось в основном для иностранцев и исторически предшествовало современной депортации – разновидности принудительной миграции. Так, в 155 г. до н.э. из Рима был изгнан афинский философ Диоген [3, с. 12].

Примером принудительной миграции в Средние века служит изгнание в 1301 г. из Флоренции Данте Алигьери, который после прихода к власти конкурирующей политической партии был обвинен в непокорности папской власти, присвоении казенных денег и вымогательстве. Возвращаться во Флоренцию ему запрещалось под страхом сожжения [4, с. 115].

Во Франции для обозначения принудительной миграции использовался термин «депортация», который возник в XVIII–XIX вв. и обозначал особые виды ссылки – переселение неблагонадежных французских граждан за пределы Франции [5, с. 343].

В России чаще применялся такой вид принудительной миграции, как принудительное переселение, осуществляемое внутри страны и не пред-

полагающее изгнания за пределы государства. Высылка на каторгу (ссылка) лиц, совершивших преступление, широко применялась в России уже в конце XVI в. Как отмечает И.В. Романова, «принудительное выселение стало привычным испытанным методом внутренней политики России» [6, с. 140]. В царской России по решению суда или в административном порядке из крупных городов и отдельных губерний переселялись лица, совершившие преступление, неблагонадежные лица или просто лица «не той национальности». Так, например, в 1818 г. Александр I поручил генералу А.Е. Ермолову организовать блокаду северо-восточных регионов Кавказа с целью «недопущения ими разбойных нападений и грабежей». В результате значительная часть чеченского населения была депортирована, в том числе в Сибирь [7].

Принудительное переселение довольно широко использовалось и в Советской России. Как указывает К.С. Исабеков, только за годы Гражданской войны 1921–1922 гг. в стране было принудительно перемещено около 2 млн человек [8, с. 44]. До середины 1950-х гг. было произведено принудительное переселение 10 народов: корейцев, финнов, немцев, карачаевцев, балкарцев, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар и турок-месхетинцев [9, с. 31].

В настоящее время принудительная миграция в России регулируется различными нормативными правовыми актами и имеет свои виды и особенности. Данный вид миграции следует разделить на внутреннюю и внешнюю миграцию. К внешней миграции относятся такие виды, как административное выдворение, депортация и реадмиссия.

Нормативное закрепление понятия «депортация» осуществлено в ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹ (далее – Закон «О правовом положении иностранных граждан»). Под данным термином понимается «принудительная высылка иностранного гражданина из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации». Как видно из приведенного определения, смысл этого термина претерпел изменения, поскольку изначально он означал выселение не только иностранцев, но и граждан за пределы своей страны.

Нормативное определение термина «административное выдворение» дается в ст. 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях: «принудительное выдворение заключается в принудительном и контролируемом перемещении указанных граждан и лиц через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, – в контролируемом самостоятельном выезде иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации»².

Механизм осуществления данного вида принудительной миграции достаточно полно урегулирован на нормативном уровне и часто применяется на практике.

Рассматривая различия между административным выдворением и депортацией, Н.Д. Кочеткова отмечает, что административное выдворение является наказанием, назначаемым судом после совершения иностранным гражданином административного правонарушения, и осуществляется лицом либо добровольно и самостоятельно под контролем правоохранительных органов, либо принудительно. Депортация же является не наказанием, а мерой административного принуждения, применяемой к лицам, нарушившим правила пребывания в стране, уполномоченным органом исполнительной власти [10, с. 201]. В частности, право применять данную меру принуждения по отношению к иностранцам и лицам без гражданства с 5 февраля 2025 г. получили органы внутренних дел (полиция).

Такая принудительная мера, как реадмиссия, введена в Закон «О правовом положении иностранных граждан» в 2010 г. Федеральным законом от 23 июля 2010 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии»³. Данное понятие в законе не расшифровывается, но системное толкование гл. V.1. Закона «О правовом положении иностранных граждан» позволяет сделать вывод, что реадмиссию можно рассматривать как вид принудительной миграции, применяемый по ускоренной упрощенной процедуре органами внутренних дел в сотрудничестве с органами безопасности в отношении иностранных граждан на основании двусторонних международных договоров. Также данная процедура применяется и к российским гражданам, вы-

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 23.07.2010 № 180-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дворяемым с территории иностранных государств на основании таких договоров.

Административное выдворение, депортация, реадмиссия в отношении российских граждан, пребывающих на территории России, не производится.

Однако внутренняя принудительная миграция российских граждан внутри государства применяется и в настоящее время в ограниченных случаях, предусмотренных законом. Основной причиной принудительного переселения граждан России являются природные и техногенные катастрофы. Данный вид миграции получил название экологической миграции [11, с. 158]. Как правило, такая принудительная миграция носит временный характер, переселенные граждане получают право вернуться на прежнее место жительства в случае исчезновения обстоятельств, послуживших причиной отселения.

К примеру, Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»⁴ (ст. 8 и 9) ввел понятия «зона отчуждения» и «зона отселения». С определенной местности жители подлежали принудительному переселению на территорию России, не подвергшуюся радиационному заражению вследствие катастрофы. При этом закон устанавливает возможность возврата населения в указанные места после «снижения риска радиационного ущерба до установленного приемлемого уровня».

Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» позволяет выделить такой вид миграции, как эвакуация: ст. 19 рассматриваемого закона устанавливает обязанность граждан эвакуироваться с территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или из зоны чрезвычайной ситуации при получении информации о проведении эвакуационных мероприятий⁵. Однако, если граждане самостоятельно не покидают район чрезвычайной ситуации, они подлежат принудительному переселению⁶.

⁴ Закон Российской Федерации от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 31.07.2025) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Письмо МЧС России от 18.02.2022 № М-11-398 «Об организации и проведении эвакуационных мероприятий для населения» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Возможность принудительной миграции граждан в виде временного отселения жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений предусмотрено и Федеральным конституционным законом от 18 февраля 2022 г. № М-11-398 «О чрезвычайном положении» (п. «а» ч. 1 ст. 13)⁷ в случае экологических и техногенных катастроф. Примечательно, что указанная мера не предусматривается во время военных конфликтов и террористических актов, которые также являются возможной причиной введения чрезвычайного положения (п. «а» ст. 3).

С 2022 г. дополнительной причиной проведения принудительного переселения граждан стало проведение специальной военной операции. С начала военной операции многие приграничные области, в частности Белгородская и Курская, стали подвергаться массовым атакам со стороны вооруженных сил Украины [12]. В связи с тяжелой оперативной обстановкой встал вопрос о переселении людей, проживающих в зонах повышенной опасности, в более безопасные места.

В этой ситуации осуществлялось все три вида миграции: добровольная, вынужденная и принудительная. По данным Росстата, с 2022 г. (начало специальной военной операции) население Белгородской области уменьшилось на 54 441 человека⁸. Даже если учесть естественную убыль населения, является очевидным, что значительная часть из этих 54 тыс. являются мигрантами. При этом представляется затруднительным по отношению к указанным лицам четко разделить, кто из них добровольный мигрант, а кто вынужденный. Точного критерия разграничения данных лиц не существует. Относительно же принудительной миграции имеются статистические данные, поскольку данный вид миграции осуществляется под контролем государства.

Так, в связи с проведением боевых действий и сложной оперативной обстановкой в Белгородской области на основании постановлений Губернатора Белгородской области на 1 сентября 2025 г. принудительно выселены жители из следующих населенных пунктов: с. Петровка и с. Соловьевка (Белгородский муниципальный

⁷ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Сколько человек покинули Белгородскую область после начала СВО? [Электронный ресурс]. – URL: <https://bel.ru/news/2024-07-05/skolko-chelovek-pokinuli-belgorodskuyu-oblast-posle-nachala-svo-5130539> (дата обращения: 08.10.2025).

округ); с. Новостроевка-Вторая, Сподарюшино, пос. Совхозный, Доброполье, Казачок (Грайворонский муниципальный округ); с. Новопетровка (Валуйский муниципальный округ); с. Терезовка (Шебекинский муниципальный округ). Жители переселены в пункты временного содержания до исчезновения угрозы их жизни.

При этом следует отметить профессиональные действия Губернатора Белгородской области по легитимизации ограничения прав человека на территории области. 14 августа 2024 г. было принято постановление Губернатора Белгородской области № 119⁹, в соответствии с которым в Белгородской области введен режим чрезвычайной ситуации регионального характера. Введение данного режима осуществлено на основании ст. 11 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», в соответствии с которой органы власти субъектов Федерации могут принимать нормативные акты в области защиты населе-

ния от чрезвычайных ситуаций, устанавливать региональный уровень реагирования, обеспечивать эвакуационные мероприятия, проводить аварийно-спасательные и другие неотложные работы, проводить выплаты гражданам, устанавливать обязательные правила поведения для граждан и т.д.

Таким образом, анализ нормативного регулирования принудительной миграции в современной России позволяет выделить внешнюю и внутреннюю миграцию. Внешняя принудительная миграция проводится в таких формах, как депортация, административное выдворение и реадмиссия. Внутренняя принудительная миграция осуществляется в форме эвакуации и принудительного переселения и носит временный характер, поскольку граждане, подвергшиеся принудительному переселению, могут вернуться на прежнее место жительства при исчезновении обстоятельств, послуживших причиной принудительного переселения. Исходя из действующих нормативных актов можно сделать вывод, что эвакуация как вид принудительной миграции предполагает краткосрочную смену места жительства, а принудительное переселение – смену места жительства на длительный срок или переезд на новое постоянное место жительства с возможностью вернуться в неопределенном будущем.

⁹ Постановление Губернатора Белгородской области от 14.08.2024 № 119 «О введении режима функционирования «Чрезвычайная ситуация» для органов управления и сил территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Белгородской области» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/documents/2024/08/15/belgorod-post119-site-dok.html> (дата обращения: 08.10.2025).

Литература

1. **Мухин А.И.** Сравнительно-правовой анализ регулирования миграции в советской и современной России: влияние на традиционные духовно-нравственные ценности // Миграционное право. – 2025. – № 2. – С. 36–39.
2. **Козырева Т.В.** Теоретическое и историческое осмысление социального феномена «принудительная миграция» // Вестник угроведения. – 2015. – № 4 (23). – С. 131–139.
3. **Першина Ю.В.** Система наказаний в Древнем Риме // Право и национальная безопасность. – 2014. – № 3. – С. 10–14.
4. **Доброхотов А.Л.** Данте Алигьери. – Москва: Мысль, 1990. – 207 с.
5. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – Москва: Большая российская энциклопедия, 1998. – 1456 с.
6. **Романова И.В.** Принудительное переселение как одна из форм миграции в дореволюционной России / Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 ч. Ч. IV. – Белгород, 2017. С. 138–140.
7. **Умарова А.А., Бидова Б.Б., Геляхова Л.А.** Принудительное переселение народов в истории отечественного государства и права: имперский период // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12 (228). – С. 53–55.
8. **Исабеков К.С.** Миграционная политика Советского государства периода индустриализации и депортаций народов СССР // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2013. – Т. 13. № 12. – С. 43–47.
9. **Синиченко В.В., Токарева Г.С.** Юридические основания для «депортации народов» в СССР накануне и в годы Второй мировой войны // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 3 (90). – С. 29–34.
10. **Кочеткова Н.Д.** О правовой природе административного выдворения, депортации и реадмиссии // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 3. – С. 201–203.
11. **Евтушенко В.И.** Экологическая миграция как составная часть системы защищенности человека и обеспечения экологической безопасности // Lex russica. – 2016. – № 6 (115). – С. 158–169.
12. **Дизер О.А.** О совершенствовании чрезвычайного законодательства, регламентирующего защиту государства от внешней агрессии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 5 (117). – С. 183–191. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.117.5.183-191. – EDN UZTOJP.

References

1. **Mukhin A.I.** Sravnitel'no-pravovoi analiz regulirovaniya migratsii v sovetskoi i sovremennoi Rossii: vliyanie na traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti // Migratsionnoe pravo. – 2025. – № 2. – S. 36–39.
2. **Kozyreva T.V.** Teoreticheskoe i istoricheskoe osmyslenie sotsial'nogo fenomena “prinuditel'naya migratsiya” // Vestnik ugrovedeniya. – 2015. – № 4 (23). – S. 131–139.
3. **Pershina Yu.V.** Sistema nakazanii v Drevnem Rime // Pravo i natsional'naya bezopasnost'. – 2014. – № 3. – S. 10–14.
4. **Dobrokhoto A.L.** Dante Alig'eri. – Moskva: Mysl', 1990. – 207 s.
5. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / pod red. A.M. Prokhorova. – Moskva: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 1998. – 1456 s.
6. **Romanova I.V.** Prinuditel'noe pereselenie kak odna iz form migratsii v dorevolutsionnoi Rossii / Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 5 ch. Ch. IV. – Belgorod, 2017. S. 138–140.
7. **Umarova A.A., Bidova B.B., Gelyakhova L.A.** Prinuditel'noe pereselenie narodov v istorii otechestvennogo gosudarstva i prava: imperskii period // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 12 (228). – S. 53–55.
8. **Isabekov K.S.** Migratsionnaya politika Sovetskogo gosudarstva perioda industrializatsii i deportatsii narodov SSSR // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta. – 2013. – T. 13. № 12. – S. 43–47.
9. **Sinichenko V.V., Tokareva G.S.** Yuridicheskie osnovaniya dlya “deportatsii narodov” v SSSR nakanune i v gody Vtoroi mirovoi voyny // Sibirskii yuridicheskii vestnik. – 2020. – № 3 (90). – S. 29–34.
10. **Kochetkova N.D.** O pravovoi prirode administrativnogo vydvoreniya, deportatsii i readmissii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2020. – № 3. – S. 201–203.
11. **Evtushenko V.I.** Ekologicheskaya migratsiya kak sostavnaya chast' sistemy zashchishchennosti cheloveka i obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti // Lex russica. – 2016. – № 6 (115). – S. 158–169.
12. **Dizer O.A.** O sovershenstvovanii chrezvy'chajnogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushhego zashhitu gosudarstva ot vneshnej agressii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2024. – № 5 (117). – S. 183–191. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.117.5.183-191. – EDN UZTOJP.

(статья сдана в редакцию 09.10.2025)

**Общие условия предварительного расследования:
современное состояние и перспективы совершенствования**

**General conditions of preliminary investigation: current
status and prospects for improvement**

УДК 343.1

П.В. Фадеев,

доктор юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Россия, Москва)
fadeevpv2001@yandex.ru

Pavel V. Fadeev,

Doctor of Law, Associate Professor
(Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье исследуются общие условия предварительного расследования в уголовном процессе – их правовая природа, системная организация и ключевые аспекты (организационно-регулятивный, процедурно-обеспечительный и гарантирующий). Автор анализирует существующие научные подходы к формированию системы общих условий (критериальный и концептуальный), выявляет их недостатки и предлагает ориентироваться на «правовую сущность условий», их «исключительность для стадии предварительного расследования и универсальность для его форм». Особое внимание уделено влиянию цифровизации на трансформацию общих условий предварительного расследования. Рассмотрены вызовы, связанные с переходом к электронному документообороту, расширением инструментария расследования и рисками информационной безопасности. Выявлены проблемы: процессуальные пробелы, нравственно-правовые коллизии и технические ограничения. В качестве путей совершенствования предложены: нормативное правовое регулирование (включение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации новой статьи 161.1 «Особенности производства по уголовному делу в условиях цифровизации»); организационно-правовые и технологические преобразования (создание единой платформы электронного уголовного дела, внедрение блокчейн-технологий, разработка мобильного приложения для участников процесса, установление стандартов кибербезопасности). Статья опирается на анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и зарубежного законодательства (Республика Беларусь, Республика Казахстан), а также на доктринальные источники и актуальные нормативные акты в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: предварительное расследование; общие условия предварительного расследования; уголовно-процессуальное право; цифровизация уголовного судопроизводства; электронный документооборот; цифровые доказательства; видео-конференц-связь; информационная безопасность; совершенствование уголовно-процессуального законодательства

Для цитирования: Фадеев П.В. Общие условия предварительного расследования: современное состояние и перспективы совершенствования // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 16–20.

Abstract: this article examines the general conditions of preliminary investigation in criminal proceedings: their legal nature, systemic organization, and key aspects (organizational-regulatory, procedural-enforcement, and guaranteeing). The author analyzes existing scientific approaches to the formation of a system of general conditions (criterial and conceptual), identifies their shortcomings, and proposes focusing on the “legal essence of the conditions” and their “exclusivity for the preliminary investigation stage and universality across its forms”. Particular attention is paid to the impact of digitalization on the transformation of the general conditions of preliminary investigation. The challenges associated with the transition to electronic document management, the expansion of investigative tools, and information security risks are considered. Problems identified include procedural gaps, moral and legal conflicts, and technical limitations. The following are proposed as avenues for improvement: normative-legal regulation (the inclusion of a new Article 161.1 “Characteristics of Criminal Proceedings in the Context of Digitalization” in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation); organizational, legal, and technological transformations (creation of a unified platform for electronic criminal cases, implementation of blockchain technologies, development of a mobile application for trial participants,

establishment of cybersecurity standards). The article is based on an analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, foreign legislation (Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan), as well as doctrinal sources and current regulations in the field of information technology.

Keywords: preliminary investigation; general conditions of preliminary investigation; criminal procedure law; digitalization of criminal proceedings; electronic document management; digital evidence; videoconferencing; information security; improvement of criminal procedure legislation

For citation: Fadeev P.V. General conditions of preliminary investigation: current status and prospects for improvement // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 16–20.

Общие условия предварительного расследования в своей совокупности образуют самостоятельную систему правовых норм, определяющих порядок производства по уголовному делу, наиболее важные и существенные требования к уголовно-процессуальной деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Согласно доминирующей в науке позиции к сущностным признакам общих условий относятся: нормативная регламентация в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), охват всего комплекса процессуальной деятельности на досудебной стадии, обеспечение реализации принципов уголовного судопроизводства, установление базовых правил применения процессуальных средств, направленность на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что общие условия предварительного расследования образуют самостоятельную систему правовых норм, что свидетельствует об их значимости для производства по уголовному делу, обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. При этом понимание особенностей формирования системы общих условий предварительного расследования важно не только для уяснения современных проблем данного правового института, но и для путей его совершенствования.

Вместе с тем в науке уголовно-процессуального права нет единого мнения по их содержанию и количеству. Так, одни ученые считают, только гл. 21 УПК РФ содержит общие условия предварительного расследования [1, с. 304]. В то же время другие юристы утверждают, что общие условия содержатся не только в гл. 21 и 22 УПК РФ [2, с. 647], но и в отдельных статьях, расположенных в некоторых главах УПК РФ [3, с. 226].

Как показывает исследование, в отечественной доктрине сложилось два основных подхода к формированию системы общих условий: 1) *критериальный* – базируется на формальных критериях (форма расследования, комплексный характер предварительного следствия) [2, с. 647–648]; 2) *концептуальный* – опирается на доктриналь-

ные установки (информационная активность, быстрота, объективность, дифференциация сил и средств и др.) [4, с. 11].

На наш взгляд, оба подхода затрудняют формирование системы общих условий, а также выделение основных видов общих условий: первый – ввиду излишней формализованности, второй – вследствие чрезмерной обобщенности.

Представляется, что формирование системы общих условий целесообразно осуществлять на основании «правовой сущности условий» [5, с. 82], «исключительности для стадии предварительного расследования и универсальности для его форм» [6, с. 14].

Анализ норм УПК РФ и правоприменительной практики позволяет выделить три ключевых аспекта общих условий предварительного расследования, характеризующих их сущность, исключительность и универсальность:

1) *организационно-регулятивный*, обеспечивающий упорядочение деятельности органов следствия и дознания (ст. 150–158.1 УПК РФ). Например, положения, которые определяют специфику досудебного производства (формы расследования, подследственность, место и начало производства предварительного расследования);

2) *процедурно-обеспечительный*, создающий единообразные условия при производстве следственных действий и принятии процессуальных решений при расследовании преступлений в целях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 162–170 УПК РФ). Например, нормы, регулирующие сроки предварительного следствия, общие правила производства следственных действий; удостоверение факта отказа от подписи или невозможности подписания протокола следственного действия; участие специалиста, переводчика, понятых. Следует отметить, что в данный перечень общих условий могут быть включены постановления, выносимые в ходе досудебного расследования (ст. 198 УПК Республики Казахстан)¹;

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 10.10.2025).

представление об устранении нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 199 УПК Республики Беларусь)²;

3) *гарантирующий*, позволяющий обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства (ст. 159–161 УПК РФ). Например, положения, которые определяют обязательность рассмотрения ходатайств; меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого и обвиняемого; меры по обеспечению сохранности имущества подозреваемого и обвиняемого; меры по обеспечению гражданского иска; недопустимость разглашения данных предварительного следствия. Следует отметить, что обязательность разъяснения прав участникам следственного действия, а также обеспечения мер безопасности актуальна для всех стран.

Такое разграничение позволяет, *во-первых*, систематизировать общие условия предварительного расследования по различным направлениям, устранив разрозненность норм и показав их наличие не только в гл. 21, но и в гл. 22 УПК РФ; *во-вторых*, предусмотреть целесообразность включения новых видов общих условий, обеспечивающих их назначение [7]; *в-третьих*, устранить пробелы в правовом регулировании общих условий, особенно связанных с отсутствием положений о цифровом документообороте на досудебной стадии и порядке использования электронных доказательств.

Следует обратить внимание, что внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство предполагает совершенствование общих условий предварительного расследования в связи с тем, что правоприменительная практика порождает новые вызовы:

1) *изменение процессуальной формы*, так как переход к электронному документообороту требует пересмотра отдельных правил – составления протоколов (возможность цифровой подписи), приобщения доказательств (формат электронных носителей), уведомления участников (использование мессенджеров, e-mail);

2) *расширение инструментария расследования*, связанное с появлением новых следственных действий (изъятие цифровой информации с серверов, анализ метаданных мобильных устройств, мониторинг сетевых коммуникаций);

3) *риски информационной безопасности*, влекущие необходимость защиты конституционных прав участников процесса (персональных данных), конфиденциальности следствен-

ной информации и целостности электронных доказательств.

Действительно, цифровизация общественных отношений – глобальный тренд XXI века, затрагивающий все сферы государственного управления, включая уголовное судопроизводство³. Важность для государства цифровых преобразований отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г.⁴ И этот процесс по внедрению информационных технологий находит применение при производстве по уголовным делам.

В условиях стремительного развития информационных технологий особую актуальность приобретает вопрос о трансформации предварительного расследования – ключевой стадии уголовного процесса, где формируется доказательственная база и процессуальные решения, защищаются права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, предварительное расследование испытывает объективную потребность в интеграции технологических достижений, поскольку это позволяет:

- повышать эффективность следственных действий;
- сокращать временные и ресурсные затраты;
- расширять доказательственную базу;
- обеспечивать непрерывность процесса в экстремальных условиях (например, во время пандемии COVID-19).

В юридической литературе отмечается, что интенсивность внедрения современных технологий в сферу уголовного судопроизводства предопределяет необходимость внедрения в порядок производства предварительного расследования не только процессуальных действий в виде видео-конференц-связи, но и других процедур удаленного участия, а также электронного документооборота для надлежащей реализации прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса, эффективности контрольно-надзорной деятельности и дистанционного взаимодействия по уголовному делу [8, с. 139–140].

Следует отметить, что внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство предусмотрено многочисленными

³ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 22.11.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З [Электронный ресурс]. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295&ysclid=mlj1frsfbr502697000> (дата обращения: 10.10.2025).

нормативными правовыми актами как общего, так и специального характера⁵. Анализ норм уголовно-процессуального закона показывает, что использование цифровых технологий в досудебном производстве предусмотрено: 1) при обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 11, п. 2 ч. 4 ст. 161, ч. 4.1 ст. 164, ч. 2 ст. 186, чч. 3, 8 ст. 189.1, ч. 3.1 ст. 222, ст. 232, 474.1, 474.2 УПК РФ); 2) цифровизации доказательств и процесса доказывания (ч. 4 ст. 81, ч. 4 ст. 81.1, п. 5 ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 84, ст. 474.1, 474.2 УПК РФ); 3) применении технических средств и возможностей цифровых технологий при производстве процессуальных и иных следственных действий (ч. 11 ст. 105.1, ч. 4 ст. 108, ч. 2 ст. 166, чч. 1.1, 3 ст. 170, ст. 189.1, 216, ч. 2 ст. 217, ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ); 4) обеспечении организационно-правовых аспектов деятельности органов предварительного расследования (ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ), в том числе при ведении уголовно-статистических учетов, хранении информации и вещественных доказательств (п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

В то же время анализ использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве позволяет выявить проблемы различного характера. По нашему мнению, к ним следует отнести, во-первых, процессуальные пробелы (отсутствие регламентации электронного протокола следственного действия, неопределенность статуса цифровых следов как доказательств, проблемы верификации электронных подписей в процессуальных документах); во-вторых, проблемы нравственно-правового характера (угроза подмены человеческого суждения алгоритмами «электронного мозга», снижение персональной ответственности следователя (дознателя) при автоматизации решений, риск утраты доверия к правосудию из-за «безликости» цифровых процедур); в-третьих, технические ограничения (уязвимость систем к кибератакам, несовместимость программных решений разных ведомств, недостаточная цифровая грамотность сотрудников).

⁵ Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

В целях преодоления негативных воздействий при внедрении информационных технологий в уголовное судопроизводство предлагается применение системы гарантий. К числу таких гарантий относят: установленный законом порядок электронного документооборота; деятельность государственных органов и должностных лиц, обеспечивающих электронный документооборот между участниками уголовно-процессуальных отношений; принципы электронного судопроизводства по уголовным делам; закрепление в законе права и свободы участников уголовного процесса, реализуемых в цифровой среде [9, с. 12].

Следует отметить, что в систему гарантий, обеспечивающих законное и эффективное применение информационных технологий в уголовном судопроизводстве, входят общие условия предварительного расследования, которые, с одной стороны, определяют основы этой деятельности, выступают важным и направляющим фактором в формировании и внедрении информационных технологий в производство по уголовному делу; с другой – обеспечивают защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим современные цифровые реалии, связанные с автоматизацией уголовно-процессуальной деятельности (применение информационных технологий для анализа доказательств, прогнозирования следственных ситуаций), активным внедрением электронного документооборота (переход от бумажного к электронному уголовному делу), дистанционных форматов (проведение допросов, очных ставок, опознаний с использованием видео-конференц-связи), цифровых доказательств (интеграция данных из телекоммуникационных сетей, социальных медиа, блокчейн-систем) и др., обуславливают необходимость адаптации общих условий к цифровым вызовам.

По нашему мнению, процесс совершенствования общих условий предварительного расследования в рамках цифровизации уголовного судопроизводства должен включать комплекс взаимосвязанных действий и решений, содержащих, *во-первых*, нормативное правовое регулирование.

Для реализации этого предложения целесообразно дополнить гл. 21 УПК РФ ст. 161.1 «Особенности производства по уголовному делу в условиях цифровизации», закрепив следующие положения:

- порядок формирования и ведения электронного уголовного дела;
- правила использования видео-конференц-связи;
- требования к фиксации цифровых доказательств.

Кроме того, следует внести изменения в ст. 166 УПК РФ, предусмотрев обязательную аудио- и видеофиксацию следственных действий с последующим приобщением файлов к протоколу в электронном виде.

Во-вторых, как показывает анализ, цифровые технологии в обязательном порядке предполагают организационно-правовые и технологические преобразования. В их числе следует предусмотреть:

– создание единой федеральной платформы электронного уголовного дела с интеграцией с

ГИС «Правосудие» и системами МВД России, СК России, прокуратуры;

– внедрение блокчейн-технологии для защиты целостности цифровых доказательств, разработку мобильного приложения для участников уголовного судопроизводства (ознакомление с материалами уголовного дела, подача ходатайств и др.);

– установление стандартов кибербезопасности для органов предварительного расследования.

Литература

1. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.А. Лазаревой. – Москва: Юстиция, 2016. – 653 с.
2. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев [и др.]; под ред. Л.В. Головки. – Москва: Статут, 2016. – 1278 с.
3. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. – Москва: Высшее образование, 2008. – 591 с.
4. *Шайхулов Р.Р.* Общие (принципиальные) условия досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 176 с.
5. *Данг В.Х.* Основные направления развития общих условий предварительного расследования в досудебном производстве: сравнительно-правовое исследование // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 4. – С. 78–83.
6. *Крылова Д.С.* Общие условия предварительного расследования: современное состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 285 с.
7. *Фадеев П.В., Данг В.Х.* Проблемы формирования общих условий предварительного расследования в нормах уголовно-процессуального законодательства // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – № 1 (88). – С. 12–17.
8. Защита прав и интересов в цифровой среде уголовного судопроизводства: монография / под ред. С.В. Зуева, О.В. Мичуриной. – Москва: Юрлитинформ, 2025. – 328 с.
9. Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография / под ред. С.В. Зуева. – Москва: Юрлитинформ, 2025. – 312 с.
10. *Суслов Е.В.* Проблема института общих условий предварительного расследования в современном уголовном процессе / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2018. С. 334–337.

References

1. Ugolovnyi protsess: uchebnik / pod red. V.A. Lazarevoi. – Moskva: Yustitsiya, 2016. – 653 s.
2. Kurs ugolovnogo protsessa / A.A. Arutyunyan, L.V. Brusnitsyn, O.L. Vasil'ev [i dr.]; pod red. L.V. Golovko. – Moskva: Statut, 2016. – 1278 s.
3. Ugolovnyi protsess: uchebnik dlya vuzov / pod red. B.B. Bulatova, A.M. Baranova. – Moskva: Vysshee obrazovanie, 2008. – 591 s.
4. *Shaikhulov R.R.* Obshchie (printsipial'nye) usloviya dosudebnogo proizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk. – Nizhniy Novgorod, 2007. – 176 s.
5. *Dang V.Kh.* Osnovnye napravleniya razvitiya obshchikh uslovii predvaritel'nogo rassledovaniya v dosudebnom proizvodstve: sravnitel'no-pravovoe issledovanie // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 4. – S. 78–83.
6. *Krylova D.S.* Obshchie usloviya predvaritel'nogo rassledovaniya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2024. – 285 s.
7. *Fadeev P.V., Dang V.Kh.* Problemy formirovaniya obshchikh uslovii predvaritel'nogo rassledovaniya v normakh ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva // Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii. – 2023. – № 1 (88). – S. 12–17.
8. Zashchita prav i interesov v tsifrovoi srede ugolovnogo sudoproizvodstva: monografiya / pod red. S.V. Zueva, O.V. Michurinoy. – Moskva: Yurilitinform, 2025. – 328 s.
9. Pravovye i organizatsionno-tekhnologicheskie garantii tsifrovogo ugolovnogo sudoproizvodstva: monografiya / pod red. S.V. Zueva. – Moskva: Yurilitinform, 2025. – 312 s.
10. *Suslovich E.V.* Problema instituta obshchikh uslovii predvaritel'nogo rassledovaniya v sovremenном ugolovnom protsesse / Pravookhranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Sankt-Peterburg, 2018. S. 334–337.

(статья сдана в редакцию 26.12.2025)

**Проблемы субъективной стороны состава
административного правонарушения по статье 13.53
Кодекса Российской Федерации об административных
правонарушениях: пределы доказывания и критерии
заведомости**

**Problems of the subjective side of the components
of an administrative offense under Article 13.53 of the Code
of the Russian Federation on Administrative Offenses: limits
of proof and knowledge criteria**

УДК 342.9

А.В. РИМСКИЙ,

доктор философских наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Белгородский национальный
исследовательский университет,
Россия, Белгород)
alex.rimskiy@yandex.ru

ALEXEY V. RIMSKY,

Doctor of Philosophical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod State University,
Belgorod, Russia)

И.В. АБДУЛМАНОВА,

доктор исторических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
zajcevil@mail.ru

IRINA V. ABDULMANOVA,

Doctor of Historical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: исследование посвящено комплексному анализу одной из наиболее дискуссионных проблем в современном российском административном праве – установлению субъективной стороны состава правонарушения, предусмотренного статьей 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией общественных отношений и ужесточением государственной политики в сфере противодействия экстремизму, что порождает коллизию между необходимостью обеспечения безопасности и защитой фундаментальных прав граждан на информацию и приватность. Целью работы является выявление системных проблем и юридических противоречий в процессе доказывания вины в виде заведомости – ключевого признака умышленного обращения к экстремистским материалам. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере привлечения к административной ответственности за правонарушения, связанные с обращением к запрещенной информации. Предметом является совокупность правовых норм, судебной практики и теоретических подходов, определяющих содержание и пределы доказывания субъективной стороны данного состава правонарушения. Методологическую основу составляет диалектический подход, включающий методы формально-логического, сравнительно-правового и системного анализа, а также философско-правовую интерпретацию концепта вины. Степень научной разработанности проблемы оценивается как недостаточная, что подтверждается отсутствием единообразной судебной практики и четких законодательных критериев заведомости. В ходе исследования выявлен ряд ключевых проблем: подмена доказывания субъективного умысла констатацией нейтральных технических фактов (использование VPN, Tor); игнорирование контекста обращения к информации (научные, профессиональные цели); риск привлечения к ответственности за случайный доступ в условиях алгоритмизированной цифровой среды. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости законодательной конкретизации понятия «заведомость», разработки единой экспертной методики установления умысла и введения иммунитетов

для добросовестных пользователей. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования правоприменительной практики и дальнейшего реформирования административного законодательства в целях соблюдения баланса между публичными интересами и правами личности.

Ключевые слова: заведомость; субъективная сторона; административная ответственность; экстремистские материалы; вина; интернет-пространство; противодействие экстремизму

Для цитирования: Римский А.В., Абдулманова И.В. Проблемы субъективной стороны состава административного правонарушения по статье 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: пределы доказывания и критерии заведомости // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 21–28.

Abstract: this study provides a comprehensive analysis of one of the most controversial issues in contemporary Russian administrative law: establishing the subjective element of an offense under Article 13.53 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. The relevance of this topic is driven by the rapid digitalization of public relations and the tightening of state policy in the area of countering extremism, which creates a conflict between the need to ensure security and the protection of citizens' fundamental rights to information and privacy. The aim of the study is to identify systemic problems and legal contradictions in the process of proving guilt in the form of knowledge – a key indicator of intentional access to extremist materials. The object of the study is the social relations that develop in the area of administrative liability for offenses related to accessing prohibited information. The subject is a combination of legal norms, judicial practice, and theoretical approaches that determine the content and limits of proving the subjective element of this offense. The methodological basis of the study is a dialectical approach, incorporating formal-logical, comparative-legal, and systemic analysis, as well as a philosophical and legal interpretation of the concept of guilt. The level of scientific development of this problem is assessed as insufficient, which is confirmed by the lack of uniform judicial practice and clear legislative criteria for knowingly committed. The study identified a number of key issues: the substitution of proof of subjective intent with the assertion of neutral technical facts (use of VPN, Tor); ignoring the context of access to information (scientific, professional purposes); the risk of liability for accidental access in an algorithmic digital environment. The theoretical and practical significance of the study lies in its substantiation of the need for legislative clarification of the concept of "actual knowledge", the development of a unified expert methodology for establishing intent, and the introduction of immunities for bona fide users. The results of the study can be used to improve law enforcement practices and further reform administrative legislation in order to maintain a balance between public interests and individual rights.

Keywords: actual knowledge; subjective side; administrative responsibility; extremist materials; guilt; Internet space; countering extremism

For citation: Rimsky A.V., Abdulmanova I.V. Problems of the subjective side of the components of an administrative offense under Article 13.53 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: limits of proof and knowledge criteria // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 21–28.

Совместные тенденции развития отечественного административного законодательства характеризуются прежде всего курсом на защиту духовно-нравственных ценностей российского общества [1, с. 10].

Ключевым элементом субъективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), выступает заведомость – наличие у субъекта точного знания о противоправном характере действий, направленных на поиск и получение доступа к экстремистским материалам. Именно эта категория формирует границу между случайным (правомерным) и умышленным (наказуемым) поведением, делая правонарушение виновным и индивидуализированным.

Заведомость в контексте правовой теории – это форма интеллектуального элемента вины, предполагающая осознанное понимание субъектом факта, что информация, к которой он обращается, включена в федеральный список экстремистских материалов (далее – ФСЭМ) или однозначно подпадает под признаки экстремистского содержания в рамках Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ¹. Без такого осознания применение ст. 13.53 КоАП РФ нарушает принцип вины, закрепленный в ст. 1.5 КоАП РФ и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Как подчеркивает профессор Е.А. Лунева, «заведомость отличается

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

от простой осведомленности тем, что она включает в себя не только знание факта, но и его юридическую квалификацию, то есть осознание общественной опасности и запрещенности деяния» [2, с. 63].

На практике доказательство заведомости часто представляет серьезные трудности. Отсутствие прямых доказательств знания субъекта о включении материалов в ФСЭМ нередко компенсируется судом косвенными обстоятельствами: цифровой грамотностью, использованием VPN, характером поисковых запросов и др. Однако подобная презумпция знания, опирающаяся на общую информированность, вступает в противоречие с конституционно-правовыми стандартами.

Заведомость как правовая категория должна быть доказана с учетом конкретных обстоятельств дела, а не презюмироваться исходя из абстрактного доступа к информации. Предположение о знании нарушает принцип индивидуализации ответственности.

На уровне правоприменения происходит следующее: факт открытия страницы, содержащей запрещенный, например, религиозный текст, с использованием анонимного браузера Tor уже доказывает наличие умысла. Основанием вины служит анализ логов и «техническая осведомленность» гражданина. При этом правоприменителю необходимо устанавливать факт уведомления о наличии материала в списке ФСЭМ, а также исследовать мотивы обращения к ресурсу и принимать во внимание возможность непреднамеренного перехода по ссылке.

Такая интерпретация свидетельствует о подмене реального доказывания умысла констатацией «цифровой вины», где факт использования специфических инструментов (VPN, Tor, прокси) трактуется как презумпция преступного намерения.

Философско-правовая критика подобного подхода была обоснована еще в трудах Г. Кельзеном: «Намерение не может быть выведено из технического результата действия; право должно ограничиваться анализом воли, а не ее косвенных признаков» [3, с. 198].

Таким образом, заведомость как элемент состава требует документально подтвержденного знания субъекта о правовом статусе информации, анализа мотивов и контекста действия, отказа от применения презумпции осведомленности при отсутствии доказательств.

Правоприменительная практика, в которой субъективная сторона де-факто подменяется объективными признаками (например, использованием VPN или просмотром материала без доказательства его изучения), ставит под сомнение легитимность привлечения к ответственности,

особенно в условиях действия ст. 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующей свободу поиска и получения информации.

Именно поэтому в юридической науке предлагается введение в КоАП РФ нормативного пояснения понятия «заведомость» с установлением презумпции отсутствия умысла при отсутствии доказательств, конструкции, аналогичной действующей в уголовном праве.

Среди основных юридических противоречий, возникающих при применении ст. 13.53 КоАП РФ, можно выделить следующие:

- подмена умысла обстоятельствами техники (использование VPN, наличие цифровой грамотности или определенного рода занятости трактуются судами как признаки заведомости, хотя сами по себе они нейтральны);

- игнорирование профессиональных и исследовательских целей (лица, занимающиеся мониторингом, анализом экстремистской информации (журналисты, юристы, аналитики, ученые), не получают иммунитета при обращении к запрещенным материалам).

Размыта граница между личным и публичным. В ряде случаев скачивание материала без последующего распространения можно трактовать как правонарушение, что фактически криминализирует частное потребление информации.

Как писал И.А. Ильин, «государство, желающее управлять не духом закона, а предположением о грехе, перестает быть правовым и превращается в предохранительный механизм» [4, с. 137].

На сегодняшний день нет утвержденной методики установления факта умышленного поиска экстремистских материалов. Экспертные заключения зачастую базируются на шаблонных фразах и анализе «похожести содержания», что не отвечает критериям допустимости доказательств (ст. 26.2 КоАП РФ). Как справедливо подчеркивает А.Р. Каюмов, «без четкой методологии и ограждения частного интереса от криминализации мы получим ситуацию, при которой любое взаимодействие с экстремистской темой – даже научное – подпадает под риск административной ответственности» [5, с. 89].

Включение в КоАП РФ нормы, предусмотренной ст. 13.53, выявило ряд существенных недостатков в подходе законодателя к установлению оснований административной ответственности.

Во-первых, наблюдается неопределенность критериев квалификации субъективной стороны правонарушения, выражающаяся в отсутствии четких стандартов выявления умысла субъекта.

Во-вторых, имеет место расширение сферы доказывания посредством придания доказательственного значения сугубо техническим признакам деяния, что противоречит фундаментальным

принципам презумпции невиновности и равенства перед законом.

В-третьих, наблюдается тенденция к замещению внутренней воли правонарушителя внешним поведением, следствием чего является смешение субъективных и объективных элементов состава административного проступка.

Наконец, наиболее тревожным аспектом представляется возможность установления административной ответственности исключительно на основании наличия определенного интереса у лица, без учета иных обстоятельств дела. Такой подход нарушает баланс между необходимостью поддержания правопорядка и защитой законных интересов граждан, создавая условия для произвольного применения норм законодательства.

В целях устранения обозначенных проблем представляется необходимым закрепить в применении к ст. 13.53 понятие заведомости как субъективной категории, установить исключения для исследовательской и правозащитной деятельности, разработать и утвердить единую судебную-экспертную методику анализа умысла при доступе к запрещенной информации.

Современные реалии функционирования цифрового пространства неизбежно приводят к столкновению технологий обеспечения анонимности и правовых конструкций, ориентированных на контроль за информационными потоками. Вопрос допустимости применения программно-аппаратных средств обхода ограничений, таких как VPN, сеть Tor и прокси-серверы, становится фундаментальным с точки зрения соотношения частной автономии пользователя и публичного интереса государства.

Следует подчеркнуть, что российское законодательство не содержит прямого запрета на использование технологий VPN или Tor обычными пользователями. Основные ограничения установлены в отношении провайдеров VPN-сервисов и анонимайзеров, как это предусмотрено Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ². Так, согласно ст. 15.8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ оператор анонимайзера обязан ограничить доступ к запрещенным ресурсам по требованию Роскомнадзора. В случае отказа деятельность подлежит блокировке.

Тем не менее для конечного пользователя VPN и Tor остаются легальными техническими сред-

ствами. Они широко применяются для защиты персональных данных, доступа к рабочим корпоративным системам, обеспечения информационной безопасности, правомерного обхода региональных ограничений на контент (например, в сфере образования или науки).

Профессор Е.В. Орлова подчеркивает: «Наличие технической возможности обхода не означает намерения нарушить закон. VPN, как и иные анонимизирующие средства, являются инструментом, а не доказательством вины» [6, с. 58]. Однако в правоприменительной практике наблюдается тенденция к отождествлению самого факта использования VPN/Tor с признаком умышленного поведения. Это представляет сложность квалификации, так как техническое действие, не являющееся запрещенным, начинает интерпретироваться как доказательство противоправного намерения.

Ключевая проблема правовой неопределенности заключается в том, что VPN, Tor и прокси не определены как правонарушающие средства; нет нормативного закрепления, что их применение является обстоятельством, свидетельствующим о заведомости; не разработаны стандарты доказывания, при которых можно было бы уверенно сделать вывод о наличии умысла в использовании этих технологий.

Философско-правовой аспект данной проблемы особенно четко проявляется в идее правового минимализма, изложенной в трудах Г. Кельзена и А. Хатчинсона. «Задача права – регулировать социальные последствия поступков, а не средства их совершения, если сами по себе эти средства не являются запрещенными» [7, с. 75]. Следовательно, если VPN не является запрещенным, то его использование может быть рассмотрено как форма обеспечения конфиденциальности, а не доказательство преступного намерения. Более того, в условиях массовой блокировки образовательных, научных и правозащитных ресурсов применение таких технологий может рассматриваться как реализация конституционного права на получение информации (ст. 29 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, правоприменительная неопределенность в отношении VPN, Tor и прокси заключается в двойственной природе подхода при отсутствии законодательного запрета и при наличии легальных целей использования, суды трактуют эти действия как составляющие вины. Использование таких технологий не может резюмироваться как признак противоправности, необходимо нормативно разграничить цели и контекст использования данных средств, следует установить запрет на интерпретацию технических средств как доказательства вины, если отсутству-

² Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ет иное подтверждение субъективной стороны правонарушения.

Одним из центральных вопросов в правоприменении ст. 13.53 КоАП РФ является установление факта умышленного доступа к экстремистским материалам с использованием VPN, Tor или иных технических средств. Этот аспект напрямую затрагивает доказуемость субъективной стороны, от которой зависит квалификация действия как административного правонарушения.

Современная цифровая среда характеризуется технической сложностью и многослойностью пользовательского поведения, в которой не всегда возможно однозначно установить, имел ли субъект намерение обратиться к определенной информации. Использование технических решений – это прежде всего нейтральные действия, лишённые общественно опасного содержания без их соотнесения с контекстом и целью.

На момент подготовки настоящего исследования констатируем, что ни КоАП РФ, ни подзаконные акты не содержат методических рекомендаций или стандартов доказывания субъективной стороны при использовании анонимизирующих технологий. Это оставляет широкое поле для расширительного толкования, при котором любое действие с элементами анонимности трактуется как потенциально противоправное.

По мнению профессора О.В. Поповой, «в цифровой среде доказательство вины требует анализа не только технических действий, но и поведенческих моделей, мотивов и контекста. Без этого правовая квалификация становится формальной» [8, с. 93]. При этом нормы ст. 1.5 КоАП РФ прямо запрещают резюмировать вину без достаточных доказательств, особенно в случаях, когда поведение лица может быть объяснено правомерными причинами.

Привлечение к ответственности исключительно за доступ к запрещённой информации, при отсутствии факта ее распространения или призывов к насилию, означает сдвиг фокуса регулирования с действия на намерение. Это противоречит принципам правового государства, основанного на презумпции невиновности и ответственности только за доказанные деяния, а не за мысли, взгляды или техническое поведение.

Г. Кельзен справедливо отмечал: «Право регулирует не внутреннее содержание сознания, а внешне выраженные действия, имеющие значение для общественного порядка» [3, с. 201].

В современном контексте это означает, что без доказательства конкретного намерения получить доступ к экстремистскому материалу факт использования технических средств не может быть признан противоправным. Особую актуальность приобретает проблема качества и надёжности

цифровых доказательств, на которые опираются органы административной юрисдикции. Скриншоты, сохранённые браузерные логи, показания сотрудников правоохранительных органов, не прошедшие цифровую экспертизу, – все это не даёт достаточной уверенности в осознанности действий субъекта.

Д.С. Пашенцев по этому поводу утверждает: «Юридическая действительность требует технологически верифицированного и экспертно подтверждённого анализа цифрового следа. Иначе вся административная процедура превращается в гипотезу, выдаваемую за доказанную вину» [9, с. 79].

Вопрос о намеренности также осложняется техническими особенностями автоматических загрузок, скрытых ссылок, перенаправлений, встроённого контента. В результате пользователь может не иметь представления о том, что взаимодействует с экстремистским ресурсом, особенно в рамках динамически подгружаемых материалов.

Проблема определения факта умышленного доступа к запрещённой информации через технические средства заключается в следующем:

- отсутствует нормативное определение признаков умысла в цифровой среде, применимое к действиям, совершаемым через VPN, Tor и аналогичные технологии;
- презумпция знания о противоправности доступа, основанная на техническом поведении, противоречит правовому принципу индивидуализации вины;
- доказательства цифрового поведения требуют экспертной оценки, а не формального признания фактов, которые могут иметь множество объяснений;
- переход к ответственности за намерение, а не за действия подрывает основу юридической презумпции свободы личности.

С точки зрения доктрины требуется введение минимальных стандартов доказывания субъективной стороны по делам, связанным с цифровым поведением, отказ от автоматического приравнивания использования VPN к заведомости, контекстуальная оценка поведения субъекта, включая цели, длительность, частоту и характер действий в Сети.

Один из самых спорных и недоработанных аспектов норм ст. 13.53 КоАП РФ – это отсутствие в законе и судебной практике четких критериев разграничения пользовательской инициативы (сознательного поиска запрещённой информации) и случайного, непреднамеренного доступа. В условиях цифровой среды, где поведение пользователя опосредовано алгоритмами, автооткрывающимися окнами, перенаправлениями и предзагрузкой данных, правовая неопределённость порождает риск необоснованного привлечения к ответственности.

Цифровая среда по своей природе дестабилизирует причинно-следственную связь между намерением пользователя и результатом его действий. Система автозаполнения, алгоритмы рекомендации контента, push-уведомления, автоматические перенаправления по ссылкам и встроенные элементы (iframe, embed) – все это делает возможным произвольное открытие контента, в том числе запрещенного, без активной воли субъекта.

Как справедливо отмечает профессор Е.С. Мартынюк, «цифровая архитектура современных интернет-ресурсов такова, что пользователь может получить доступ к информации не вследствие целенаправленного поиска, а вследствие архитектуры сайта или настроек устройства» [10, с. 75].

С учетом современной цифровой среды правовая система нуждается в обновлении понятийного аппарата, способного адекватно оценивать поведение в условиях автоматизации и алгоритмизации [11, с. 65]. В частности, требуется введение в КоАП РФ дефиниции случайного доступа, основанной на отсутствии целенаправленных действий; разработка методики оценки поведения пользователя, включая анализ последовательности действий, скорости переходов, времени нахождения на странице; закрепление обязанности суда мотивированно опровергать возможность случайного доступа, если она заявлена стороной защиты.

А.Р. Сотников подчеркивает: «Без внедрения правового критерия случайности поведение, не обладающее общественной опасностью, может быть приравнено к умышленному, что создает репрессивный эффект и подрывает доверие к праву» [12, с. 84]. Признание ответственности за факт доступа без воли субъекта нарушает основополагающий принцип личной автономии, на котором построена система современного публичного права. Право, как утверждал И. Кант, «начинается там, где начинается свобода субъекта как способность к самодетерминации» [13, с. 149]. Если действия субъекта не были осознанными и целенаправленными, ответственность – это не акт справедливости, а санкция без вины.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать обоснованный вывод о том, что проблема противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях представляет собой не только юридический, но и фундаментально-философский вызов современному правопорядку. Статья 13.53 КоАП РФ, регламентирующая ответственность за умышленный поиск и доступ к заведомо экстремистским материалам, воплощает собой нормативную реакцию государства на рост угроз идеологической радикализации в цифровой

среде. Однако эта реакция выявляет ряд глубинных противоречий, требующих как правового, так и концептуального переосмысления.

Во-первых, содержание ст. 13.53 КоАП РФ формирует новую конструкцию правонарушения, в которой на первый план выходит контроль за индивидуальным поведением в непубличном информационном пространстве. Таким образом, административная ответственность наступает не за распространение, а за факт обращения к информации, квалифицированной как экстремистская. Это означает расширение зоны правового регулирования до пределов частного познавательного интереса, что ранее не было характерно для российской правовой системы.

Во-вторых, нормативное закрепление вины через категорию заведомости порождает юридическую неопределенность, поскольку в реальной правоприменительной практике не выработаны стандарты доказывания знания о противоправном характере информации. Факт использования VPN, Tor или других анонимизирующих инструментов необоснованно трактуется как презумпция вины, в то время как сами эти технологии не являются запрещенными и применяются в том числе в целях защиты персональных данных, доступа к научным и образовательным ресурсам, а также обеспечения цифровой безопасности.

В-третьих, применение ст. 13.53 КоАП РФ ведет к формальному установлению вины, когда цифровые следы (IP-адреса, история переходов, лог-файлы) рассматриваются как достаточные основания для привлечения к ответственности. При этом не исследуются мотивы и цели поведения субъекта, контекст обращения к информации, а также возможность случайного или автоматического доступа. Такое правоприменение противоречит не только положениям ст. 1.5 КоАП РФ, но и конституционно-правовому принципу индивидуализации ответственности, закрепленному в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

В-четвертых, проведенный анализ продемонстрировал отсутствие в действующем законодательстве четкого разграничения между допустимым радикализмом и экстремизмом, что создает угрозу необоснованного расширения репрессивных мер в отношении инакомыслия. Несмотря на то что Конституция Российской Федерации гарантирует право на свободу мысли и слова, на практике любая форма политической, идеологической или религиозной критики может быть интерпретирована как экстремистская при наличии минимальных формальных признаков.

С философско-правовой точки зрения складывающаяся ситуация отражает опасную тенденцию подмены правовой ответственности моральным

суждением, а факта преступления – предположением о намерении. В условиях цифровой среды государство фактически начинает наказывать за интерес, а не за действие. Это противоречит базовым постулатам правового государства и ставит под сомнение реализацию конституционного принципа свободы личности.

В связи с этим авторы считают необходимым предложить следующие меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики:

- уточнение состава правонарушения, предусмотренного ст. 13.53 КоАП РФ, с законодательным закреплением понятия «заведомость» как осознанного знания субъекта о статусе материала;
- исключение административной ответственности в случаях, когда обращение к экстремистским материалам было обусловлено исследовательскими, образовательными или профессиональными задачами, что требует введения соответствующих оговорок в закон;

– разработка единой судебно-экспертной методики, позволяющей дифференцировать умышленный и случайный доступ, а также оценивать характер использования технических средств анонимизации;

– запрет на использование технических параметров (VPN, Tor и др.) в качестве единственного доказательства умысла, если не установлены иные признаки виновного поведения.

Таким образом, результатом настоящего исследования стало обоснование позиции, согласно которой эффективное противодействие экстремизму должно сочетаться с обеспечением информационной свободы, правовой определенности и индивидуализации ответственности. Только в этом случае правовое регулирование в цифровой сфере будет соответствовать принципам правового государства, служа не средством произвольного ограничения прав, а механизмом охраны справедливости, законности и демократического баланса.

Литература

1. **Дизер О.А.** Общественная нравственность в структуре общественного порядка и роль правовых средств в ее охране // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1 (39). – С. 8–14.
2. **Лунева Е.А.** Вина как основание юридической ответственности: современные проблемы теории и практики // Российский юридический журнал. – 2023. – № 2. – С. 60–68.
3. **Кельзен Г.** Чистое учение о праве. – Москва: Юрист, 2004. – 288 с.
4. **Ильин И.А.** О сущности правосознания. – Москва: Республика, 2001. – 256 с.
5. **Каюмов А.Р.** Правовая природа ответственности за обращение к экстремистским материалам // Закон. – 2023. – № 8. – С. 85–92.
6. **Орлова Е.В.** Технологии и право: проблемы правоприменения в условиях цифровизации // Информационное право. – 2023. – № 1. – С. 55–61.
7. **Хатчинсон А.** Критика правового разума. – Москва: Прогресс-Традиция, 2005. – 288 с.
8. **Попова О.В.** Цифровая среда и субъективная сторона правонарушения: вызовы для теории и практики // Право и информационные технологии. – 2023. – № 2. – С. 90–96.
9. **Пашенцев Д.С.** Цифровое доказательство: границы допустимости и интерпретации // Закон. – 2022. – № 9. – С. 76–82.
10. **Мартынюк Е.С.** Правовая ответственность в условиях цифровой неопределенности: вызовы судебной практике // Право и цифровая среда. – 2022. – № 4. – С. 74–82.
11. **Дизер О.А.** Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70.
12. **Сотников А.Р.** Цифровая вина и реальность Интернета: новая типология субъективной стороны // Государство и право. – 2023. – № 3. – С. 81–88.
13. **Кант И.** Метафизика нравов / пер. с нем. – Москва: Наука, 2002. – 284 с.

References

1. **Dizer O.A.** Obshchestvennaya нравstvennost' v strukture obshchestvennogo poriyadka i rol' pravovykh sredstv v ee okhrane // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – № 1 (39). – S. 8–14.
2. **Luneva E.A.** Vina kak osnovanie yuridicheskoi otvetstvennosti: sovremennye problemy teorii i praktiki // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2023. – № 2. – S. 60–68.
3. **Kel'zen G.** Chistoe uchenie o prave. – Moskva: Yurist", 2004. – 288 s.
4. **Il'in I.A.** O sushchnosti pravosoznaniya. – Moskva: Respublika, 2001. – 256 s.
5. **Kayumov A.R.** Pravovaya priroda otvetstvennosti za obrashchenie k ekstremistskim materialam // Zakon. – 2023. – № 8. – S. 85–92.
6. **Orlova E.V.** Tekhnologii i pravo: problemy pravoprimeneniya v usloviyakh tsifrovizatsii // Informatsionnoe pravo. – 2023. – № 1. – S. 55–61.
7. **Khatchinson A.** Kritika pravovogo razuma. – Moskva: Progress-Traditsiya, 2005. – 288 s.

Теоретические и прикладные аспекты правоохранительной деятельности

8. **Popova O.V.** Tsifrovaya sreda i sub'ektivnaya storona pravonarusheniya: vyzovy dlya teorii i praktiki // Pravo i informatsionnye tekhnologii. – 2023. – № 2. – S. 90–96.
 9. **Pashentsev D.S.** Tsifrovoye dokazatel'stvo: granitsy dopustimosti i interpretatsii // Zakon. – 2022. – № 9. – S. 76–82.
 10. **Martynyuk E.S.** Pravovaya otvetstvennost' v usloviyakh tsifrovoy neopredelennosti: vyzovy sudebnoi praktike // Pravo i tsifrovaya sreda. – 2022. – № 4. – S. 74–82.
 11. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoi bezopasnosti v usloviyakh formirovaniya tsifrovogo prostranstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). – S. 63–70.
 12. **Sotnikov A.R.** Tsifrovaya vina i real'nost' Interneta: novaya tipologiya sub'ektivnoi storony // Gosudarstvo i pravo. – 2023. – № 3. – S. 81–88.
 13. **Kant I.** Metafizika нравов / per. s nem. – Moskva: Nauka, 2002. – 284 s.
-
-

(статья сдана в редакцию 12.11.2025)

**Криминалистическое обеспечение международного
взаимодействия при расследовании преступлений против
семьи и несовершеннолетних**

**Forensic support of international cooperation in investigating
crimes against the family and minors**

УДК 343.98

А.Р. Акиев,

кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
melhi530@mail.ru

Arbi R. Akiev,

Candidate of Law, Associate Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: статья посвящена международному сотрудничеству как ключевому направлению организационно-правового (организационно-криминалистического) обеспечения противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних, совершаемым транснациональными организованными формированиями, иностранными гражданами и лицами без гражданства. Актуальность исследования обусловлена ростом транснациональных посягательств на несовершеннолетних, необходимостью розыска скрывающихся за рубежом лиц и осложнением взаимодействия с рядом недружественных государств. Степень разработанности проблемы раскрывается через анализ научных подходов к понятию международного полицейского сотрудничества и его роли в уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности. Объектом исследования выступает международное полицейское сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, предметом – формы и организационно-правовые условия взаимодействия органов предварительного расследования Российской Федерации с иностранными правоохранительными органами, международными организациями и неправительственными структурами при расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних. Цель работы – систематизировать основные формы взаимодействия и выявить юридически значимые особенности их применения. В результате выделены базовые формы сотрудничества (информационный обмен, международный розыск, правовая помощь, экстрадиция, международные учеты, совместные следственно-оперативные группы и мероприятия), показано значение регионального уровня (Содружество Независимых Государств) и Межгосударственной программы 2024–2028 гг., уточнены требования к подготовке запросов о правовой помощи (в т.ч. при изъятии сведений, охраняемых тайной), обоснована целесообразность совместных и «параллельных» расследований. Практическая значимость состоит в ориентировании следователей и дознавателей на использование международных механизмов и в выводах о необходимости совершенствования обучения.

Ключевые слова: международное полицейское сотрудничество; преступления против семьи и несовершеннолетних; транснациональная преступность; правовая помощь по уголовным делам; международный розыск; совместные следственно-оперативные группы; информационный обмен

Для цитирования: Акиев А.Р. Криминалистическое обеспечение международного взаимодействия при расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 29–35.

Abstract: this article examines international cooperation as a key area of organizational and legal (organizational and forensic) support for combating crimes against the family and minors committed by transnational organized groups, foreign citizens, and stateless persons. The relevance of the study is determined by the growth of transnational attacks on minors, the need to locate individuals hiding abroad, and the complexity of interactions with a number of unfriendly states. The current state of the problem is revealed through an analysis of scientific approaches to the concept of international police cooperation and its role in criminal procedure and forensic activities. The object of the study is international police cooperation in criminal proceedings, and the subject matter is the forms and organizational and legal conditions of interaction between preliminary investigation bodies of the Russian Federation and foreign law enforcement agencies, international organizations, and non-governmental entities in the investigation of crimes against the family and minors. The purpose of the work is to systematize the main forms of interaction and identify the legally significant features of their application. As a result, the basic

forms of cooperation (information exchange, international investigations, legal assistance, extradition, international records, joint investigative teams and activities) were identified. The importance of the regional level (Commonwealth of Independent States) and the Interstate Program 2024–2028 was demonstrated. Requirements for preparing requests for legal assistance (including for the seizure of classified information) were clarified. The feasibility of joint and “parallel” investigations was substantiated. The practical significance lies in guiding investigators and inquiry officers in the use of international mechanisms and in drawing conclusions regarding the need for improved training.

Keywords: international police cooperation; crimes against the family and minors; transnational crime; mutual legal assistance; international search; joint investigative teams; information exchange

For citation: Akiev A.R. Forensic support of international cooperation in investigating crimes against the family and minors // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 29–35.

Одним из ключевых направлений криминалистического обеспечения противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних в системе его общей концепции выступает международное сотрудничество правоохранительных органов и организаций в ходе раскрытия и расследования преступной деятельности рассматриваемой категории, совершаемой транснациональными организованными преступными формированиями, иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России, предупреждения таких преступлений.

В современных условиях международного сотрудничества Российской Федерации, в том числе непростых реалиях взаимодействия с рядом недружественных государств и надгосударственных объединений, с территории и гражданами которых совершаются преступления против семьи и несовершеннолетних на территории России и в отношении наших граждан, требуется поиск новых возможностей взаимодействия с международными правоохранительными структурами и организациями в решении задач раскрытия, расследования и предупреждения рассматриваемой преступной деятельности. Также необходимо отметить значительное число преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних на территории России иностранными гражданами и лицами без гражданства, после чего они пытаются скрываться в других государствах. На территории иных государств могут скрываться от органов предварительного расследования и граждане России, совершившие преступления указанной группы.

Рассматриваемое взаимодействие выступает элементом более широкого по своему содержанию международного сотрудничества правоохранительных органов и организаций (полицейского сотрудничества), в том числе в сфере противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних. В юридической литературе подчеркивается, что такое сотрудничество представляет собой важную сферу международных отношений, обеспечивающую международно-правовой и внутригосударственный правопорядок, способству-

ющую международной и национальной безопасности, и является необходимой мерой в борьбе с криминальной угрозой [1, с. 10; 2, с. 5].

При этом можно выделить несколько научных подходов к определению международного полицейского сотрудничества. По мнению одних авторов, такое сотрудничество представляет собой сложную систему отношений между органами полиции двух и более государств, направленную на предупреждение, пресечение и расследование правонарушений на национальном и транснациональном уровнях, а также на принятие мер по совершенствованию управления и работы органов полиции (организационно-правового, технического, кадрового характера), в том числе в ходе миротворческой и миростроительной деятельности [3, с. 43].

Другие исследователи рассматривают международное полицейское сотрудничество как совместную деятельность полицейских организаций государств, других правоохранительных органов и международных правоохранительных (полицейских) организаций, осуществляемую на основе действующих норм международного и национального права и преследующую общую цель оказания практической взаимной помощи в рамках предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, вне зависимости от степени их опасности и масштабности последствий, поимки виновных в их совершении лиц [4, с. 140].

Представляется, что понимание рассматриваемого международного сотрудничества как определенной правоохранительной деятельности наиболее отвечает современной объектно-предметной сфере криминалистики и, как следствие, объекту криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования в части их взаимодействия с полицейскими органами других государств и международными полицейскими организациями, которая получает конкретизацию применительно к средствам и рекомендациям осуществления такого взаимодействия при расследовании преступлений отдельных групп и видов. Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений против семьи и несовершеннолет-

них здесь не являются исключением. «Взаимодействие и координация деятельности как элементы организации расследования в данном случае осуществляются как на уровне расследования отдельного преступления, так и на уровне взаимодействия органов расследования и иных организаций» [5, с. 38]. Как следствие, в процессе осуществления такой криминалистической деятельности важно знать и активно использовать при соответствующей потребности возможности рассматриваемого международного полицейского сотрудничества с органами других стран и международными правоохранительными организациями.

Общая цель международного сотрудничества правоохранительных органов и организаций обуславливает постановку его более конкретных задач, в числе которых особо выделяются [6, с. 12; 7, с. 48]:

- предупреждение и пресечение транснациональной преступной деятельности;
- оказание правовой помощи по уголовным делам, подпадающим под национальную юрисдикцию;
- выполнение международных задач правоохранительного характера в зонах конфликта;
- обмен опытом борьбы с преступностью;
- совершенствование нормативно-правового обеспечения рассматриваемого взаимодействия на международном и национальном уровнях;
- оказание помощи иным государствам по совершенствованию организации и функционирования полицейских органов (в том числе материальной, технической, экспертной и иной дополнительной помощи).

Указанные общие задачи международного полицейского сотрудничества получают свою конкретизацию в зависимости от сферы противодействия преступности, субъектов правоохранительной деятельности, вступающих в международное взаимодействие, а также характера задач, которые преследует такое взаимодействие.

Следует отметить, что взаимодействие в вопросах противодействия преступности против семьи и несовершеннолетних достаточно давно выступает объектом международного права. Как отмечается в юридической литературе (на примере противодействия киберпреступлениям против несовершеннолетних), такое международное взаимодействие осуществляется на двух уровнях: универсальном и региональном. Универсальное взаимодействие и сотрудничество реализуется уже непосредственно под эгидой Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и Международной организации уголовной полиции, связано с формированием международного правового регулирования и общей координации соответствующей правоохранительной деятельности.

Региональный уровень международного сотрудничества при этом определяется как наиболее существенный, поскольку расследование транснациональных преступлений наиболее эффективно в меньших группах [8, с. 233].

Здесь особо следует отметить международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). В 2023 году на основании решения, принятого главами государств СНГ, утверждена Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 гг. (далее – Межгосударственная программа)¹.

Принятие Межгосударственной программы на новый период обусловлено необходимостью поддержания согласованного взаимодействия государств-участников в противодействии современным криминальным угрозам и повышении эффективности совместных мер.

Программа определяет приоритеты по борьбе с преступлениями против семьи и несовершеннолетних и развитию информационного обмена при их выявлении и расследовании (торговля людьми, эксплуатация, сексуальное насилие, порнопреступления с использованием информационных технологий, включая детскую порнографию). Предусмотрены меры по розыску, задержанию и экстрадиции разыскиваемых лиц, установлению пропавших без вести и идентификации неопознанных трупов, а также создание совместных следственно-оперативных групп. Отдельно закреплена разработка и внедрение инновационных криминалистических и криминалистических технологий для предупреждения, раскрытия преступлений и устранения причин и условий их совершения.

Указанные возможности взаимодействия правоохранительных органов стран СНГ должны учитываться органами предварительного расследования в ходе решения соответствующих информационных и розыскных задач по уголовным делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних.

С учетом представленных в научной литературе позиций ученых-правоведов [9, с. 32; 10, с. 5; 11, с. 137], конкретизируя общие подходы международного полицейского сотрудничества к взаимодействию органов следствия и дознания Российской Федерации с правоохранительными органами других стран и международными правоохранительными организациями в ходе расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, выделим следующие формы такого взаимодействия: 1) ин-

¹ Решение Совета глав государств СНГ «О Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 годы» (принято в г. Бишкеке 13.10.2023) [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – URL: <http://cis.minsk.by/>

формационный обмен; 2) международный розыск; 3) запросы о правовой помощи, содействие в получении доказательств; 4) совместная работа в международных следственно-оперативных группах; 5) проведение совместных оперативно-разыскных мероприятий; 6) экстрадиция преступников; 7) ведение международных учетов и баз данных.

Информационный обмен является одной из ключевых и наиболее эффективных форм взаимодействия органов предварительного расследования Российской Федерации с зарубежными правоохранительными органами и международными организациями при расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних. Передаваемая по этим каналам криминалистически значимая информация обычно имеет розыскной, ориентирующий, справочный либо вспомогательный характер и включает сведения: 1) о пропавших без вести несовершеннолетних и обстоятельствах их исчезновения (в т.ч. возможном вывозе для эксплуатации, изготовления детской порнографии, незаконного усыновления, «домашнего рабства»); 2) о расследованиях и транснациональных схемах преступной деятельности (причастные группы, организации и лица, их гражданство и местонахождение, способы и территория совершения, связи с Российской Федерацией и гражданами Российской Федерации); 3) данные зарубежных и международных учетов, включая миграционные перемещения; 4) архивные материалы; 5) аналитические обзоры и прогнозы, в том числе по новым, преимущественно высокотехнологичным способам совершения таких преступлений и международной практике их выявления и расследования.

Мероприятия по международному розыску направлены на установление местонахождения лиц, скрывающихся за рубежом от уголовного преследования на территории России, их задержание и последующую экстрадицию, а также поиск без вести пропавших, преимущественно несовершеннолетних, которые являются или могут выступать потерпевшими по уголовным делам рассматриваемой категории.

Важной формой международного взаимодействия органов предварительного расследования Российской Федерации является направление запросов о правовой помощи для получения доказательств за пределами России. В соответствии со ст. 453 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа и дознаватель вправе инициировать на территории иностранного государства производство допроса, осмотра, выемки, обыска, экспертизы и иных процессуальных действий компетентными органами на основании международного договора, соглашения либо принципа взаимности.

Подготовка такого запроса имеет выраженную криминалистическую обусловленность: решение принимается по результатам оценки следственной ситуации и задач доказывания. По делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних на практике нередко возникают затруднения, приводящие к необоснованным отказам от взаимодействия, что связано с недостаточным знанием международно-правовой базы, дефицитом навыков составления запросов, низким качеством процессуальных материалов, языковыми барьерами, а также длительностью исполнения и неопределенностью результата [12, с. 104]. Это требует корректировки программ обучения и повышения квалификации следователей и дознавателей.

При подготовке запросов данной категории необходимо учитывать юридические особенности. Так, при выемке предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну, требуется судебное решение Российской Федерации (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ); к таким сведениям, в частности, относятся медицинская, нотариальная, адвокатская тайна, тайна усыновления и иные данные, связанные с защитой прав детей. Позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации², разъяснения СК России³ и судебная практика⁴ подтверждают: запрос о правовой помощи на проведение выемки таких документов возможен лишь при наличии соответствующего судебного решения Российской Федерации; утверждения о необходимости обязательного направления подобных запросов через Следственный комитет Российской Федерации не имеют достаточного нормативного обоснования. Отдельно подчеркивается требование к высокому качеству запросов: недопустимы формальные, юридические и содержательные ошибки [13, с. 12].

Эффективной формой расследования транснациональных преступлений против семьи и несовершеннолетних является создание международных (совместных) следственно-оперативных групп, ориентированных на оперативное реагиро-

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Информационное письмо СК России от 30.12.2014 № 211-51098-14 «О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда от 03.02.2014 по делу № 10-1325 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/b34c1003-b084-40c9-a58a-3d2e29eb80c5?caseNumber=10-1325&year=2014&formType=fullForm>

вание, раскрытие и пресечение преступной деятельности, ее предупреждение и привлечение к ответственности лиц, действующих на территориях нескольких государств.

В доктрине такие группы рассматриваются как объединения представителей компетентных органов разных стран, уполномоченные осуществлять процессуальные действия по конкретному уголовному делу на территориях государств-участников [14, с. 295]. Данное определение целесообразно дополнить указанием на формирование групп на основе международных договоров (соглашений) и на возможность проведения не только процессуальных, но и розыскных и иных мероприятий для установления потерпевших, доказательств и других криминалистически значимых сведений. Использование таких групп оптимизирует собирание доказательств в двух и более государствах, в том числе за счет минимизации обращения к длительным процедурам правовой помощи.

В юридической литературе высказывается мнение, что создание межгосударственных (совместных) следственно-оперативных групп определяется исключительно порядком, закрепленным в двусторонних договорах Российской Федерации о правовой помощи по уголовным делам [15, с. 120]. Данная позиция представляется неточной, поскольку соответствующий механизм предусмотрен и многосторонними международными актами.

Так, ст. 63 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам⁵ допускает создание совместных следственно-оперативных групп для быстрого и всестороннего расследования преступлений, совершенных на территориях двух и более договаривающихся государств либо затрагивающих их интересы. Кроме того, Соглашение о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников СНГ⁶ определяет такую группу как создаваемую по согласованию центральных компетентных органов сторон и состоящую из двух и более национальных следственных (следственно-оперативных) групп.

Аналогичный подход закреплен и на универсальном уровне – ст. 19 Конвенции ООН против

транснациональной организованной преступности⁷, которая предусматривает совместное расследование на основе двусторонних/многосторонних соглашений либо (при их отсутствии) по договоренности в каждом конкретном случае.

Следовательно, международно-правовые основания создания совместных следственно-оперативных групп для Российской Федерации могут быть как двусторонними, так и многосторонними, а состав таких групп определяется характером транснациональной преступной деятельности и может включать представителей правоохранительных органов двух и более государств.

В криминалистической литературе высказываются сомнения в эффективности международных следственно-оперативных групп, указывается на возможное влияние политических факторов, отсутствие ответственности перед партнерской стороной, необходимость внутригосударственных согласований для проведения действий за рубежом, а также языковые, психологические и иные коммуникативные барьеры [16, с. 123].

Эти доводы носят дискуссионный характер применительно к расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних. Политико-правовые ограничения (отсутствие договорной базы или готовности ее соблюдать) скорее отражают общее состояние международного полицейского сотрудничества и не характеризуют саму форму взаимодействия; при наличии устойчивых партнерских отношений соответствующие правовые и организационные условия, включая согласования и разрешения, могут быть обеспечены.

Коммуникационные трудности, напротив, относятся к сфере организационно-криминалистического обеспечения деятельности групп и подлежат управлению (привлечение сотрудников со знанием языка / переводчиков, предварительное согласование каналов связи, порядка обмена информацией и полномочий командированных участников). Допустимым форматом является и «параллельное» совместное расследование, когда стороны ведут согласованные действия на территориях своих государств, обмениваясь информацией и доказательствами в установленном порядке [17, с. 145].

Для устойчивых транснациональных посягательств против семьи и несовершеннолетних (сексуальная эксплуатация, похищение и торговля, изготовление и оборот детской порнографии) криминалистически оправдано создание постоянно действующих международных следственно-оперативных групп.

⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией № 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions (дата обращения: 24.01.2026).

⁵ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Соглашение о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств (ратифицировано Федеральным законом от 22.02.2017 № 15-ФЗ «О ратификации Соглашения о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств») [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420385655> (дата обращения: 24.01.2026).

Помимо взаимодействия с зарубежными правоохранительными органами, криминалистическое значение по делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних имеет сотрудничество органов предварительного расследования Российской Федерации с международными неправительственными организациями правоохранительной направленности. В литературе эта форма характеризуется как специфическая и при отсутствии у такой организации статуса правоохранительного органа предполагает заключение письменного соглашения о постоянном содействии (предоставление информации, экспертные консультации, обучение и др.) [18, с. 51].

Круг привлекаемых организаций определяется видом, географией расследуемой преступной деятельности и текущими внешнеполитическими условиями. Вместе с тем, как верно отмечается отдельными учеными-криминалистами, такое сотрудничество способно содействовать установлению обстоятельств преступлений, выявлению причастных лиц и решению иных задач предварительного расследования [19, с. 35].

Криминалистические задачи, решаемые при сотрудничестве в раскрытии и расследовании транснациональных преступлений против семьи и несовершеннолетних, включают: 1) получение сведений о причастности транснациональных преступных сообществ к посягательствам на территории Российской Федерации или в отношении граждан Российской Федерации; 2) выявление преступных эпизодов за рубежом, совершенных в отношении

российских граждан (преимущественно несовершеннолетних); 3) установление государств, связанных с совершением преступлений и возможным хранением похищенных (незаконно полученных) сведений, составляющих семейную и иную охраняемую законом тайну; 4) содействие в установлении местонахождения жертв, их освобождении и возвращении в Российскую Федерацию, а также в получении и передаче следствию информации от лиц, находящихся за рубежом; 5) выявление новых свидетелей; 6) установление возможной вовлеченности представителей публичных структур иных государств и надгосударственных образований; 7) привлечение внимания общественности и компетентных органов за рубежом к такой преступной деятельности как элемент профилактики.

Указанное направление международного сотрудничества является актуальным и перспективным предметом междисциплинарных исследований, ориентированных на дальнейшее совершенствование практических рекомендаций.

В целом, подводя итог изложенному, отметим, что организационно-криминалистическое обеспечение выступает важным элементом общей концепции повышения эффективности и результативности работы по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений против семьи и несовершеннолетних. В свою очередь, сформулированные выводы и предложения могут быть положены в основу совершенствования других направлений криминалистического обеспечения противодействия рассматриваемому виду преступной деятельности.

Литература

1. Головатюк В.В. Организация международного полицейского сотрудничества в сфере профессиональной подготовки кадров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 28 с.
2. Уткин В.А. Международное право борьбы с преступностью: учебное пособие. – Москва: Юстиция, 2019. – 188 с.
3. Организационно-правовые аспекты современного международного сотрудничества полицейских органов: учебное пособие / В.А. Колесников, А.В. Кирнос, К.А. Ситников [и др.]. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2020. – 152 с.
4. Губернская А.А. К вопросу о понятии международного полицейского сотрудничества // Государственная служба и кадры. – 2016. – № 2. – С. 139–142.
5. Зеленский В.Д., Куемжиева С.А. Организационные аспекты групповой методики расследования преступлений // Российская юстиция. – 2018. – № 3. – С. 35–39.
6. Обеспечение международного полицейского сотрудничества НЦБ Интерпола МВД России: учебное пособие / под ред. И.Ю. Севостьянова, А.И. Клименко, А.Ю. Гарашко. – Москва, 2024. – 60 с.
7. Ситников К.А. Международное полицейское сотрудничество: понятие, принципы, виды и формы // Административное право и процесс. – 2025. – № 2. – С. 46–50.
8. Пузырева Ю.В., Захарова А.Д. Актуальные направления международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере информационных технологий в отношении детей // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 231–234.
9. Зуев С.В. Международное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью // Российский следователь. – 2010. – № 8. – С. 32–34.
10. Волеводз А.Г., Цыплакова А.Д. Международное полицейское сотрудничество: современная институциональная структура и тенденции развития // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 3. – С. 2–6.
11. Дягилев А.А. Теория взаимодействия и проблемы международного сотрудничества полицейских подразделений России и зарубежных стран, влияющие на борьбу с торговлей женщинами в целях сексуальной эксплуатации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 133–140.
12. Ермаков С.В. Некоторые особенности деятельности дознавателей по уголовному преследованию иностранных граждан, совершивших преступления на территории Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. – С. 103–106.

13. **Баркалова Е.В.** Типичные процессуальные ошибки при составлении и направлении запросов о правовой помощи по уголовным делам в иностранное государство // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2022. – № 3. – С. 10–13.
14. **Ализаде Ф.Э.** Международно-правовое регулирование совместных (международных) расследований по уголовным делам // *Библиотека криминалиста*. – 2014. – № 2. – С. 294–295.
15. **Лубягин М.С.** Процессуальный порядок организации межгосударственных следственных групп: теоретическая концепция механизма // *Сибирский юридический вестник*. – 2025. – № 1 (108). – С. 117–122.
16. **Нгуен Дык Чунг, Бирюков С.Ю., Стешенко Ю.С.** Международные следственно-оперативные формирования как одна из форм международного взаимодействия в борьбе с транснациональной преступностью // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. – 2013. – № 4 (27). – С. 121–124.
17. **Клевцов К.К.** Совместные (международные) следственные группы – новое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы развития // *Проблемы экономики и юридической практики*. – 2015. – № 2. – С. 143–146.
18. **Виноградов И.А., Каленюк И.П., Кузнецов Е.В.** Нормативное правовое регулирование международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации в сфере борьбы с организованной преступностью // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. – 2024. – № 2 (30). – С. 39–54.
19. **Калюжный А.Н., Шурухнов Н.Г.** Новые направления сотрудничества с негосударственными международными организациями как измененная форма взаимодействия в ходе раскрытия и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда // *Юрист*. – 2024. – № 5. – С. 32–37.

References

1. **Golovatyuk V.V.** Organizatsiya mezhdunarodnogo politseiskogo sotrudnichestva v sfere professional'noi podgotovki kadrov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2003. – 28 s.
2. **Utkin V.A.** Mezhdunarodnoe pravo bor'by s prestupnost'yu: uchebnoe posobie. – Moskva: Yustitsiya, 2019. – 188 s.
3. Organizatsionno-pravovye aspekty sovremennoego mezhdunarodnogo sotrudnichestva politseiskikh organov: uchebnoe posobie / V.A. Kolesnikov, A.V. Kirnos, K.A. Sitnikov [i dr.]. – Voronezh: Voronezhskii institut MVD Rossii, 2020. – 152 s.
4. **Gubernskaya A.A.** K voprosu o ponyatii mezhdunarodnogo politseiskogo sotrudnichestva // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. – 2016. – № 2. – С. 139–142.
5. **Zelenskii V.D., Kuemzhieva S.A.** Organizatsionnye aspekty gruppovoi metodiki rassledovaniya prestuplenii // *Rossiiskaya yustitsiya*. – 2018. – № 3. – С. 35–39.
6. Obespechenie mezhdunarodnogo politseiskogo sotrudnichestva NTSB Interpol MVD Rossii: uchebnoe posobie / pod red. I.Yu. Sevost'yanova, A.I. Klimenko, A.Yu. Garashko. – Moskva, 2024. – 60 s.
7. **Sitnikov K.A.** Mezhdunarodnoe politseiskoe sotrudnichestvo: ponyatie, printsipy, vidy i formy // *Administrativnoe pravo i protsess*. – 2025. – № 2. – С. 46–50.
8. **Puzyreva Yu.V., Zakharova A.D.** Aktual'nye napravleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s prestupleniyami, sovershaemymi v sfere informatsionnykh tekhnologii v otnoshenii detei // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2021. – № 6. – С. 231–234.
9. **Zuev S.V.** Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo pravookhranitel'nykh organov v bor'be s organizovannoi prestupnost'yu // *Rossiiskii sledovatel'*. – 2010. – № 8. – С. 32–34.
10. **Volevodz A.G., Tsyplakova A.D.** Mezhdunarodnoe politseiskoe sotrudnichestvo: sovremennaya institutsional'naya struktura i tendentsii razvitiya // *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. – 2023. – № 3. – С. 2–6.
11. **Dyagilev A.A.** Teoriya vzaimodeistviya i problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva politseiskikh podrazdelenii Rossii i zarubezhnykh stran, vliyayushchie na bor'bu s trgovlei zhenshchinami v tselyakh seksual'noi ekspluatatsii // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. – 2016. – № 2 (34). – С. 133–140.
12. **Ermakov S.V.** Nekotorye osobennosti deyatel'nosti doznavatelei po ugovnomu presledovaniyu inostrannykh grazhdan, sovershivshikh prestupleniya na territorii Rossiiskoi Federatsii // *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*. – 2018. – № 2. – С. 103–106.
13. **Barkalova E.V.** Tipichnye protsessual'nye oshibki pri sostavlenii i napravlennii zaprosov o pravovoi pomoshchi po ugovnym delam v inostrannoe gosudarstvo // *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. – 2022. – № 3. – С. 10–13.
14. **Alizade F.E.** Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie sovmestnykh (mezhdunarodnykh) rassledovaniy po ugovnym delam // *Библиотека криминалиста*. – 2014. – № 2. – С. 294–295.
15. **Lubyagin M.S.** Protsessual'nyi poriyadok organizatsii mezhgosudarstvennykh sledstvennykh grupp: teoreticheskaya kontseptsiya mekhanizma // *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. – 2025. – № 1 (108). – С. 117–122.
16. **Nguyen Dyk Chung, Biryukov S.Yu., Steshenko Yu.S.** Mezhdunarodnye sledstvenno-operativnye formirovaniya kak odna iz form mezhdunarodnogo vzaimodeistviya v bor'be s transnatsional'noi prestupnost'yu // *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*. – 2013. – № 4 (27). – С. 121–124.
17. **Klevtsov K.K.** Sovmestnye (mezhdunarodnye) sledstvennye gruppy – novoe napravlenie mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovlnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy razvitiya // *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*. – 2015. – № 2. – С. 143–146.
18. **Vinogradov I.A., Kalenyuk I.P., Kuznetsov E.V.** Normativnoe pravovoe regulirovanie mezhdunarodnogo sotrudnichestva organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii v sfere bor'by s organizovannoi prestupnost'yu // *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. – 2024. – № 2 (30). – С. 39–54.
19. **Kalyuzhnyi A.N., Shurukhnov N.G.** Novye napravleniya sotrudnichestva s negosudarstvennymi mezhdunarodnymi organizatsiyami kak izmenennaya forma vzaimodeistviya v khode raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii, svyazannykh s trgovlei lyud'mi i ispol'zovaniem rabskogo truda // *Yurist*. – 2024. – № 5. – С. 32–37.

(статья сдана в редакцию 19.02.2026)

**Современные проблемы информационно-аналитического
обеспечения реализации миграционной политики
Российской Федерации**

**Modern problems of information and analytical
support for the implementation of the migration policy
of the Russian Federation**

УДК 342.9

О.В. Катаева,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
kataeva_70@mail.ru

Olga V. Kataeva,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: статья посвящена исследованию современных проблем информационно-аналитического обеспечения реализации миграционной политики Российской Федерации и поиску путей их решения. Автором поднимаются такие вопросы, как необходимость проведения информационно-просветительской работы среди населения в области порядка пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан, важность специальной подготовки сотрудников, работающих с иностранными гражданами, а также значимость преодоления несогласованности и противоречивости нормативной правовой базы регулирования миграционных процессов в Российской Федерации и разработки стратегического планирования в сфере миграции, основанного на комплексном анализе объективной информации о миграционной ситуации. Анализируются взгляды отечественных исследователей на сущность и содержание проблем информационно-аналитического обеспечения реализации миграционной политики, излагается авторское видение перспективных путей дальнейшего повышения его эффективности. Формулируется вывод о необходимости активизации разъяснительной работы по вопросам реализации миграционного законодательства, в том числе через средства массовой информации и ресурсы официальных сайтов организаций. Предлагается активизировать деятельность по разработке образовательных программ, обеспечивающих формирование соответствующих компетенций, осуществлять стимулирование проведения научных исследований по различным аспектам миграционных проблем, а также продолжить совершенствовать отечественное законодательство, регулирующее порядок пребывания в Российской Федерации иностранных граждан.

Ключевые слова: иностранные граждане; миграционные процессы; публично-правовое регулирование; миграционная политика; информационно-аналитическое обеспечение

Для цитирования: Катаева О.В. Современные проблемы информационно-аналитического обеспечения реализации миграционной политики Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 36–40.

Abstract: the article is devoted to the study of modern problems of information and analytical support for the implementation of the migration policy of the Russian Federation and the search for ways to solve them. The author raises such issues as the need for information and educational work among the population in the field of the procedure for the stay of foreign citizens in the territory of the Russian Federation, the importance of special training of employees working with foreign citizens, as well as the importance of overcoming the inconsistency and inconsistency of the regulatory legal framework for regulating migration processes in the Russian Federation and the development of strategic planning in the field of migration based on a comprehensive analysis of objective information on the migration situation. The views of domestic researchers on the essence and content of the problems of information and analytical support for the implementation of migration policy are analyzed, the author's vision of promising ways to further increase its effectiveness is set out. The conclusion is formulated on the need to intensify explanatory work on the implementation of migration legislation, including through the media and the resources of the official websites of organizations. It is proposed to intensify the development of educational programs that ensure the formation of relevant competencies, to stimulate research

on various aspects of migration problems, and also to continue to improve domestic legislation governing the procedure for foreign citizens to stay in the Russian Federation.

Keywords: foreign citizens; migration processes; public law regulation; migration policy; information and analytical support

For citation: Kataeva O.V. Modern problems of information and analytical support for the implementation of the migration policy of the Russian Federation // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 36–40.

Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы¹ важнейшая роль отводится ее информационно-аналитическому обеспечению. Информационно-аналитическое обеспечение реализации отечественной миграционной политики, являющееся ее самостоятельным направлением, предусматривает совершенствование понятийного аппарата в области миграционных отношений в целях устранения терминологической несогласованности, увеличение количества анализируемых параметров, влияющих на различные аспекты благосостояния российского общества, а также расширение возможностей цифровизации для изучения миграционных процессов и осуществления контроля за ними.

По мнению отечественных ученых, эффективное управление миграционными процессами основывается на определенном наборе условий и факторов, в числе которых наиболее значимую роль играют информационно-аналитические, включающие информацию, объем и качество которой позволяют осуществлять регулирование миграционного движения [1, с. 15]. Что касается информационно-аналитической работы, то эта деятельность заключается в выявлении и формулировке имеющихся проблем, определении объема информации, необходимого для их решения, ее источников, а также организации процесса сбора, обработки и анализа такой информации, прогнозировании развития ситуации и подготовке проектов управленческих решений [2, с. 18].

При этом в целях эффективного исполнения миграционного законодательства Российской Федерации, соблюдения законных интересов и прав субъектов миграционных правовых отношений необходимо повышать уровень вышеперечисленных информационно-аналитических мероприятий и их методического обеспечения, в результате чего расширяется и углубляется сотрудничество в миграционной сфере государственных органов с гражданским обществом [3, с. 40].

В свою очередь, анализ эффективности участия институтов гражданского общества в осуществле-

нии общественного контроля за исполнением миграционного законодательства Российской Федерации требует особого внимания для выработки предложений по совершенствованию механизмов взаимодействия с ними органов государственной власти [4, с. 14].

В качестве одного из таких предложений необходимо обозначить информационно-просветительскую работу среди населения в области порядка пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан, поскольку основная часть граждан проявляют недостаточную осведомленность в вопросах, связанных с установлением и регулированием такого порядка. Причина складывающейся ситуации во многом кроется в отсутствии на протяжении длительного времени четкой государственной стратегии в сфере миграции, что негативно сказалось на качестве научных знаний и просвещенности населения в данной области.

Также существует взаимосвязанная с вышеобозначенной проблема подготовки специалистов для работы в сфере миграционных отношений. Самостоятельная подготовка молодого специалиста для такого вида деятельности не представляется возможной вследствие колоссальной сложности и объемности миграционного законодательства, а также его бессистемности, противоречивости и насыщенности подзаконной базы регулирования [5, с. 55]. Если учитывать специфичность работы с иностранными гражданами, их религиозные и этнические особенности, нужна специальная подготовка сотрудников, для обучения которых, в свою очередь, требуется квалифицированный профессорско-преподавательский состав, но приходится констатировать, что на сегодняшний день подготовке специалистов в данной области уделяется недостаточное внимание.

Только в последние годы в вузах системы МВД России введено изучение учебной дисциплины «Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов», и в настоящее время начата разработка учебных планов по основным образовательным программам высшего образования для подготовки сотрудников для Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России в ведомственных обра-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

зовательных организациях. Однако думается, что формирование соответствующих компетенций не должно ограничиваться сферой деятельности образовательных организаций системы МВД России, в связи с чем предлагается включить в федеральные государственные образовательные стандарты различных уровней образования положения по их выработке.

Также остро ощущается недостаток необходимых учебных, научно-практических и справочных материалов, способных оказать помощь в разрешении правоприменительных проблем в сфере миграции.

Сегодня в научных кругах высказывается мнение о том, что миграция населения является предметом специальных научных исследований [6, с. 309], однако пока эта наука в чистом виде не стала общепризнанной [7, с. 15], несмотря на имеющиеся достаточно серьезные научные разработки [8; 9; 10]. В целом сегодня данная отрасль научного знания находится в зачаточном состоянии, хотя важность и востребованность ее очевидны, поскольку необходимы тщательное исследование параметров миграционной ситуации, разработка методики ее мониторинга, дающего объективные данные, позволяющие принимать взвешенные управленческие решения в сфере публично-правового регулирования порядка пребывания в Российской Федерации иностранных граждан, выявление критериев оценки миграционной ситуации, влияющих на защищенность национальной безопасности государства.

С учетом сказанного требуется стимулирование проведения научных исследований по различным аспектам миграционных процессов образовательными организациями системы высшего образования различного профиля, активизация просветительской работы по вопросам миграционных отношений среди населения, дополнение содержания образовательных программ изучением предметов, касающихся вопросов миграционных отношений, их обеспечения учебной и учебно-методической литературой.

В отличие от других общественно значимых явлений миграция сегодня не получила не только необходимой научной разработки, но и должной правовой регламентации. Так, отсутствует базовый отраслевой нормативный правовой акт, регулирующий отношения в рассматриваемой сфере и закрепляющий основополагающие дефиниции этой деятельности.

В сложившейся ситуации общество часто получает искаженную информацию о складывающейся миграционной ситуации, численности незаконных мигрантов, пребывающих на территории государства, и об опасности криминальной активности иностранных граждан.

Таким образом, сложное миграционное законодательство и отсутствие нормативной определенности ключевой терминологии – проблемы информационно-аналитического обеспечения реализации отечественной миграционной политики, влекущие неоднозначное представление о миграционных процессах и их правовом регулировании как у иностранных граждан, так и у российской принимающей стороны.

Сегодня основные обязанности по соблюдению режима пребывания иностранных граждан в Российской Федерации национальным законодательством возлагаются именно на принимающую сторону, ответственность которой за нарушение правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства установлена ст. 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Вместе с тем данная норма носит бланкетный характер, так как ее применение требует анализа и уяснения норм миграционного законодательства, которое при этом следует мониторить, отслеживая вносимые изменения.

Сказанное выше обуславливает необходимость принятия дополнительных мер, направленных на информационное обеспечение российской принимающей стороны, например создание новых информационных площадок, предусматривающих возможность получения ответов на вопросы, касающиеся регулирования порядка пребывания в Российской Федерации иностранных граждан. При этом перспективы внедрения новых информационных платформ сегодня связываются с созданием в составе МВД России Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан², в структуре которой учрежден Департамент цифрового развития и информационных технологий, призванный обеспечить внедрение электронных сервисов с акцентом на безопасность и цифровизации миграционной сферы.

Следующую существенную проблему представляет собой несогласованность и противоречивость нормативной правовой базы регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, что актуализирует полемику о целесообразности кодификации миграционного законодательства. Л.В. Андриченко полагает, что «необходимо разработать и принять самостоятельный федеральный закон, устанавливающий правовые основы государственного регулирования миграционных процессов, закрепляющих статус основных субъектов миграционных отношений, определяющий направления и основные виды миграции, порядок выезда

² Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2025 № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

из Российской Федерации и въезда на территорию России, транзитного проезда через российскую территорию, регистрационный учет лиц по месту пребывания и по месту жительства в Российской Федерации» [11, с. 141]. М.В. Плещева отстаивает необходимость разработки кодифицированного законодательного акта, регулирующего миграцию всех типов и видов на территории государства [12]. Вместе с тем на правительственном уровне по вопросу кодификации отечественного миграционного законодательства ранее высказывалось мнение о том, что «прежде должна быть завершена разработка Концепции государственной миграционной политики» [13, с. 5].

В настоящее время национальная миграционная политика подверглась существенному обновлению³, параллельно ведется серьезная работа по систематизации отечественного законодательства в сфере миграции. Ее результатом стал обнародованный проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»⁴, который не обошел стороной такую важную сферу государственной миграционной деятельности, как ее информационно-аналитическое обеспечение, включающее, по мнению разработчиков, вопросы разработки стратегического планирования в сфере миграции, основанного на комплексном анализе объективной информации о миграционной ситуации, а также обнародование такой информации, сведений о происходящих миграционных процессах и их влиянии на качество жизни населения и состояние национальной безопасности государства.

Важная роль в информационно-аналитическом обеспечении государственной миграционной политики разработчиками законопроекта отводится федеральной информационной системе стратегического планирования. Посредством ее использования предполагается организовать участие компетентных субъектов в реализации миграционной стратегии государства на основе применения данных мониторинга миграционной ситуации и анализа степени ее влияния на благосостояние страны.

Кроме того, благодаря федеральной информационной системе стратегического планирования будут обеспечиваться сбор, обработка и анализ информации о миграционных процессах на тер-

ритории государства. Также данная платформа позволит эффективно использовать имеющиеся информационные технологии и увязывать меры, направленные на реализацию государственной миграционной политики, с одновременным решением задачи обеспечения национальной безопасности. При этом органы публичной власти должны обеспечить открытость и доступность информации о реализуемой политике в сфере миграции в соответствии с основными направлениями информационной политики в данной области.

Таким образом, в целях совершенствования механизмов реализации информационно-аналитического обеспечения миграционной политики государства сегодня необходимо всем субъектам системы регулирования порядка пребывания в Российской Федерации иностранных граждан активизировать просветительскую и разъяснительную работу по вопросам реализации миграционного законодательства, в том числе по вопросам предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере миграции. Публикацию такой информации целесообразно осуществлять в федеральных и региональных научных и деловых средствах массовой информации и размещать на официальных сайтах организаций. Также требуется разработать образовательные программы, направленные на формирование компетенций в сфере миграционной деятельности, обеспечив их учебной и учебно-методической литературой.

Важно стимулировать проведение научных исследований по различным аспектам миграционных процессов образовательными организациями системы высшего образования различного профиля с использованием мер государственной поддержки, в том числе предоставлением грантов на фундаментальные научные исследования в этой области, а также продолжить работу по систематизации и совершенствованию отечественного миграционного законодательства в целях устранения пробелов правового регулирования в данной сфере.

Таким образом, информационно-аналитическое обеспечение отечественной миграционной политики является важнейшим условием ее эффективной реализации. Вместе с тем на пути решения этой задачи возникает комплекс взаимосвязанных проблем, требующих самого пристального внимания и скорейшего разрешения. Думается, что предложенные меры, направленные на совершенствование этой деятельности, позволят существенно повысить качество публично-правового регулирования порядка пребывания в Российской Федерации иностранных граждан, что напрямую будет способствовать обеспечению национальной безопасности государства.

³ Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 17.01.2026).

1. **Хабибулин А.Г., Селиванов А.И.** К вопросу о государственном регулировании миграционных процессов // Миграционное право. – 2006. – № 3. – С. 15–17.
2. **Петров А.В.** Организация информационно-аналитической работы // Законность. – 2013. – № 1. – С. 17–21.
3. **Хода В.Д.** Прокурорский надзор в сфере незаконной миграции: теория и практика // Миграционное право. – 2021. – № 2. – С. 37–40.
4. **Романов А.В.** Конституционные основы миграционной политики Российской Федерации // Миграционное право. – 2021. – № 2. – С. 12–15.
5. **Воронов А.М., Сандугей А.Н.** О системных проблемах государственного администрирования в сфере миграции // Административное право и процесс. – 2020. – № 11. – С. 52–56.
6. **Ионцев В.А.** К вопросу о формировании и развитии самостоятельной науки о миграции населения / Расселение населения. Памяти Б.С. Хорева (1932–2003): сборник статей. – Москва: МАКС Пресс, 2012. С. 309–313.
7. **Фадеева Т.А.** Категории «миграция населения» и «трансформация миграции населения» в контексте демографического развития // Миграционное право. – 2014. – № 4. – С. 13–16.
8. **Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С.** Миграциология: учебное пособие. – Москва: МГУ, 1989. – 96 с.
9. **Самойлов В.Д.** Миграциология. Конституционно-правовые основы: монография. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. – 487 с.
10. Миграция населения: теория, политика: учебное пособие / под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. – Москва: Экономическое образование, 2012. – 364 с.
11. **Андриченко Л.В.** Проблемы развития законодательства Российской Федерации в сфере миграции // Юстиция. – 2007. – № 1. – С. 121–141.
12. **Плещева М.В.** Конституционно-правовое регулирование вынужденной миграции в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 29 с.
13. **Чекалин А.А.** «Правительственный час» в Государственной Думе (15 марта 2006 г.) по теме «Об основных приоритетах миграционной политики Российской Федерации и о мерах, принимаемых Правительством Российской Федерации по совершенствованию действующего законодательства в этой сфере»: доклад // Миграционное право. – 2006. – № 1. – С. 2–9.
14. **Полякова Н.В., Ситников К.А.** Сравнительный анализ правовых статусов несовершеннолетних в отдельных государствах Европейского союза, являющихся членами семьи граждан третьих государств // Миграционное право. – 2025. – № 1. – С. 31–36.

References

1. **Khabibulin A.G., Selivanov A.I.** K voprosu o gosudarstvennom regulirovanii migratsionnykh protsessov // Migratsionnoe pravo. – 2006. – № 3. – S. 15–17.
2. **Petrov A.V.** Organizatsiya informatsionno-analiticheskoi raboty // Zakonnost'. – 2013. – № 1. – S. 17–21.
3. **Khoda V.D.** Prokurorskii nadzor v sfere nezakonnoi migratsii: teoriya i praktika // Migratsionnoe pravo. – 2021. – № 2. – S. 37–40.
4. **Romanov A.V.** Konstitutsionnye osnovy migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii // Migratsionnoe pravo. – 2021. – № 2. – S. 12–15.
5. **Voronov A.M., Sandugei A.N.** O sistemnykh problemakh gosudarstvennogo administrirovaniya v sfere migratsii // Administrativnoe pravo i protsess. – 2020. – № 11. – S. 52–56.
6. **Iontsev V.A.** K voprosu o formirovanii i razvitii samostoyatel'noi nauki o migratsii naseleniya / Rasselenie naseleniya. Pamyati B.S. Khoreva (1932–2003): sbornik statei. – Moskva: MAKSS Press, 2012. S. 309–313.
7. **Fadeeva T.A.** Kategorii "migratsiya naseleniya" i "transformatsiya migratsii naseleniya" v kontekste demograficheskogo razvitiya // Migratsionnoe pravo. – 2014. – № 4. – S. 13–16.
8. **Denisenko M.B., Iontsev V.A., Khorev B.S.** Migratsiologiya: uchebnoe posobie. – Moskva: MGU, 1989. – 96 s.
9. **Samoilov V.D.** Migratsiologiya. Konstitutsionno-pravovye osnovy: monografiya. – Moskva: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2017. – 487 s.
10. Migratsiya naseleniya: teoriya, politika: uchebnoe posobie / pod red. O.D. Vorob'evoi, A.V. Topilina. – Moskva: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2012. – 364 s.
11. **Andrichenko L.V.** Problemy razvitiya zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii v sfere migratsii // Yustitsiya. – 2007. – № 1. – S. 121–141.
12. **Pleshcheva M.V.** Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie vynuzhdennoi migratsii v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2005. – 29 s.
13. **Chekalin A.A.** "Pravitel'stvennyi chas" v Gosudarstvennoi Dume (15 marta 2006 g.) po teme "Ob osnovnykh prioritetakh migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii i o merakh, prinimaemykh Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii po sovershenstvovaniyu deistvuyushchego zakonodatel'stva v etoi sfere": doklad // Migratsionnoe pravo. – 2006. – № 1. – S. 2–9.
14. **Polyakova N.V., Sitnikov K.A.** Sravnitel'nyj analiz pravovykh statusov nesovershennoletnikh v otdel'nykh gosudarstvakh Evropejskogo soyuza, yavlyayushchikhsya chlenami sem'i grazhdan tret'ikh gosudarstv // Migratsionnoe pravo. – 2025. – № 1. – S. 31–36.

(статья сдана в редакцию 21.01.2026)

**Конституционный Суд Российской Федерации
о содержании категории «достоинство личности»**

**The Constitutional Court of the Russian Federation
on the content of the category “personal dignity”**

УДК 342.924

Е.Е. Новопавловская,
кандидат юридических наук, доцент
(Самарский национальный исследовательский
университет имени С.П. Королева,
Россия, Самара)
novopavlovskaya@gmail.com

Elena E. Novopavlovskaya,
Candidate of Law, Associate Professor
(Samara National Research University,
Samara, Russia)

Аннотация: автор исследует конституционно-правовое содержание категории «достоинство личности», ее роль в системе конституционных прав и свобод, а также обязанности государства по защите человеческого достоинства, включая обязанность по предотвращению и пресечению незаконных посягательств на него, обеспечению пострадавшему возможности отстаивать свои права в суде, в том числе посредством рычагов конституционного судопроизводства. Автор акцентирует внимание на многогранности категории «достоинство личности», исследуя ее в свете современных тенденций, обусловленных расширением сферы применения (в том числе биотехнологии и генной инженерии), развитием механизмов защиты в условиях цифровизации, формированием новых подходов к пониманию в связи с технологическим развитием. Анализируя наиболее интересные и значимые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные им в постановлениях и определениях разных лет, автор делает выводы о различных составляющих защиты человеческого достоинства в сфере частного и публичного права, включая морально-нравственные аспекты в контексте создания условий для достойного воспитания детей в семье, защиты достоинства человека и достойное отношение к телу человека после его смерти, в том числе в случаях трансплантации органов и тканей человека.

Ключевые слова: правовая неопределенность; конституционное судопроизводство; заявитель; личные права; достоинство личности

Для цитирования: Новопавловская Е.Е. Конституционный Суд Российской Федерации о содержании категории «достоинство личности» // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 41–47.

Abstract: the author explores the constitutional and legal content of the category of “individual dignity”, its role in the system of constitutional rights and freedoms, and the state’s responsibilities to protect human dignity, including the obligation to prevent and suppress unlawful attacks on it and to ensure that victims have the opportunity to defend their rights in court, including through constitutional proceedings. The author emphasizes the multifaceted nature of the category of “individual dignity”, examining it in light of contemporary trends driven by the expansion of its application (including biotechnology and genetic engineering), the development of protection mechanisms in the context of digitalization, and the emergence of new approaches to understanding human dignity in connection with technological developments. Analyzing the most interesting and significant legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, formulated in its rulings and decisions over the years, the author draws conclusions about the various components of the protection of human dignity in the sphere of private and public law, including moral and ethical aspects in the context of creating conditions for the dignified upbringing of children in the family, the protection of human dignity and the dignified treatment of the human body after death, including in cases of transplantation of human organs and tissues.

Keywords: legal uncertainty; constitutional proceedings; applicant; personal rights; human dignity

For citation: Novopavlovskaya E.E. The Constitutional Court of the Russian Federation on the content of the category “personal dignity” // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 41–47.

Преамбула и ст. 22 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹ провозглашают веру народов ООН в основные права человека, достоинство и ценность человеческой личности. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.² акцентирует внимание на нескольких составляющих достоинства личности:

- принадлежности всем членам семьи человека (преамбула);
- запрете применения пыток или жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство человека обращения или наказания (ст. 7);
- уважении всеми людьми достоинства человеческой личности, в том числе достоинства лиц, лишенных свободы (ст. 10).

Внутринациональное законодательство многих стран пошло по пути учета подобных положений, фактически дублируя их. Например, Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 21 провозглашает государственную охрану достоинства личности и запрет на его умаление.

Век информатизации, научно-технического прогресса и развития биомедицины оказал существенное влияние на корректировку пласта международных актов, призванных обеспечивать защиту достоинства личности. Одним из таких документов стала принятая в 1997 г. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства³, запрещающая неправомерное применение инноваций в области биомедицины и гарантирующая достоинство и права человека, их защиту от дискриминации в зависимости от генетического наследия. В целях обеспечения подобных гарантий названная конвенция предусмотрела нормы об этических рамках применения медицины, в том числе в части регулирования вопросов получения информированного согласия, конфиденциальности при проведении генетических исследований, трансплантации органов и тканей человека, подчеркивая тот факт, что прогресс должен служить людям, быть во благо нынешним и будущим поколениям, а не во вред человеческому достоинству. Вернемся далее в настоящем исследовании к со-

держанию данного документа, поскольку в практике Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) было несколько весьма резонансных дел, связанных с нарушениями человеческого достоинства, допускаемыми в процессе проведения трансплантации органов и тканей человека. Периодически КС РФ отмечает, что человеческое достоинство предполагает не только достойное отношение к человеку при его жизни, но и «достойное отношение к его телу после смерти» (определение КС РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О⁴), что применительно к отдельным видам правоотношений конкретизируется в ряде нормативных правовых актов⁵.

Анализируя указанные выше международные и конституционные нормы, с уверенностью признаем, что достоинство личности представляет собой не просто основополагающее и неотчуждаемое личное право, а значимую ценностно-правовую категорию в системе конституционных ценностей.

Зададимся вопросами: как же можно определить эту ценностно-правовую категорию и что составляет ее содержание? В поисках ответа на эти вопросы ученые справедливо подчеркивают многогранность данного явления. Не вдаваясь в заочную дискуссию по указанной проблематике, предложим на обозрение читателей наиболее интересные высказывания ученых. Так, О.В. Соколова называет достоинство личности универсальной конституционно-правовой категорией, высшей социальной ценностью, неотъемлемым свойством человека, стержнем, источником, основой и смыслом всех прав и свобод личности [1, с. 40]. О многоаспектности достоинства личности пишут также Е.Е. Тонков и Л.А. Пожарова, называя его приоритетным феноменом, «магистральной ценностью» создающего государства [2, с. 42].

По верному замечанию В.В. Кротова, достоинство личности выступает в качестве ключевого элемента современных правовых систем, определяя параметры развития не только конституционного, но и гражданского, уголовного и иных

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

³ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (заключена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) (для справки: документ вступил в силу 01.12.1999; Россия не участвует) [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант».

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Например, см.: Статья 5 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О погребении и похоронном деле» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 146; Статья 8 Закона Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 01.05.2022) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости Совета народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 62.

отраслей и институтов законодательства, что свидетельствует о межотраслевом характере исследуемого правового института, включающего в себя нормы о содержании достоинства личности, его реализации и защите [3, с. 146].

Заслуживающие внимания размышления относительно содержания категории «достоинство личности» находим в трудах В.М. Баранова и Р.А. Ромашова. По их справедливому утверждению, достоинство личности имеет двойственную природу, включая личное самоуважение, носящее естественный характер, а также уважительное отношение к человеку и его правам другими членами общества, в том числе признание (позитивистское измерение) [4, с. 19].

Подобная многогранность достоинства личности объясняет неподдельный научный интерес ученых различной отраслевой принадлежности к его исследованию. Авторы с интересом дискутируют о сущности достоинства личности [5; 6], проблемах соблюдения права на человеческое достоинство [7], новых формах его реализации (например, при клонировании человека) [8], а также судебной защите достоинства личности в современной России и зарубежных странах [9; 10; 11].

Оживленный научный интерес подогревается наличием проблем правоприменительного характера, возникающих при реализации права на достоинство личности, а также обширной практики конституционного судопроизводства, показывающей, что КС РФ регулярно формулирует значимые правовые позиции относительно различных составляющих исследуемой нами многоаспектной категории. С определенной долей условности правовые позиции КС РФ по таким категориям дел можно объединить в несколько групп в зависимости от того, о какой модели концепции достоинства личности и каких основных тенденциях ее развития высказывается КС РФ.

В первую группу включим правовые позиции, в которых КС РФ последовательно проводит мысль о том, что достоинство личности представляет собой один из базовых конституционных принципов, основополагающую ценность российской государственности (например, постановление КС РФ от 25 декабря 2025 г. № 50-П⁶), что расширяет не только теоретическое, но и практическое применение достоинства личности. Так, в 2025 году, оценивая конституционность положений ч. 2 ст. 1,

ст. 86, 87, ч. 1 ст. 89 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ⁷, чч. 1 и 2 ст. 1, абз. 2 и 4 ст. 2 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»⁸, КС РФ отмечает, что обязанность расселения признанных аварийными и не отвечающих минимальным стандартам для проживания домов, возложенная на органы публичной власти, подлежит реализации соответствующими должностными лицами на основании конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма и справедливости, что согласуется с конституционными началами юридического равенства и справедливости в демократическом государстве (постановление КС РФ от 23 мая 2025 г. № 21-П⁹). КС РФ также подчеркивает, что признание и гарантированность на конституционном уровне достоинства личности в качестве одной из основополагающих ценностей российской государственности предполагает наличие определенных обязанностей государства, возложенных на уполномоченные на то органы власти. Эти обязанности призваны обеспечить защищенность человека от необоснованного вмешательства в область его индивидуальной автономии, что направлено на формирование фактических возможностей свободного самоопределения и самовыражения личности (постановление КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П¹⁰). Под категорией «необоснованное вмешательство» в контексте защиты человеческого достоинства КС РФ также

⁷ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.

⁸ Закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 13.12.2024) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости Совета народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1227.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.05.2025 № 21-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1, статей 86 и 87 и части 1 статьи 89 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также частей первой и второй статьи 1 и абзацев второго и четвертого статьи 2 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» в связи с жалобой граждан И.В. Федониной и Ю.В. Федониной» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 23. – Ст. 3101.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 40 (ч. III). – Ст. 5489.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2025 № 50-П «По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 9.1 статьи 26 и пункта 4 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Боброва Евгения Анатольевича» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>

подразумевает незаконное и необоснованное уголовное преследование лица. В частности, сразу в нескольких своих решениях разных лет КС РФ делает логичный, на наш взгляд, вывод о том, что подобное уголовное преследование представляет собой грубое посягательство на достоинство личности подозреваемого (обвиняемого) и находящиеся в системной взаимосвязи с ним иные конституционные принципы, включая принципы гуманизма, справедливости, законности и презумпции невиновности (например, постановления КС РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П, от 23 сентября 2021 г. № 41-П¹¹). По мнению КС РФ, в таких случаях требуется реализация возможности реабилитации, направленной на восстановление чести, доброго имени, опороченных неправомерным обвинением.

Вторую группу составляют правовые позиции КС РФ, в которых достоинство личности названо основополагающей конституционной ценностью. Так, в провозглашенном 29 мая 2025 г. постановлении № 24-П¹² КС РФ резюмирует, что на государство возложена обязанность предоставлять в максимальной мере возможность возмещать (компенсировать) вред потерпевшему от преступлений, что обеспечивает эффективность защиты достоинства личности как конституционно значимой ценности. Примечательно, что подобная трактовка человеческого достоинства в контексте обеспечения ее эффективной защиты дается в решениях КС РФ об оспаривании норм различных отраслей российского права, в том числе гражданского (постановление КС РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П¹³), трудового, гражданско-процессуального (поста-

новление КС РФ от 11 апреля 2023 г. № 16-П¹⁴), уголовного (постановление КС РФ от 31 января 2024 г. № 4-П¹⁵), уголовно-процессуального права (постановление КС РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П¹⁶) и др. При этом зачастую КС РФ связывает защиту достоинства человека с гарантированностью иных конституционно значимых ценностей, например с ценностью семьи, со свободой труда, уважением человека труда и др. В частности, в постановлении от 29 июня 2021 г. № 30-П КС РФ подчеркивает особую роль и социальную значимость семьи в развитии личности ребенка, признает взаимосвязь достоинства личности и достойного воспитания детей в семье. По справедливому мнению КС РФ, поддержка семьи по таким направлениям, как повышение уровня рождаемости и формирование условий, обеспечивающих достойное воспитание детей в семье, – это первоочередная задача государственной политики современной России в сфере демографии¹⁷.

В качестве другого примера взаимосвязи достоинства человека с иными конституционно значимыми ценностями приведем постановление от 15 декабря 2025 г. № 44-П¹⁸, в котором КС РФ рассуждает о правовых последствиях неисполнения и ненадлежащего исполнения работодателем судебного решения и фактической задержки

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 40 (ч. III). – Ст. 5489; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2021 № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 40. – Ст. 6943.

¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2025 № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 23. – Ст. 3104.

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.03.2023 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 11. – Ст. 1868.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.04.2023 № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго части первой статьи 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Б. Сергеева» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 17. – Ст. 3210.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2024 № 4-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуховой и Ю.М. Чернигиной» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 7. – Ст. 1032.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.05.2023 № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 23 (ч. II). – Ст. 4272.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 21 (ч. II). – Ст. 5629.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.12.2025 № 44-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Полежаева Алексея Викторовича» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 51. – Ст. 8272.

выплаты им начисленной заработной платы и (или) иных выплат работнику. В подобных ситуациях создаются препятствия для обеспечения достойного уровня жизни работника и членов его семьи, что требует принятия соответствующих охранительных мер, призванных обеспечить восстановление целостности имущественной сферы работника и тем самым эффективную защиту достоинства личности и уважение человека труда как конституционно значимых ценностей.

В делах об оспаривании конституционности норм уголовного законодательства КС РФ нередко констатирует особую конституционную значимость достоинства личности, связывая ее с правом на личную неприкосновенность, необходимостью обеспечения соразмерности ответственности охраняемым законом ценностям, при строгом соблюдении принципов равенства и справедливости в отношении осужденного и потерпевшего (постановление КС РФ от 31 января 2024 г. № 4-П).

Как уже было ранее отмечено, признание человеческого достоинства конституционно значимой ценностью предполагает наличие корреспондирующей обязанности государства не вмешиваться в автономию личности, обеспечивая соблюдение баланса публичных и частных интересов. Согласимся в этой связи с точкой зрения И.Ю. Крылатовой о востребованности подобной правовой позиции КС РФ, поскольку неисчерпаемость фундаментальных ценностей представляет собой «стержневую опору» аксиологии достоинства личности, включающей ее духовно-нравственный потенциал, реализация которого возможна в этическом и правовом поле [11, с. 47].

Следующую группу составляют правовые позиции, в которых КС РФ трактует достоинство личности как общее условие для реализации иных конституционных прав и свобод. Рассуждая о содержании достоинства личности, КС РФ исходит из того, что оно представляет собой совокупную систему требований, позволяющих переводить возможное наполнение определенного права человека в плоскость его практической реализации. При этом КС РФ не отстает от реалий российской действительности и пишет о новых гранях правоотношений в области биотехнологии и нейротехнологий.

Принципиально важное значение имеют выводы КС РФ относительно момента начала и окончания жизни человека в контексте наличия права на достоинство личности. КС РФ подвергает оценке конституционности регулирования биозитических отношений (в том числе по таким направлениям, как эмбриология и репродукция человека) и правоотношений по распоряжению собственным телом, его органами и тканями. Подчеркивая конститу-

ционную природу права каждого человека на свободу и личную неприкосновенность, на свободу убеждений (включая свободу убеждений относительно совершения религиозных и культовых обрядов погребения человека), КС РФ в разные годы отмечает, что законодательство содержит прямой запрет на осуществление незаконного физического и психического воздействия на человека, подразумевая, что физическая неприкосновенность охватывает не только прижизненный период существования человеческого организма (определение КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 459-О¹⁹). Физическая неприкосновенность предполагает наличие необходимых предпосылок правовой охраны тела умершего человека, гарантий достойного отношения к умершему, в том числе в обрядовых действиях по погребению (постановление КС РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П²⁰). Интересная мысль была высказана в особом мнении к названному постановлению бывшим судьей КС РФ А.Л. Кононовым: «охраняя достоинство личности, государство обязано не только воздерживаться от контроля над личной жизнью и от вмешательства в нее, но и создавать в рамках установленного правопорядка такой режим, который позволил бы каждому следовать национальным традициям и обычаям, обеспечивать человеку возможность рассчитывать на то, что и после его смерти соответствующие личные права будут охраняться, а органы государственной власти, иные официальные и частные лица – воздерживаться от посягательства на них».

КС РФ также рассуждает о достойном отношении к умершему в свете оценки конституционности нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы трансплантации органов и (или) тканей человека²¹, обращаясь к положениям Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства 1997 г. Статья 19 Конвенции фактически предусматривает

¹⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 3.

²⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2007 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 27. – Ст. 3346.

²¹ Например, см.: Закон Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 01.05.2022) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости Совета народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 62.

ряд условий для проведения изъятия органов и тканей у живого донора. Среди таковых:

- использование для трансплантации органов и тканей исключительно с целью лечения реципиента;
- отсутствие пригодного для трансплантации органа или ткани, полученных от трупа;
- невозможность проведения альтернативного лечения с сопоставимым эффективным результатом от трансплантации;
- обязательное, явно выраженное и конкретное согласие на такое изъятие. Такое согласие может быть получено в письменном виде или в соответствующей официальной инстанции. Часть 1 ст. 20 Конвенции запрещает изъятие органов или тканей у человека, который находится в состоянии, не позволяющем дать подобное согласие. Однако из этого общего правила есть несколько исключений, которые могут быть реализованы на практике в случае соблюдения определенных условий. В частности, к числу таковых относится изъятие регенеративных тканей без согласия, если реципиент является братом или сестрой донора и др.

Акцентируем внимание на последнем условии, поскольку именно его регламентация нормами российского законодательства и составляла предмет рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства. Заявители не раз в своих конституционных жалобах указывали на наличие правовой неопределенности и неясности ст. 8 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1, предоставляющей медицинской организации право по своему усмотрению решать вопрос об осуществлении изъятия у умершего человека органов и тканей для трансплантации. По их мнению, такое неограниченное право создает благоприятную почву для совершения преступлений (в том числе коррупционной направленности). Это приводит к нарушению права на человеческое достоинство и достойное отношение к телу человека после смерти, а также к нарушению принципа равенства (определения КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 459-О, от 10 февраля 2016 г. № 224-О). КС РФ указывает, что трансплантация органов и (или) тканей от одного человека к другому представляет собой не просто сложный вид медицинского вмешательства. С правовой точки

зрения это сложная правовая связь между донором и реципиентом, что может стать причиной возможного конфликта интересов сторон или их представителей (в случае смерти донора органов и тканей). Поэтому на государство возложена сложная задача – обеспечить должное правовое регулирование, в обязательном порядке учитывая нравственные, социальные и иные аспекты этого вида медицинского вмешательства, что направлено на минимизацию (а в идеале своею – на исключение) нарушений прав донора и реципиента. Устранение правовых неопределенностей в области трансплантации органов и тканей человека будет способствовать обеспечению баланса конституционно значимых ценностей и охраняемых прав, включая достоинство личности.

В заключение признаем, что до настоящего момента сохранился ряд проблем, связанных с реализацией права на достоинство личности, причинами которых нередко выступают правовые неопределенности, порождающие необходимость обращения в КС РФ, когда заявители вынуждены оспаривать конституционность регламентации различных составляющих достоинства личности. При этом предмет рассмотрения в КС РФ по таким категориям дел составляют положения различных по отраслевой принадлежности, юридической силе и территориальному уровню действия нормативных правовых актов. Имеющие место проблемы связаны с дифференциацией социальных статусов, различием юридического и фактического положения дел, необходимостью обеспечения баланса между индивидуальными (частными) и общественными (публичными) интересами. Констатируем также тот факт, что обозначенные проблемы усиливаются в современных условиях появления новых вызовов и угроз (например, информационных манипуляций, кибербуллинга, посягающих на достоинство личности), что требует совершенствования системы конституционных гарантий, разработки комплексных и более действенных механизмов защиты права на человеческое достоинство, корректировки юридической техники ограничения исследуемого нами права с учетом динамично меняющихся сегодня социально-правовых реалий осуществления конституционно-правовых норм.

Литература

1. **Соколова О.В.** Достоинство личности как конституционно-правовая категория (практика Конституционного Суда Российской Федерации) // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2023. – № 3 (57). – С. 38–43.
2. **Тонков Е.Е., Пожарова Л.А.** Достоинство личности как приоритет государства созидającego // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 1 (52). – С. 41–52.

3. **Кротов В.В.** «Достоинство личности»: конституционный принцип, субъективное право, межотраслевой правовой институт // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 5 (204). – С. 146–148.
4. **Баранов В.М., Ромашов Р.А.** Достоинство личности как конституционная ценность: концепция, практика, техника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 1 (65). – С. 14–31.
5. **Зохидов М.Д.** Достоинство личности как основа прав человека // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 3 (202). – С. 149–151.
6. **Крылатова И.Ю.** К вопросу о закреплении и реализации конституционного права на достоинство личности: правовой и биоэтический аспекты // Российская юстиция. – 2023. – № 6. – С. 53–59.
7. **Винокуров В.А.** Отдельные проблемы соблюдения права человека на достоинство личности на государственной службе // Российский юридический журнал. – 2025. – № 2. – С. 143–150.
8. **Кузменкин И.В.** Реализация конституционного принципа достоинства личности при клонировании человека // Государственная власть и местное самоуправление. – 2025. – № 11. – С. 50–53.
9. **Подрабинок Е.М.** Защита достоинства личности // Юрист. – 2023. – № 5. – С. 10–16.
10. **Кротов В.В.** Защита достоинства личности: система конституционно-правовых гарантий // Юридическая наука. – 2025. – № 6. – С. 155–160.
11. **Крылатова И.Ю.** Конституционно-судебная защита достоинства личности в Российской Федерации (интерпретационные и отдельные биоэтические аспекты в сфере репродукции) // Юридическая наука и практика. – 2025. – Т. 21. № 3. – С. 45–52.

References

1. **Sokolova O.V.** Dostoinstvo lichnosti kak konstitutsionno-pravovaya kategoriya (praktika Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii) // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. – 2023. – № 3 (57). – С. 38–43.
2. **Tonkov E.E., Pozharova L.A.** Dostoinstvo lichnosti kak prioritet gosudarstva sozidayushchego // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2023. – № 1 (52). – С. 41–52.
3. **Krotov V.V.** “Dostoinstvo lichnosti”: konstitutsionnyi printsip, sub’ektivnoe pravo, mezhotraslevoi pravovoi institut // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2025. – № 5 (204). – С. 146–148.
4. **Baranov V.M., Romashov R.A.** Dostoinstvo lichnosti kak konstitutsionnaya tsennost’: kontseptsiya, praktika, tekhnika // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2024. – № 1 (65). – С. 14–31.
5. **Zokhidov M.D.** Dostoinstvo lichnosti kak osnova prav cheloveka // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2025. – № 3 (202). – С. 149–151.
6. **Krylatova I.Yu.** K voprosu o zakreplenii i realizatsii konstitutsionnogo prava na dostoinstvo lichnosti: pravovoi i bioeticheskii aspekty // Rossiiskaya yustitsiya. – 2023. – № 6. – С. 53–59.
7. **Vinokurov V.A.** Otdel’nye problemy soblyudeniya prava cheloveka na dostoinstvo lichnosti na gosudarstvennoi sluzhbe // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2025. – № 2. – С. 143–150.
8. **Kuzmenkin I.V.** Realizatsiya konstitutsionnogo printsipa dostoinstva lichnosti pri klonirovanii cheloveka // Gosudarstvennaya vlast’ i mestnoe samoupravlenie. – 2025. – № 11. – С. 50–53.
9. **Podrabinok E.M.** Zashchita dostoinstva lichnosti // Yurist. – 2023. – № 5. – С. 10–16.
10. **Krotov V.V.** Zashchita dostoinstva lichnosti: sistema konstitutsionno-pravovykh garantii // Yuridicheskaya nauka. – 2025. – № 6. – С. 155–160.
11. **Krylatova I.Yu.** Konstitutsionno-sudebnaya zashchita dostoinstva lichnosti v Rossiiskoi Federatsii (interpretatsionnye i otdel’nye bioeticheskie aspekty v sfere reproduksii) // Yuridicheskaya nauka i praktika. – 2025. – Т. 21. № 3. – С. 45–52.

(статья сдана в редакцию 14.01.2026)

**Некоторые проблемы доказывания по преступлениям
в сфере информационно-коммуникационных технологий**

**Some problems of proof in crimes in the field of information
and communication technologies**

УДК 343.14

И.Н. Озеров,

кандидат юридических наук, доцент
(Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
Россия, Москва)
79092026466@yandex.ru

Igor N. Ozerov,

Candidate of Law, Associate Professor
(Sukharev Moscow academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia)

К.И. Озеров,

кандидат юридических наук
(Межрегиональный открытый социальный
институт, Россия, Йошкар-Ола)
ozarov.kir@yandex.ru

Kirill I. Ozerov,

Candidate of Law
(Autonomous non-profit organization of higher
education "Interregional Open Social Institute",
Yoshkar-Ola, Russia)

Аннотация: актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена тем, что специфика доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, заключается в необходимости соединения технической достоверности цифровых следов с их юридической значимостью. Любое доказательство должно пройти двойную проверку – на законность получения и на соответствие элементам состава преступления. Только при соблюдении этих условий цифровые данные могут обладать доказательственной силой, достаточной для установления вины соучастников и распределения ответственности между ними. В статье рассматриваются теоретические и прикладные проблемы, возникающие при выявлении и квалификации действий соучастников в сфере информационно-коммуникационных технологий. Особое внимание уделяется правовым проблемам, а также правоприменительной практике по данному вопросу. Авторами обоснована необходимость выработки единых рекомендаций по оценке роли каждого участника преступления, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий, формирования устойчивой судебной практики. Сделан вывод о том, что отечественное правоприменение переходит от стадии адаптации к цифровым реалиям к стадии системного закрепления новых правовых стандартов в области уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: доказательство; доказывание; информационно-коммуникационные технологии; оперативно-разыскная деятельность; расследование; следствие; соучастие; цифровые коммуникации

Для цитирования: Озеров И.Н., Озеров К.И. Некоторые проблемы доказывания по преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 48–54.

Abstract: the relevance of this issue is due to the fact that the specifics of proving in criminal cases of crimes committed using information and communication technologies is the need to combine the technical reliability of digital footprints with their legal significance. Any evidence must undergo a double check – for the legality of its receipt and for compliance with the elements of the corpus delicti. Only if these conditions are met can digital data have sufficient evidentiary force to establish the guilt of the accomplices and the distribution of responsibility between them. The article examines the theoretical and applied problems that arise in identifying and qualifying the actions of accomplices in the field of information and communication technologies. Special attention is paid to legal issues, as well as law enforcement practice on the bottom issue. The authors substantiate the need to develop unified recommendations on assessing the role of each participant in a crime committed using information and communication technologies, and the formation of sustainable judicial practice. It is

concluded that domestic law enforcement is moving from the stage of adaptation to digital realities to the stage of systemic consolidation of new legal standards in the field of criminal justice.

Keywords: evidence; averment; information and communication technologies; law enforcement intelligence operations; investigation; judicial scrutiny; complicity; digital communications

For citation: Ozerov I.N., Ozerov K.I. Some problems of proof in crimes in the field of information and communication technologies // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 48–54.

Доказывание по уголовным делам о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, имеет принципиальные особенности, обусловленные природой цифровых следов, их изменчивостью, зависимостью от технических условий и ограничениями, связанными с доступом к информации. В отличие от традиционных вещественных доказательств цифровые следы не обладают «материальной» формой, что требует особого процессуального и методического подхода к их сбору, фиксации, хранению и исследованию.

В соответствии со ст. 74 и 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) доказательствами по уголовному делу признаются любые сведения о фактах, полученные в предусмотренном законом порядке, из которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию. В делах о преступлениях в сфере информационно-коммуникационных технологий основную доказательственную нагрузку несут именно цифровые следы, которые могут быть зафиксированы в виде логов, файлов журналов системных событий, скриншотов, переписки, метаданных, данных о соединениях, IP-адресах, идентификаторах устройств, цифровых сертификатах и результатах анализа сетевого трафика.

Главными критериями оценки доказательств выступают относимость, допустимость и достоверность.

Относимость цифровых доказательств определяется их прямой связью с обстоятельствами преступления и возможностью установить по ним действия конкретного лица. Важно, чтобы каждый цифровой артефакт имел доказательственное значение именно для установления события, роли и умысла соучастников. Практика показывает, что чрезмерное накопление технических данных без анализа их связи с составом преступления затрудняет оценку доказательств судом. Следовательно, относимость достигается через аналитическую увязку технических данных с элементами состава – объектом, объективной стороной и субъективными признаками.

Допустимость доказательств в цифровой форме требует строгого соблюдения процессуального порядка их получения, закрепленного в ст. 86 и 164,

177 УПК РФ¹. Нарушения в форме изъятия электронных носителей, фиксации сетевых данных, копирования или осмотра цифровых объектов приводят к признанию доказательств недопустимыми. Основная ошибка следствия заключается в применении общих шаблонов осмотра вещественных доказательств к цифровым объектам, что не обеспечивает проверки неизменности данных и их источника. При этом недопустимо получение информации в обход судебного разрешения, если речь идет о доступе к переписке, облачным сервисам, личным аккаунтам или мобильным устройствам, охватываемым тайной связи.

Для соблюдения принципа допустимости требуется процессуально корректное установление цепочки сохранности цифровых доказательств (chain of custody). Каждый этап обращения с электронным доказательством – изъятие, копирование, хранение, передача, исследование и приобщение к делу – должен быть документально зафиксирован с указанием даты, времени, места, ответственных лиц и технических средств, обеспечивающих неизменность данных. Применение контрольных хеш-сумм (MD5, SHA-256 и др.) позволяет удостоверить идентичность исследуемой копии оригиналу и предотвращает подмену. В отечественной практике этот элемент пока недостаточно закреплён нормативно, но активно используется экспертными подразделениями МВД России и СК России при осмотре компьютерной техники и мобильных устройств.

Достоверность цифровых доказательств требует подтверждения того, что представленные данные отражают реальные события, а не результат автоматической генерации, искажения или вмешательства. Для этого в уголовном процессе особое значение приобретает назначение компьютерно-технических экспертиз, которые устанавливают происхождение информации, подлинность файлов, последовательность действий пользователей, временные метки и признаки фальсификации. Согласно ст. 195 УПК РФ экспертиза назначается следователем или судом с постановкой конкретных вопросов, на-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правленных на установление технических фактов, имеющих юридическое значение.

В делах в сфере информационно-коммуникационных технологий, связанных с соучастием, назначаются судебные экспертизы, в частности, лингвистическая экспертиза способствует выявлению лингвистических признаков побуждения в речевых действиях отдельных лиц, что может выражаться в виде призывов, приказов, просьб, предложений совершать или не совершать те или иные действия. Установление обстоятельств, изложенных выше, содействует, наряду с другими собранными доказательствами по делу, распределению юридической квалификации. Например, по результатам анализа сетевых логов можно установить, что действия нескольких пользователей происходили синхронно, что подтверждает согласованность и совместность умысла. При этом судебная практика требует, чтобы заключения экспертов оценивались в совокупности с иными доказательствами (показания, переписка, результаты оперативно-разыскных мероприятий), поскольку технический факт сам по себе не всегда раскрывает субъективную сторону деяния.

Существенной проблемой остается вопрос допустимости данных, полученных из «зарубежных» источников [1]. При трансграничных преступлениях в сфере информационно-коммуникационных технологий часть цифровых следов хранится на серверах иностранных провайдеров, что требует соблюдения процедур международного правового сотрудничества. Использование таких данных без официальных запросов (через механизмы правовой помощи или соглашения между государствами) может быть признано нарушением порядка получения доказательств. Вместе с тем суды допускают возможность их использования при условии подтверждения источника, подлинности и достоверности информации, что оформляется соответствующими протоколами и экспертными заключениями.

Следует учитывать и роль результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании [2]. Данные, полученные в рамках оперативно-разыскных мероприятий (ст. 11 Федерального закона № 144-ФЗ²), могут использоваться как доказательства только при условии их процессуального оформления в соответствии с требованиями УПК РФ. Материалы оперативных мероприятий должны быть закреплены протоколами, а технические средства, с помощью которых осуществлялось наблюдение или перехват, описаны с указанием параметров и времени фиксации. Не-

соблюдение этих условий ведет к исключению результатов из доказательственной базы, что особенно критично для дел, где единственными доказательствами являются цифровые данные.

Правильное установление роли каждого участника преступления, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий, является ключевым элементом справедливой квалификации и индивидуализации уголовной ответственности. С учетом специфики цифровой среды разграничение между исполнителем, организатором, подстрекателем и пособником требует не только формального обращения к положениям ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)³, но и оценки совокупности фактических данных, подтверждающих характер и направленность участия каждого лица.

Судебно-следственная практика показывает, что для признания лица соучастником недостаточно самого факта его технического или информационного участия. Необходимо установить совокупность юридически значимых фактов, подтверждающих наличие умысла, осведомленности, согласованности действий и причинной связи между поведением лица и результатом преступления:

1. Исполнитель (в том числе соисполнитель). Для квалификации лица в качестве исполнителя преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий требуется доказать:

- непосредственное совершение действий, образующих объективную сторону состава преступления (неправомерный доступ, модификация данных, хищение денежных средств, администрирование вредоносного кода и т.п.);

- осознание противоправного характера совершаемых действий и направленность умысла на достижение преступного результата;

- наличие фактической возможности контролировать реализацию преступного акта (например, управление аккаунтами, доступ к программным модулям, инициирование транзакций).

К числу доказательств, подтверждающих роль исполнителя, относятся результаты компьютерно-технических экспертиз [3] (установление авторства действий, логов входа, идентификаторов пользователей), показания участников, анализ переписки и финансовых операций, свидетельствующих о личном участии в реализации преступного замысла.

2. Организатор. Для признания лица организатором преступления необходимо установить признаки системности и руководящей роли. Минимально необходимыми доказательствами являются:

² Федеральный закон от 12.06.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– подтвержденные факты планирования преступной деятельности (создание схемы, подбор участников, распределение ролей, разработка средств и инфраструктуры);

– наличие управляющего воздействия на действия других лиц (инструкции, контроль исполнения, регулирование финансовых потоков, меры конспирации);

– создание или поддержание технических условий, обеспечивающих функционирование преступной структуры (серверы, доменные ресурсы, средства анонимизации, каналы коммуникации);

– осознание противоправности создаваемой системы и устойчивости преступных связей.

Доказывание организаторской роли основывается на анализе цифровых следов управленческой активности (логи администрирования, переписка, изменения в коде, распределение доступа), а также на показаниях соучастников, подтверждающих зависимость их действий от указаний организатора.

3. Подстрекатель. Подстрекательство в цифровой среде может реализовываться в форме электронных коммуникаций – уговоров, предложений, инструкций, публикаций в закрытых чатах и форумах, направленных на склонение конкретных лиц к совершению преступления. Для установления подстрекательства необходимо доказать:

– наличие активных действий, направленных на формирование у другого лица решимости совершить преступление (предоставление инструкций, мотивация, предложение вознаграждения, угроза или убеждение);

– причинную связь между подстрекательством и фактическим совершением преступления исполнителем;

– осознание подстрекателем конкретного характера преступления, к которому он склоняет.

В качестве доказательств используются переписка, аудио- и видеоматериалы, записи сетевых коммуникаций, свидетельские показания, результаты лингвистических и психолого-коммуникационных экспертиз, устанавливающих содержание и направленность речевых воздействий.

4. Пособник. Пособничество в цифровой сфере принимает разнообразные формы – от предоставления технических средств и программного обеспечения до сокрытия следов преступления. Для квалификации деяния как пособничества требуется доказать:

– оказание содействия исполнителю в совершении преступления (техническое, информационное, финансовое, логистическое или иное);

– понимание пособником характера содействия и осознанное стремление облегчить или ускорить достижение преступного результата;

– отсутствие непосредственного участия в активной стороне основного преступления.

Типичными доказательствами пособничества являются результаты финансово-экономических экспертиз [4] (переводы денежных средств, криптовалюты), следы технической помощи (установка оборудования, настройка программных средств, регистрация доменов или серверов), а также переписка, свидетельствующая о предоставлении помощи исполнителю или организатору.

Независимо от вида участия, судам и следственным органам следует учитывать ряд общих факторов, подтверждающих роль лица в совместной преступной деятельности:

– характер и направленность умысла (определяется по совокупности действий, высказываний, переписки и распределения прибыли);

– наличие согласованности и координации действий (анализ временных меток, последовательности операций, совместных коммуникаций);

– уровень контроля или зависимости между участниками;

– материальную заинтересованность и участие в распределении результатов преступления.

Таким образом, минимально необходимый объем доказательств по каждому виду соучастия должен включать:

– установление факта участия в преступлении, подтвержденного цифровыми следами и свидетельскими показаниями;

– выявление субъективной стороны – осведомленности, согласованности и направленности умысла;

– доказательство причинной связи между действиями лица и наступившими последствиями;

– проверку допустимости и достоверности цифровых доказательств, подтвержденную экспертными заключениями и документами цепочки сохранности.

Формирование подобных квалификационных критериев позволяет не только обеспечить законность и обоснованность привлечения к уголовной ответственности, но и исключить риск необоснованного вменения соучастия в случаях, когда техническое или информационное участие лица не имело признаков преступного содействия.

Современная судебная практика Российской Федерации в области преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, демонстрирует постепенное формирование единых подходов к квалификации деяний, доказыванию умысла соучастников и оценке цифровых доказательств. Верховный Суд Российской Федерации и нижестоящие суды вырабатывают устойчивые правовые позиции, направленные на преодоление пробелов, выявленных в практике следственных органов, и на обеспечение единообразного применения норм уголовного законодательства в цифровой сфере:

1. Позиции Верховного Суда Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях последовательно указывает, что при квалификации преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, ключевое значение имеет способ совершения преступления, а не технические детали его реализации. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»⁴ закреплено, что использование информационно-коммуникационных технологий не образует самостоятельного состава, если эти технологии лишь служат способом реализации преступного умысла в иных преступлениях. Таким образом, судам предписано исходить из объекта посягательства и фактического содержания умысла. Признак «совершение преступления с использованием сети Интернет» должен учитываться как квалифицирующий, усиливающий ответственность, только если он существенно увеличивает общественную опасность деяния, например способствует массовому охвату потерпевших, автоматизации преступной деятельности или повышению латентности. Верховный Суд Российской Федерации также обращает внимание на недопустимость механического вменения соучастия без анализа субъективной стороны: участие в чате, техническая настройка серверов или разработка программного кода не образуют состава соучастия при отсутствии доказательств умысла на содействие преступлению.

2. Практика разграничения ролей соучастников. Судебные органы при рассмотрении дел о соучастии в преступлениях в сфере информационно-коммуникационных технологий исходят из необходимости разграничения исполнителя, пособника и организатора по фактической степени участия. Так, в ряде дел, рассмотренных судами, были оправданы лица, выполнявшие технические задания без осознания противоправного характера поручений. Суды указали, что наличие профессиональных знаний в области информационных технологий не может само по себе свидетельствовать о преступном умысле. Для признания лица соучастником необходимо установить, что

оно понимало общий план и цели преступной деятельности и сознательно способствовало их достижению. В то же время суды строго оценивают действия лиц, координирующих деятельность преступных групп в цифровом пространстве. В решениях по делам о создании и администрировании нелегальных онлайн-площадок (например, теневых маркетплейсов и форумов в сети Darknet) [5] установлено, что системное управление ресурсом, распределение ролей между участниками, обеспечение анонимности и финансовых потоков образуют признаки организаторской деятельности даже при отсутствии личного участия в каждом конкретном эпизоде преступлений, совершенных пользователями площадки.

3. Оценка цифровых доказательств судами. Судебная практика подтверждает высокие требования к допустимости и достоверности цифровых доказательств. Верховный Суд Российской Федерации в своих обобщениях подчеркивает, что суды обязаны проверять источник, целостность и способ получения цифровых данных, в том числе логов, переписки, файлов и сетевых артефактов. Примером служит позиция, где указано, что протокол осмотра электронного носителя без указания контрольных хеш-сумм и описания технических средств фиксации не может рассматриваться как надлежащее доказательство [6]. Аналогичные подходы отражены в делах, рассмотренных судами, где результаты экспертиз, не подтвержденные протоколами цепочки сохранности, были признаны недопустимыми. В делах, где цифровые доказательства признаны допустимыми, суды, как правило, указывают на наличие комплексной фиксации (протоколы изъятия электронных носителей, экспертные заключения, показания специалистов и дополнительную документацию, подтверждающую целостность данных). Такая практика формирует стандарт добросовестного доказывания в цифровой сфере и повышает предсказуемость судебных решений.

4. Практика квалификации преступлений, совершаемых в форме организованной группы. Особый акцент в судебной практике делается на оценке устойчивости и организованности преступных сообществ, действующих в сети Интернет. Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 10 июня 2010 г. № 12⁵ разъяснил, что наличие технической инфраструктуры, регламентов взаимодействия, системы распределения ролей и мер конспирации свидетельствует о признаках организованной группы, если доказана общая

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Российская газета. – 2010. – 17 июня.

цель и устойчивость связей. На основе этих критериев суды в последние годы квалифицируют действия администраторов и модераторов нелегальных цифровых площадок по совокупности ст. 33, 210 и 272 УК РФ, признавая их организаторами преступных структур. Однако судебная практика постепенно уточняет пределы применения ст. 210 УК РФ. Суды отмечают, что не всякое объединение лиц, использующих общие технические ресурсы, образует преступное сообщество, необходимы доказательства устойчивой и иерархической организации, направленной именно на совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Тем самым формируется более сбалансированный подход, предотвращающий необоснованное расширительное толкование организаторской роли.

5. Тенденции и направления развития практики. Анализ судебных решений последних лет позволяет выделить несколько устойчивых тенденций:

- переход от формального подхода к содержанию анализу роли каждого участника;
- рост требований к процессуальному качеству цифровых доказательств и обязательности экспертной верификации данных;
- развитие практики комплексной оценки совокупности доказательств (технических, документальных, личных);
- ограничение необоснованного применения признака «организованной группы» в делах, где отсутствуют признаки устойчивости и распределения функций;

– расширение использования выводов международных и межведомственных соглашений при оценке доказательств, полученных из иностранных источников.

Таким образом, судебная практика по делам о преступлениях в сфере информационно-коммуникационных технологий постепенно вырабатывает сбалансированный подход, основанный на принципах справедливости, индивидуализации ответственности и законности получения доказательств. Укрепляется тенденция к аналитическому, а не формальному толкованию цифровых фактов и ролей участников, что свидетельствует о переходе отечественного правоприменения от стадии адаптации к цифровым реалиям к стадии системного закрепления новых правовых стандартов в области уголовного судопроизводства.

В заключение следует отметить, что формирование единых стандартов обращения с цифровыми доказательствами – не просто техническая, а правовая задача. На уровне правоприменения целесообразно внедрение методических рекомендаций, регламентирующих процедуру фиксации, хеширования, хранения и экспертного анализа электронных данных, а также установление требований к квалификации специалистов, привлекаемых для их исследования. Отсутствие таких единых стандартов является одной из причин расхождений судебной практики и снижения эффективности доказывания по делам о преступлениях в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Литература

1. **Лагуточкин А.В., Бурмистров В.А.** Актуальные проблемы предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств с использованием сети Интернет / Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 17 октября 2024 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2025. С. 97–100.
2. **Тимофеев С.В., Иванова М.Д.** Особенности реализации полномочий субъектами оперативно-розыскной деятельности при осуществлении взаимодействия с организаторами распространения информации в сети Интернет // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 3 (21). – С. 37–45.
3. **Шавловский А.Б.** Судебная компьютерно-техническая экспертиза в расследовании преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий / Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16 мая 2025 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 298–302.
4. **Сарыгина Э.С.** Объекты судебной экономической экспертизы цифровой природы: проблемы и пути их устранения / Роль права в обеспечении благополучия человека: сборник докладов XI Московской юридической недели. XXII Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: в 5 ч., Москва, 23–26 ноября 2021 г. Ч. 4. – Москва: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 520–523.
5. **Тимофеев С.В.** Проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Darknet / Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 17 октября 2019 г. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 572–576.
6. **Шавловский А.Б.** Цифровые следы и их доказательственное значение в расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними / Организация профилактической работы с подростками, имеющими деструктивную идеологию: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 30 мая 2025 г. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева, 2025. С. 103–105.
7. **Лагуточкин А.В.** Особенности использования цифровой среды оперативными подразделениями полиции в отношении разыскиваемых лиц // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 303–308.
8. **Титов А.А.** Раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в отношении и с использованием криптовалюты: российский и зарубежный опыт: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2025. – 273 с.

9. **Светличный А.А.** Криминалистическая терминология в теории и практике противодействия преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. – Тула, 2024. – 630 с.
10. **Акиев А.Р., Сотников К.И.** Тактика следственного осмотра и исследования цифровой информации средств телекоммуникации и Интернета: учебно-практическое пособие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – 68 с.
11. Цифровые следы преступлений: монография. – Москва: Проспект, 2021. – 168 с.

References

1. **Lagutochkin A.V., Burmistrov V.A.** Aktual'nye problemy preduprezhdeniya prestuplenii, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv s ispol'zovaniem seti Internet / Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoi deyatel'nosti: materialy XIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 17 oktyabrya 2024 g. – Krasnodar: Krasnodarskii universitet MVD Rossii, 2025. S. 97–100.
2. **Timofeev S.V., Ivanova M.D.** Osobennosti realizatsii polnomochii sub'ektami operativno-rozysknoi deyatel'nosti pri osushchestvlenii vzaimodeistviya s organizatorami rasprostraneniya informatsii v seti Internet // Nauchnyi daidzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 3 (21). – S. 37–45.
3. **Shavlovskii A.B.** Sudebnaya komp'yuterno-tehnicheskaya ekspertiza v rassledovanii prestuplenii v sfere informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii / Sudebnaya ekspertiza: proshloe, nastoyashchee i vzglyad v budushchee: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 16 maya 2025 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2025. S. 298–302.
4. **Sarygina E.S.** Ob'ekty sudebnoi ekonomicheskoi ekspertizy tsifrovoi prirody: problemy i puti ikh ustraneniya / Rol' prava v obespechenii blagopoluchiya cheloveka: sbornik dokladov XI Moskovskoi yuridicheskoi nedeli. XXII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya yuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova: v 5 ch., Moskva, 23–26 noyabrya 2021 g. Ch. 4. – Moskva: Universitet imeni O.E. Kutafina (MGYUA), 2022. S. 520–523.
5. **Timofeev S.V.** Problemy provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatii v seti Darknet / Kriminalistika – proshloe, nastoyashchee, budushchee: dostizhenie i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 17 oktyabrya 2019 g. – Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii, 2019. S. 572–576.
6. **Shavlovskii A.B.** Tsifrovye sledy i ikh dokazatel'stvennoe znachenie v rassledovanii prestuplenii, sovershaemykh nesovershennoletnimi / Organizatsiya profilakticheskoi raboty s podrostkami, imeyushchimi destruktivnyuyu ideologiyu: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 30 maya 2025 g. – Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii im. A.Ya. Sukhareva, 2025. S. 103–105.
7. **Lagutochkin A.V.** Osobennosti ispol'zovaniya tsifrovoi sredy operativnymi podrazdeleniyami politzii v otnoshenii razyskivaemykh lits // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – S. 303–308.
8. **Titov A.A.** Raskrytie i rassledovanie prestuplenii, sovershaemykh v otnoshenii i s ispol'zovaniem kriptovalyuty: rossiiskii i zarubezhnyi opyt: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2025. – 273 s.
9. **Svetlichnyi A.A.** Kriminalisticheskaya terminologiya v teorii i praktike protivodeistviya prestupnoi deyatel'nosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Tula, 2024. – 630 s.
10. **Akiev A.R., Sotnikov K.I.** Taktika sledstvennogo osmotra i issledovaniya tsifrovoi informatsii sredstv telekommunikatsii i Interneta: uchebno-prakticheskoe posobie. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2023. – 68 s.
11. Tsifrovye sledy prestuplenii: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2021. – 168 s.

(статья сдана в редакцию 24.12.2025)

**Административно-договорные правоотношения
в механизме комплексного развития территории**

**Administrative and treaty relations in the complex development
of territory**

УДК 342.5

А.И. Попов,

кандидат юридических наук, доцент
(Рязанский филиал Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
Россия, Рязань)
apopov332@mvd.ru

Aleksandr I. Popov,

Candidate of Law, Associate Professor
(Ryazan branch of the Kikot Moscow University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Ryazan, Russia)

Аннотация: предметом исследования выступают правоотношения, складывающиеся при реализации механизма комплексного развития территории. Вопросы определения правовой природы отношений, возникающих из договоров о комплексном развитии территории, являются актуальными и дискуссионными в современной публично-правовой науке. Основным инструментом комплексного развития территории признан договор, позволяющий сочетать в себе частные и публичные интересы сторон соответствующего правоотношения. В рамках данной статьи проанализированы основные точки зрения, касающиеся определения правовой природы договора о комплексном развитии территории, особенности сочетания соответствующих интересов. Обращено внимание на существование трех основных подходов к квалификации исследуемых правоотношений: имеют гражданско-правовой характер, присуща административно-договорная природа, характерна комплексная правовая природа. Проанализирована судебная практика по вопросу применения норм гражданского законодательства к исследуемым правоотношениям, в соответствии с которой применение норм о гражданско-правовых договорах не является основанием при квалификации договора о комплексном развитии территории как гражданско-правового договора. Выявлены критерии, характеризующие договор о комплексном развитии территории как административный договор. В работе также сформулированы обоснованные выводы о применении механизма административно-договорного регулирования к отношениям, возникающим при комплексном развитии территории.

Ключевые слова: административно-договорные правоотношения; баланс интересов; органы публичной власти; административный договор; договор о комплексном развитии территории

Для цитирования: Попов А.И. Административно-договорные правоотношения в механизме комплексного развития территории // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 55–61.

Abstract: the subject of this research is the legal relations that arise during the implementation of the mechanism for the integrated development of territories. The issues of determining the legal nature of the relations arising from the contracts for the integrated development of territories are relevant and controversial in modern public law science. The main tool for the integrated development of territories is the contract, which allows for the combination of private and public interests of the parties to the relevant legal relationship. This article analyzes the main approaches to determining the legal nature of the contract for the integrated development of territories and the specific features of the combination of these interests. Attention is drawn to the existence of three main approaches to the qualification of the legal relations under study: they are of a civil law nature, have an administrative-contractual nature, and have a complex legal nature. The article analyzes court practice on the application of civil law norms to the studied legal relations, according to which the application of civil law contract norms is not a basis for qualifying a complex development agreement as a civil law contract. The article identifies criteria that characterize a complex development agreement as an administrative contract. The article also provides reasonable conclusions on the application of the mechanism of administrative contractual regulation to relations arising from complex development.

Keywords: administrative contractual relations; balance of interests; public authorities; administrative contract; contract on the integrated development of an area

For citation: Popov A.I. Administrative and treaty relations in the complex development of territory // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 55–61.

Вопросы благоустройства и застройки стали ключевыми для обеспечения функционирования человека на соответствующей территории. Создание благоприятных инфраструктурных условий для граждан является основной задачей органов публичной власти различного уровня. При этом комфортная и безопасная среда обозначена в качестве приоритетной национальной цели в России в соответствии с определенными Президентом Российской Федерации национальными целями развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹. Основным механизмом, призванным обеспечить достижение указанной цели, выступает комплексное развитие территории.

Необходимость публичной власти к привлечению частных лиц для развития территории подталкивает к поиску и созданию механизмов по опосредованию таких правоотношений. Механизм комплексного развития территории нашел свое закрепление в действующем законодательстве в 2020 году как результат модернизации градостроительной деятельности, которая должна отвечать целям создания благоприятных и комфортных условий проживания граждан.

Эффективность взаимодействия органов публичной власти с частными субъектами в вопросах освоения и благоустройства территорий обуславливается наличием действенного механизма опосредования данных отношений. Совершенствование механизмов развития как уже застроенных, так и неосвоенных территорий при инициативе обеих сторон привело к созданию и законодательному закреплению такого правового института, как комплексное развитие территории. Соответственно, правоотношения, составляющие элементы комплексного развития территории, являются обязательственными, поскольку опосредуют распределение обязательств сторон в рамках реализации решения о комплексном развитии территории [1].

Механизм комплексного развития территории направлен на создание благоприятных условий для жизни, работы и отдыха населения, что включает в себя обеспечение доступности объектов социальной инфраструктуры, а также зеленых зон и рекреационных территорий [2, с. 5].

Данный механизм играет ключевую роль в совершенствовании городской среды: он обеспечивает привлечение инвестиций для обновления ветхого жилья и создания комфортных общественных пространств, а также способствует активному участию населения через общественные обсуждения и голосование.

Следует поддержать существующую в юридической литературе точку зрения, согласно которой комплексное развитие территории следует рассматривать как правовой механизм, состоящий из взаимосвязанных юридических конструкций и инструментов. Его реализация обеспечивает целенаправленное регулирующее воздействие для достижения установленных целей развития территории. При этом механизм комплексного развития территории ориентирован на непосредственное применение [2, с. 114]. Отметим, что комплексное развитие территории является не единственным механизмом, а применяется наряду с такими, как концессионные соглашения, соглашения о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве, инвестиционные соглашения и другие.

Комплексность и устойчивость являются основными принципами развития соответствующих территорий. При этом правовое регулирование комплексного развития территории выступает в качестве основного инструмента реализации данных принципов. В свою очередь, правовое регулирование закрепляет набор правовых инструментов, используемых в механизме правового воздействия.

Содержание Градостроительного кодекса Российской Федерации² (далее – ГрК РФ) и других правовых актов указывает на то, что законодательная политика ориентирована на предоставление заинтересованным лицам широкого спектра правовых инструментов и конструкций, которые позволяют им самостоятельно структурировать проекты комплексного развития территории и достигать поставленных целей.

В публично-правовых исследованиях выделяют целую систему договоров в градостроительной деятельности, к которым относят договоры о комплексном развитии территории, соглашения о защите и поощрении капиталовложений, соглашения о создании застройщиками различных инфраструктурных объектов, соглашения, регулирующие обеспечение возможности использо-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=mh4nillvXu179825963>

² Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310123?ysclid=mh4np2qqxt296407925>

вания земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества в границах зон с особыми условиями использования территории [3].

К существенной новелле института комплексного развития территорий, в сравнении с ранее действующими механизмами, следует отнести возможность освоения территорий, обремененных правами третьих – граждан и юридических лиц, которые выступают правообладателями недвижимого имущества и земельных участков в границах одного или нескольких элементов планировочной структуры. Вместе с тем следует отметить, что при комплексном развитии территории у сторон появляются взаимные обязательства не только по строительству объектов жилой и нежилой недвижимости, но и созданию инфраструктурных и иных объектов, предусмотренных соответствующим проектом. Именно данный механизм, как нам представляется, позволит перейти от точечной застройки в градостроительстве и заключения дополнительных соглашений, обременяющих застройщика создать дорожную сеть, осуществить благоустройство и иные мероприятия, к комплексному двусторонне обязывающему механизму развития соответствующих территорий.

Анализ правовых норм, действовавших в сфере комплексного и устойчивого развития территорий до 2020 года, а также регулирующих эти отношения в настоящее время, показывает, что правовое регулирование стало более системным и структурированным, предусматривающим единый механизм реализации комплексного развития территорий [4].

Исследованию проблем комплексного развития территории посвящены в основном работы специалистов в области градостроительных отношений, которые рассматривают аспекты реализации данного института. Вместе с тем следует указать, что особое внимание следует уделить и отдельным правовым инструментам, являющимся самостоятельными элементами механизма комплексного развития территории.

В качестве самостоятельного уровня правового регулирования механизма комплексного развития территории выступает административно-договорное регулирование, предполагающее возможность возникновения между субъектами комплексного развития территории административно-договорных правоотношений.

Основным инструментом комплексного развития территории, как нам представляется, является договор, позволяющий сочетать в себе частные и публичные интересы сторон административно-договорного правоотношения.

В рамках административно-договорных правоотношений при реализации комплексного разви-

тия территории происходит распределение обязательств между субъектами с целью достижения баланса частных и публичных интересов. Таким образом, административно-договорное регулирование предполагает возможность достижения сторонами целей комплексного развития территории при максимальной эффективности деятельности субъектов.

Рассмотрение различных подходов к квалификации соглашений в градостроительной сфере в научной юридической литературе позволяет выделить как устоявшиеся их виды (концессионное соглашение и соглашение о государственно-частном партнерстве), так и договор о комплексном развитии территории [1].

Анализ существующих точек зрения относительно правовой природы договора о комплексном развитии территории дает возможность сделать вывод, что договор о комплексном развитии территории – это:

- 1) гражданско-правовой договор;
- 2) административный договор;
- 3) комплексный (смешанный) договор [5; 6; 7; 8].

В поддержку аргументации гражданско-правовой природы исследуемого договора указывается на возможность применения к договору о комплексном развитии территории положений не только ГК РФ, но и общих положений о договорах, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации [5, с. 9–10].

Также отмечается, что договор о комплексном развитии территории имеет свои уникальные цели и задачи, которые ориентированы на строительство новых объектов недвижимости и возникновение права собственности на уже построенные или реконструированные объекты. Эти процессы регулируются гражданским законодательством и имеют гражданско-правовой характер [6].

Поэтому отношения, складывающиеся между органом публичной власти и лицом, заключившим договор о комплексном развитии территории, направлены на выполнение строительных работ в целях эффективного использования территории, а также в случаях, предусмотренных ГК РФ, на передачу объектов строительства в государственную (муниципальную) собственность. Такая деятельность напрямую не связана с осуществлением органом публичной власти организационно-управленческих действий, как, например, это предполагается при заключении и реализации административного договора [6].

В рассматриваемом аспекте вопрос заключается в гражданско-правовом регулировании отношений, возникающих между органом публичной власти и контрагентом по договору о комплексном развитии территории.

Анализ правовой природы договора о комплексном развитии позволил Н.А. Сергуниной прийти к выводу, что основная цель данного договора состоит в возникновении гражданско-правовых правоотношений, направленных на строительство новых объектов недвижимости и инфраструктуры, появление права собственности на построенные или реконструированные объекты [6].

С учетом изложенного следует указать на сложившуюся судебную практику по данному вопросу. Судами отмечается, что, исходя из установленного законодательством разграничения сфер гражданско-правового и публично-правового регулирования, соглашения, предметом которых является констатация наличия у публичного образования определенной компетенции в сфере градостроительства, предоставления земельных участков и т.п., а также выражение публичным образованием готовности исполнять обязанности, установленные градостроительным и земельным законодательством, не являются гражданско-правовыми сделками; заключение инвестиционных контрактов с включением в них такого рода условий не противоречит законодательству, не является основанием для признания таких контрактов недействительными или незаключенными, но и не порождает непосредственным образом гражданско-правовых последствий³.

А.В. Винницкий подчеркивает, что специальное нормативное регулирование административных договоров не исключает вспомогательного, субсидиарного применения гражданского законодательства, в частности в вопросах, в отношении которых специальные правила отсутствуют [9, с. 247].

Соответственно, представляется, что применение норм о гражданско-правовых договорах не является основанием при квалификации договора о комплексном развитии территории как гражданско-правового договора.

В обоснование административной природы исследуемого договора выделяются такие черты, как инструмент публичной власти и наличие специального правового регулирования [2, с. 184]. Однако считаем, что указанные признаки не вполне достаточны для квалификации договора о комплексном развитии территории как административного договора. Следует отметить, что необходимость достижения публичной цели, как отмечает А.Р. Кирсанов, является особенностью административного договора [5, с. 9].

При заключении договора о комплексном развитии территории важно определить его основ-

ную цель – достижение общественно значимых интересов и реализация полномочий органа публичной власти или создание гражданско-правовых правоотношений [6]. При этом ГрК РФ не предусматривает соответствующие властные полномочия органа публичной власти по отношению к другому субъекту административно-договорного правоотношения.

Поддержим точку зрения о том, что отличительная особенность административного договора состоит в том, что его цель является публичной, так как она служит для реализации публичных интересов [6]. Характеристики территории, вовлекаемой в комплексное развитие, должны обеспечивать баланс между частными и публичными интересами, позволяя инвестору, с одной стороны, возвести коммерчески привлекательную недвижимость, а с другой – обеспечить публичный интерес по созданию объектов инфраструктуры [10].

Критериями для выбора уполномоченного органа власти, принимающего решение о комплексном развитии территории, являются источник финансирования проекта, статус юридического лица-исполнителя, а также форма собственности на объекты недвижимости в ее границах [4].

Возникновение административно-договорных отношений в сфере комплексного развития территории возможно только по инициативе публично-правового образования, выраженной через уполномоченные органы. Без такой инициативы заключение договора невозможно.

Договоры о комплексном развитии территорий могут заключаться не только субъектами публичной власти, но и правообладателями недвижимого имущества, расположенного в границах территории, подлежащей развитию. Данный факт не исключает административно-договорную природу исследуемого договора. В свою очередь, возложение на лиц частного права публично-правовых функций признано Конституционным Судом Российской Федерации допустимым⁴.

А.Р. Кирсанов полагает, что договор о комплексном развитии следует отнести к числу координационных административных договоров, в который, помимо условий о координации действий сторон по реализации проекта, могут быть включены положения о безвозмездной передаче публичному партнеру денежных средств для компенсации гражданам за изымаемые жилые поме-

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2023 № 307-ЭС22-22917 по делу № А56-24641/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.09.2015 № 1838-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Юрэнерго» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пунктов 5, 6 и 10 статьи 7.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

щения, а также условия о безвозмездной передаче и оформлении в публичную собственность объектов транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры, созданных за счет частного партнера [5, с. 9–10].

Правовой режим договорных отношений о комплексном развитии территории характеризуется дуализмом: относительной автономией воли сторон и доминированием публично-правовых элементов. Данный дуализм обуславливает применение двух критериев для отнесения таких договоров к административным – как материального, так и формального [9, с. 248].

Вопрос о способах возникновения и квалификации отношений при комплексном развитии территории позволяет указать на административно-договорную природу исследуемого института.

А.В. Винницкий справедливо отмечает, что для реализации правомочий и исполнения обязанностей публичного собственника в определенных случаях необходим фактический состав, в рамках которого издается административный акт и заключается соответствующий договор [9, с. 236].

Данное правило законодательно закреплено и применимо к механизму комплексного развития территории. Выбор совокупности таких средств обусловлен особой значимостью передаваемого для комплексного развития как публичного, так и частного имущества. При этом особую важность приобретает необходимость ограничения прав отдельных собственников недвижимости и земельных участков, расположенных в границах планируемой к развитию территории.

Органам публичной власти субъектов предоставлено право самостоятельно определять порядок реализации решений о комплексном развитии территории. При этом следует отметить, что нормативные правовые акты отдельного субъекта Российской Федерации, как правило, демонстрируют региональную правовую политику в этой сфере и являются типичными для других регионов [4]. Например, в Рязанской области комплексное развитие территории осуществляется в соответствии с Порядком реализации решения о комплексном развитии, утвержденным постановлением Главархитектуры Рязанской области⁵. Данный нормативный правовой документ определяет особенности реализации механизма комплексного развития территории в Рязанской области.

В отличие от иных видов административных договоров к договорам о комплексном развитии территории не применимы типовые формы, по-

скольку орган публичной власти при административно-договорном регулировании выходит за пределы своих полномочий посредством введения нормы императивного характера, предписывающей правообладателям заключать договор о комплексном развитии территории только по типовой форме. Данная позиция находит свое отражение в судебной практике. В федеральном законодательстве отсутствует императивное указание на то, что субъекты Российской Федерации, а также органы местного самоуправления обязаны разрабатывать формы договора о комплексном развитии территории⁶.

Таким образом, современная тенденция к взаимопроникновению частных и публичных начал в административно-договорных отношениях находит свое подтверждение в ряде аргументированных позиций, обосновывающих признание договора о комплексном развитии территории административным. При этом порядок заключения договоров о комплексном развитии территории, которому предшествует принятие решения в виде акта соответствующего публичного органа, отвечает сложившемуся на практике механизму возникновения административно-договорных правоотношений.

Говоря о подходе, в рамках которого договор о комплексном развитии территории подлежит отнесению к комплексным договорам, отметим, что этот договор не может быть причислен, по мнению Г.А. Мисника, ни к гражданско-правовым, ни к административным договорам. Комплексный характер таких договоров выражается не в сочетании различных видов обязательств, что характерно для гражданско-правовых комплексных договоров. Рассматриваемые договоры характеризуются сочетанием публичных обязательств и положений нормативного характера [11].

Под комплексными Т.В. Дерюгина понимает такие договоры, которые имеют многообъектную и многопредметную структуру. Соответствующую квалификацию ученый определяет и в отношении договора о комплексном развитии территории. Данный подход позволяет решить проблему установления приоритета правовых норм, существующую в конструкции смешанного договора, где каждое правоотношение регулируется собственной группой специальных норм [8].

Выработанный Конституционным Судом Российской Федерации подход, изложенный в постановлении Конституционного Суда Российской Фе-

⁵ Постановление Главархитектуры Рязанской области от 18.11.2021 № 525-п «Об отдельных вопросах осуществления комплексного развития территории в Рязанской области» [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Рязанские ведомости». – URL: www.rv-ryazan.ru

⁶ Решение Свердловского областного суда от 30.11.2022 по делу № 3а-1049/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дерации от 3 октября 2023 года № 46-П⁷, позволил компетентным ученым в сфере градостроительного права сделать следующие выводы, которые, как нам представляется, следует поддержать:

1) признается существование градостроительных договоров, которые могут включать в себя публично-правовые обязательства (по выдаче застройщику разрешений, лицензий, оказанию ему содействия и т.д.), отмечается, что эти обязательства могут быть оформлены в рамках как единого градостроительного договора, так и нескольких договоров, определяющих договоренности по различным аспектам реализации проекта застройщиком и публично-правовым образованием;

2) отношения между застройщиком и публично-правовым образованием при заключении градостроительного договора могут быть квалифицированы как комплексные, т.е. содержащие и частноправовые, и публично-правовые элемен-

ты, при этом градостроительные договоры должны исполняться с учетом требований, относящихся к области публичного права [3].

Изложенное позволяет заключить, что именно отношения сторон могут быть квалифицированы как комплексные, тогда как природа самого договора оставлена без квалификации.

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование дает возможность сделать следующие выводы:

1. Подход к определению административно-договорной природы договора о комплексном развитии территории является наиболее аргументированным.

2. Обоснование административно-договорной природы отношений, возникающих в рамках механизма комплексного развития территории, позволяет отнести исследуемые отношения к административно-договорным.

3. Механизм возникновения отношений по комплексному развитию территории, в рамках которого предусматривается принятие решения органом публичной власти и заключение соответствующего договора, соответствует механизму возникновения административно-договорных правоотношений.

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Белицкая А.В., Кухаренко Л.В.** Комплексное развитие территории как правовой инструмент государственно-частного партнерства // Юрист. – 2023. – № 2. – С. 27–32.
2. **Киль Ю.Э.** Механизм комплексного развития территории в теории градостроительного права и юридической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2025. – 264 с.
3. **Бандорин Л.Е., Башарин А.В.** Осмысление места градостроительных договоров в российском праве // Закон. – 2025. – № 3. – С. 27–41.
4. **Чмыхало Е.Ю.** Комплексное развитие территорий населенных пунктов: правовые механизмы реализации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 12. – С. 99–107.
5. **Курсанов А.Р.** Договор о комплексном развитии территории: правовая природа и существенные условия // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 7. – С. 8–17.
6. **Сергунина Н.А.** Правовая природа договора о комплексном развитии территории // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 1. – С. 85–91.
7. **Козлова Е.Б.** Проблемы недействительности договора о развитии застроенной территории (в свете изменений гражданского законодательства) [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 5. – URL: <http://bukvoved.ru/anno/anno-05-2014.html#z6>
8. **Дерюгина Т.В.** О дихотомии конструкции смешанного договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 3. – С. 467–478.
9. **Винницкий А.В.** Публичная собственность. – Москва: Статут, 2013. – 730 с.
10. **Бандорин Л.Е., Башарин А.В.** О поиске баланса между публичными и частными интересами при комплексном развитии территории // Закон. – 2023. – № 12. – С. 55–66
11. **Мисник Г.А.** Комплексный договор как основание возникновения земельных правоотношений // Правовые вопросы недвижимости. – 2023. – № 2. – С. 18–20.

References

1. **Belitskaya A.V., Kukharensko L.V.** Kompleksnoe razvitiye territorii kak pravovoi instrument gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Yurist. – 2023. – № 2. – S. 27–32.
2. **Kil' Yu.E.** Mekhanizm kompleksnogo razvitiya territorii v teorii gradostroitel'nogo prava i yuridicheskoi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2025. – 264 s.

3. **Bandorin L.E., Basharin A.V.** Osmyslenie mesta gradostroitel'nykh dogovorov v rossiiskom prave // *Zakon*. – 2025. – № 3. – С. 27–41.
4. **Chmykhalo E.Yu.** Kompleksnoe razvitie territorii naselennykh punktov: pravovye mekhanizmy realizatsii // *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*. – 2023. – № 12. – С. 99–107.
5. **Kirsanov A.R.** Dogovor o kompleksnom razvitii territorii: pravovaya priroda i sushchestvennye usloviya // *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*. – 2024. – № 7. – С. 8–17.
6. **Sergunina N.A.** Pravovaya priroda dogovora o kompleksnom razvitii territorii // *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*. – 2019. – № 1. – С. 85–91.
7. **Kozlova E.B.** Problemy nedeistvitel'nosti dogovora o razvitii zastroennoi territorii (v svete izmenenii grazhdanskogo zakonodatel'stva) [Elektronnyi resurs] // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. – 2014. – № 5. – URL: <http://bukvoved.ru/anno/anno-05-2014.html#z6>
8. **Deryugina T.V.** O dikhotomii konstruktssii smeshannogo dogovora // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. – 2023. – № 3. – С. 467–478.
9. **Vinnitskii A.V.** *Publichnaya sobstvennost'*. – Moskva: Statut, 2013. – 730 s.
10. **Bandorin L.E., Basharin A.V.** O poiske balansa mezhdru publichnymi i chastnymi interesami pri kompleksnom razvitii territorii // *Zakon*. – 2023. – № 12. – С. 55–66
11. **Misnik G.A.** Kompleksnyi dogovor kak osnovanie vozniknoveniya zemel'nykh pravootnoshenii // *Pravovye voprosy nedvizhimosti*. – 2023. – № 2. – С. 18–20.

(статья сдана в редакцию 01.10.2025)

**Научное осмысление категории семейного насилия:
проблемы идентификации как административного
правонарушения**

**Scientific understanding of the category of family violence:
problems of identification as an administrative offense**

УДК 342.9

А.В. Равнюшкин,

кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
ravnyushkin@mail.ru

Aleksandr V. Ravnyushkin,

Candidate of Law, Associate Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: актуальность темы исследования выражается в общественной значимости противодействия семейному насилию, наличии правовых пробелов идентификации деяний, составляющих семейное насилие как административное правонарушение. Исследование фокусируется на комплексном анализе составов административных правонарушений, связанных с насилием в сфере семейно-бытовых отношений, выявлении системных пробелов и противоречий в правовом регулировании, а также на разработке научно обоснованных предложений по его совершенствованию. Методологическую основу составили общенаучные (анализ, синтез, систематизация, обобщение) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Выявлена и обоснована недостаточность существующей административно-правовой интерпретации семейного насилия, которая на федеральном уровне редуцирована преимущественно к статье «Побои» (статья 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), что не соответствует многогранной природе этого социально-правового явления. При формировании административно-правовой характеристики семейного насилия обоснована необходимость учета латентных и слабо изученных в административно-правовом аспекте форм семейного насилия. При исследовании регионального законодательства, направленного на противодействие «семейно-бытовому дебоширству», выявлены его позитивный профилактический потенциал и недостатки, связанные с отсутствием единообразия и ограниченной сферой действия. Обосновано авторское предложение о совершенствовании законодательства, предполагающее введение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях нового специального состава, предусматривающего административную ответственность за угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, а также за иные действия, систематически нарушающие личное спокойствие и достоинство в семье (статья 6.1.2). Теоретико-методологическое и практическое значение результатов исследования заключается в систематизации и разработке понятийного аппарата в области административно-правовой характеристики семейного насилия. Практическое значение определяется в выработке конкретных предложений по включению в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях специализированной статьи об ответственности за психологическое насилие, уточнении критериев идентификации семейного насилия.

Ключевые слова: административно-противоправное насилие; административная ответственность; побои; психологическое насилие; угрозы; региональное законодательство; профилактика

Для цитирования: Равнюшкин А.В. Научное осмысление категории семейного насилия: проблемы идентификации как административного правонарушения // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 62–69.

Abstract: the relevance of the research topic is expressed in the social importance of countering family violence, the presence of legal gaps in the identification of acts that constitute family violence as an administrative offense. The research focuses on a comprehensive analysis of administrative offenses related to violence in the sphere of family and household relations, identifying systemic gaps and contradictions in legal regulation, as well as developing scientifically sound proposals for its improvement. The methodological basis consists of general scientific (analysis, synthesis, systematization, generalization) and private scientific methods (formal legal,

comparative legal). The insufficiency and narrowness of the existing administrative and legal interpretation of family violence, which at the federal level is reduced mainly to the article "Beatings" (Art. 6.1.1 the Administrative Code of the Russian Federation), which does not correspond to the multifaceted nature of this socio-legal phenomenon, is revealed and substantiated. When forming the administrative and legal characteristics of family violence, the need to take into account latent and poorly studied forms of family violence. The study of regional legislation aimed at countering "family and domestic violence" revealed its positive preventive potential and disadvantages related to the lack of uniformity and limited scope. The author's proposal to improve legislation involving the introduction of a new special structure in the Administrative Code of the Russian Federation providing for administrative liability for the threat of violence that is not dangerous to life or health, as well as for other actions that systematically violate personal peace and dignity in the family (Article 6.1.2) is substantiated. The theoretical, methodological and practical significance of the research results lies in the systematization and development of a conceptual framework in the field of administrative and legal characteristics of family violence. The practical significance is determined in the development of specific proposals for the inclusion of a specialized article on responsibility for mental violence in the Administrative Code of the Russian Federation, clarifying the criteria for identifying domestic violence.

Keywords: administrative unlawful violence; administrative responsibility; beatings; psychological violence; threats; regional legislation; prevention

For citation: Ravnyushkin A.V. Scientific understanding of the category of family violence: problems of identification as an administrative offense // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 62–69.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов социального, правового и гуманитарного характера. Семейное насилие остается одной из наиболее острых и распространенных проблем современного российского общества, оказывая деструктивное воздействие на физическое и психическое здоровье граждан, подрывая основы института семьи и формируя почву для воспроизводства агрессии в последующих поколениях [1, с. 206].

Несмотря на осознание масштабов проблемы на государственном уровне, действующая система административно-правового противодействия семейному насилию демонстрирует свою ограниченную эффективность. Дискуссия о декриминализации побоев в 2016–2017 гг. и их переводе в разряд административных правонарушений (ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)) привела не столько к решению, сколько к углублению системных проблем: фрагментарности правового регулирования, отсутствию четких критериев разграничения уголовно и административно наказуемых деяний, а также игнорированию психологического насилия как самостоятельного и не менее опасного явления [2, с. 52].

Многочисленные, но пока безуспешные законодательные инициативы последних лет, направленные на криминализацию угроз или введение новых административных составов, свидетельствуют о незавершенности поиска адекватной правовой модели. Таким образом, формирование целостной, научно обоснованной административно-правовой характеристики семейного насилия, обнаруживающей его структурные элементы, субъектный состав и латентные формы, является насущной научной и практической задачей.

Проблематика семейного насилия традиционно привлекает внимание исследователей из различных отраслей знания. В юридической науке преобладают криминологические и уголовно-правовые исследования, посвященные анализу причин и условий совершения насильственных преступлений в семье, личности преступника и жертвы, а также квалификации деяний по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (например, ст. 116, 117, 119 УК РФ).

Значительный пласт работ лежит в сфере семейного права, где изучаются вопросы защиты прав несовершеннолетних, лишения родительских прав и правовых последствий жестокого обращения [3, с. 194].

В то же время административно-правовой аспект семейного насилия остается периферийным. Отдельные вопросы, такие как административная ответственность за побои, анализируются в комментариях к КоАП РФ и статьях, посвященных правоприменению ст. 6.1.1 [4].

Комплексных исследований, в которых бы семейное насилие рассматривалось именно сквозь призму административного права – как специфический объект административно-правовой охраны, характеризующийся множественностью субъектов, форм и высокой степенью латентности, явно недостаточно. Практически не изучен в административном ключе феномен психологического насилия и его соотношение с такими составами, как дискриминация и оскорбление. Опыт регионального правотворчества в данной сфере также требует системного научного осмысления.

Целью данного исследования является формирование комплексной административно-правовой характеристики семейного насилия, раскрывающей его юридические признаки, структуру

и особенности, выявление системных пробелов и коллизий в действующем федеральном и региональном законодательстве, а также разработка на этой основе научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования и механизмов профилактики.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- исследуются административно-правовая природа и существующие пробелы в административно-правовой интерпретации семейного насилия;
- выделяются и встраиваются в понятие семейного насилия дополнительные латентные и недостаточно урегулированные его формы (сиблинговое насилие, насилие детей в отношении родителей);
- изучается проблема квалификации угроз как формы психологического насилия и анализируются причины неудач соответствующих законодательных инициатив;
- формулируются предложения по включению в КоАП РФ ст. 6.1.2, предусматривающей ответственность за совершение психологических форм насилия, что позволит приблизить создание системного административно-правового инструментария противодействия всем формам семейного насилия.

Достижение цели и решение поставленных задач обеспечивается применением комплекса взаимодополняющих методов. Формально-юридический метод использован для анализа норм КоАП РФ, УК РФ, региональных законов. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы федерального и регионального законодателя. Метод системного анализа способствовал рассмотрению семейного насилия как сложного объекта правового регулирования, связанного с нормами различных отраслей права. Анализ правоприменительной практики и статистический метод были использованы для оценки эффективности действующих норм.

Административно-правовая природа и существующие пробелы в интерпретации семейного насилия. Административно-правовая характеристика семейного насилия должна формироваться не изолированно, а в контексте общих теоретических представлений о данном явлении, выработанных криминологией, социологией, психологией и иными науками. В системе «общее – частное – особенное» административно-правовая дефиниция выступает как «особенное», интегрируя в себя юридически значимые признаки, выделенные на более общем уровне [5, с. 22].

Так, Верховный Суд Российской Федерации, давая разъяснения по вопросам защиты прав детей, указывает, что семейное насилие выража-

ется в совершении умышленных преступлений против жизни или здоровья членов семьи¹.

Это суждение важно, поскольку подчеркивает умышленный характер деяний, что имплицитно должно распространяться и на административно-противоправные формы насилия. Однако если уголовное право оперирует категориями тяжких последствий (вред здоровью различной степени), то административное право сталкивается с проблемой квалификации деяний, не достигших такой степени общественной опасности, но от этого не становящихся менее разрушительными для внутрисемейных отношений.

На сегодняшний день краеугольным камнем административно-правового реагирования семейного насилия на федеральном уровне является ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои». Данная норма охватывает «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 Уголовного кодекса Российской Федерации». Таким образом, законодатель закрепил сугубо физикалистский подход, сведя суть правонарушения к причинению физической боли.

Такой подход является существенным упрощением реальной картины семейного насилия и порождает ряд серьезных пробелов.

Во-первых, игнорируется контекст совершения насилия, в частностиотягчающее обстоятельство – совершение деяния в присутствии несовершеннолетних. Исследования в области детской психологии и психотравматологии единодушно свидетельствуют, что, даже будучи лишь свидетелями семейного насилия, дети получают тяжелейшую психологическую травму, сопоставимую по последствиям с прямым насилием над ними [6, р. 245].

Они живут в состоянии хронического стресса, страха, чувствуют свою вину и беспомощность, что влечет нарушение развития, социальной адаптации и повышенные риски виктимного или девиантного поведения в будущем [7, с. 170].

Тем не менее в отечественной административно-правовой доктрине и практике проблема квалификации побоев, нанесенных в присутствии детей, практически не исследована. Представляется логичным и справедливым ужесточение административной ответственности за такие деяния. Целесообразно дополнить ст. 6.1.1 КоАП РФ частью второй, устанавливающей повышенные

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 1.

санкции (например, увеличенный штраф или административный арест) за те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего или совершеннолетнего члена семьи в присутствии несовершеннолетнего [7, с. 172].

Это не только усилило бы превентивное воздействие на агрессора, но и послало бы четкий сигнал обществу о недопустимости насилия в присутствии детей, способствуя изменению правосознания.

Во-вторых, действующее законодательство оставляет в тени специфические и высоколатентные формы семейного насилия, такие как sibлинговое насилие (насилие между братьями и сестрами) и насилие детей в отношении родителей. Проблема насилия старших братьев и сестер над младшими долгое время замалчивалась, рассматривалась как «обычные детские конфликты» [8, с. 389].

Однако эмпирические данные показывают, что такое насилие наносит немедленный физический вред, а также приводит к долгосрочным биологическим и психическим изменениям у жертвы, повышая риски проблем с психическим здоровьем и делинквентного поведения [6, р. 250].

Особую сложность представляет вопрос об ответственности. По общему правилу, административная ответственность за побои наступает с 16 лет. Если насилие причиняется лицом, не достигшим этого возраста, состав правонарушения отсутствует. В такой ситуации обязанность по пресечению насилия и защите младшего ребенка ложится на родителей (законных представителей) на основании ст. 63, 65 Семейного кодекса Российской Федерации. Их бездействие может быть квалифицировано по ст. 5.35 КоАП РФ «Неисполнение родителями обязанностей по воспитанию несовершеннолетних». Однако на практике такие случаи привлекают внимание правоохранительных органов крайне редко в силу закрытости семейной системы и нежелания родителей обращаться за помощью.

Еще более сложной с точки зрения квалификации и реагирования является проблема подросткового насилия в отношении родителей. Здесь происходит своеобразная «рокировка» традиционных ролей «жертва – агрессор»: преступником оказывается ребенок, а жертвой – взрослый. Это создает психологические и процедурные трудности для самих родителей, которые часто не хотят привлекать своего ребенка к ответственности, опасаясь судимости или административного наказания, что еще более увеличивает латентность данного явления [9, с. 212].

Данные виды насилия расширяют традиционное понимание круга субъектов семейных конфликтов и требуют разработки специфических мер административно-правового воздействия, сочетающих меры ответственности с мерами

воспитательного и психологического характера в отношении несовершеннолетних агрессоров.

Психологическое насилие как объект административно-правовой охраны и опыт регионального законодательства. Психологическое насилие представляет собой систематические действия, направленные на унижение человеческого достоинства, внушение чувства страха, изоляцию, контроль над поведением и мыслями, словесные оскорбления и угрозы [1, с. 208].

В структуре семейного насилия психологическое насилие зачастую предшествует физическому и сопровождает его, являясь не менее, а иногда и более деструктивным фактором. Тем не менее на федеральном уровне оно практически «невидимо» для административного права. Отдельные его аспекты могут быть опосредованно охвачены составами, имеющими более общий характер.

Так, ст. 5.62 КоАП РФ «Дискриминация» предусматривает ответственность за нарушение прав человека в зависимости в том числе от семейного положения. Дискриминационное поведение в семье (пренебрежение, игнорирование прав и интересов одного из членов семьи) может являться формой психологического насилия и спусковым механизмом для конфликтов.

Статья 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» также может быть применена к случаям словесных унижений в семейной среде. Однако обе эти нормы обладают крайне высокой латентностью в контексте семейных отношений. Статистика их применения по семейным мотивам отсутствует или ничтожно мала. К тому же возбуждение дела об оскорблении находится в исключительной компетенции прокурора, что создает дополнительные procedural barriers для потерпевших и полиции.

Осознавая неполную адекватность федеральных средств, ряд субъектов Российской Федерации пошли по пути собственного правотворчества, введя в региональные кодексы и законы об административных правонарушениях специальные составы, направленные против так называемого семейно-бытового дебошества. Анализ данного законодательства (Республика Башкортостан, Вологодская область, Республика Мордовия, Забайкальский край и др.) позволяет выявить его общие черты².

Диспозиции этих статей описывают не конкретные единичные действия (как побои), а деструктивную модель поведения, нарушающую личное

² Статья 1.18 Закона Вологодской области от 08.12.2010 № 2429-ОЗ «Об административных правонарушениях в Вологодской области» // Красный Север. – 2010. – № 146; Статья 13.8 Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях от 23.06.2011 № 413-з // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. – 2011. – № 12 (336). – Ст. 635.

спокойствие и достоинство в жилище. В объективную сторону, как правило, включается скандал, нецензурная брань, шум, унижение человеческого достоинства, нарушение общественного спокойствия граждан, а также «рукоприкладство» (что уже перекликается с физическим насилием). Например, Закон Вологодской области определяет семейно-бытовое дебоширство как совершение в жилом помещении действий, выражающих явное неуважение к окружающим, сопровождающихся нарушением спокойствия, унижением достоинства и (или) нецензурной бранью.

Правоприменительная практика по этим статьям существует. Так, на территории отдельных субъектов Российской Федерации выносились постановления по делам, где описывались действия виновных: «громко кричал, дебоширил»³, «в пьяном виде кричал, выражался нецензурной бранью, стучал по стенам в присутствии жены и ребенка»⁴, «в агрессивном поведении, высказывании грубых фраз в адрес своей супруги»⁵, «в состоянии алкогольного опьянения устроил дебош, скандал, выражался грубой нецензурной бранью, тем самым нарушил спокойствие своей семьи»⁶, «находясь в состоянии алкогольного опьянения, во время словесной ссоры с сожительницей <ФИОЗ> размахивал руками, дебоширил»⁷, «во время словесного конфликта на бытовой почве с соседкой <ФИО1> угрожала ей физической расправой, но реальных действий к осуществлению угроз не предпринимала»⁸.

По сути, региональные нормы определяют в качестве административно-противоправного и, следовательно, запрещенного создание психотравмирующей, конфликтной обстановки в се-

мье, что является значительным шагом вперед по сравнению с федеральным подходом.

Однако этот опыт имеет и очевидные недостатки: 1) отсутствие единообразия в формулировках диспозиций, что затрудняет интерпретацию и квалификацию; 2) ограниченность действия на территории одного субъекта, в то время как проблема носит общенациональный характер; 3) смешение признаков психологического и физического насилия в одной норме, что может создавать конкуренцию со ст. 6.1.1 КоАП РФ. Кроме того, некоторые исследователи справедливо указывают, что данные составы часто являются завуалированной формой привлечения к ответственности за дискриминацию и оскорбление в семье, доказать которые в «чистом виде» сложнее. Тем не менее сам факт появления и применения этих норм свидетельствует о назревшей потребности в юридической оценке психологического насилия в семейно-бытовой сфере на уровне административного права.

Проблема угроз как предтеча физического насилия и пути совершенствования законодательства на федеральном уровне. Одной из наиболее острых и дискуссионных проблем остается правовая интерпретация квалификации угроз как одной из ключевых форм психологического насилия и важнейшего индикатора потенциальной эскалации конфликта. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при наличии признаков ее реальности является уголовно наказуемым деянием (ст. 119 УК РФ). Однако правоприменительная практика столкнулась здесь с серьезной дилеммой.

Обратимся к проведенному учеными исследованию. Коллектив авторов из Барнаульского юридического института МВД России провел исследование посредством решения определенной задачи – обобщить и проанализировать эмпирические данные территориальных органов МВД России о совершении тяжких и особо тяжких преступлений лицами, в отношении которых ранее было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью».

Результаты данного исследования были представлены в ГУОООП МВД России в виде отчета, а основные материалы опубликованы в виде монографии [10].

Эмпирические исследования, проведенные по заказу МВД России, показывают тревожную статистику. Так, в 2020 году в Санкт-Петербурге и Ленинградской области было вынесено 1972 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ, из них 1053 (53,4%) относились к бытовой сфере. В 2023 году доля «бытовых» отказных постановлений составила 54,9%.

³ Решение от 09.07.2024 № 12-196/2024 по делу № 12-196/2024. Ленинский районный суд г. Костромы (Костромская область) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.01.2026).

⁴ Постановление от 12.05.2020 № 5-249/2020 по делу № 5-249/2020. Шарьинский районный суд (Костромская область) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.01.2026).

⁵ Постановление от 20.04.2020 № 5-92/2020 по делу № 5-92/2020. Шарьинский районный суд (Костромская область) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.01.2026).

⁶ Решение от 16.04.2020 № 12-11/2020 по делу № 12-11/2020. Улаганский районный суд (Республика Алтай) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.01.2026).

⁷ Постановление от 30.07.2025 по делу № 5-1284/2025. Мировой судья Вологодской области по судебному участку № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.01.2026).

⁸ Решение от 10.11.2023 № 12-1038/2023 по делу № 12-1038/2023. Вологодский городской суд (Вологодская область) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.01.2026).

Еще выше этот показатель в Камчатском крае: 74,3% в 2020 г. и 72,4% в 2023 г. [10, с. 27].

Основная причина отказов – отсутствие достаточных данных, указывающих на реальность угрозы. В результате лицо, открыто угрожавшее расправой члену семьи, не несет никакой юридической ответственности. Более того, исследование подтвердило гипотезу о том, что такие лица впоследствии с высокой долей вероятности совершают тяжкие и особо тяжкие преступления в быту [10, с. 25].

Таким образом, пробел в законодательстве создает состояние безнаказанности и повышает риски эскалации насилия.

Неоднократные попытки заполнить этот пробел на федеральном уровне оказывались безуспешными. Законодательные инициативы Верховного Суда Российской Федерации (2015 г.) и Законодательного Собрания Красноярского края (2023 г.) о введении в КоАП РФ ст. 6.1.2 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» не были поддержаны [10, с. 30–35].

Основной причиной несогласия с результатами упомянутого выше монографического исследования является нерешенность проблемы разграничения уголовно наказуемой (ст. 119 УК РФ) и административно наказуемой угрозы. Критерий «реальности» угрозы оценочный и зачастую неочевидный на досудебной стадии, что может привести к произволу и ошибкам в квалификации.

В этой связи представляется более конструктивным иной подход, предложенный ранее и остающийся актуальным на сегодняшний день в рамках настоящего исследования. Вместо попытки создать «облегченный» дубликат ст. 119 УК РФ целесообразно ввести в КоАП РФ новый состав, ориентированный на иную, более широкую и практически значимую категорию противоправного поведения. Речь идет об установлении административной ответственности за угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья.

Данное понятие (насилие, не опасное для жизни или здоровья) уже устоялось в правовой доктрине и практике (например, оно используется при разграничении побоев и вреда здоровью). Угроза применить такое насилие (например, «я тебя избью», «получишь в глаз», «вышибу дух») является типичным элементом бытовых конфликтов и мощным инструментом психологического давления. В настоящее время такие угрозы остаются полностью безнаказанными, если не сопровождаются действиями, подпадающими под ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Авторское предложение заключается в дополнении КоАП РФ новой статьей (логично разместить ее в главе 6 «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие на-

селения и общественную нравственность», под ст. 6.1.2 «Угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, совершение иных форм психологического насилия»). Диспозиция этой статьи могла бы предусматривать ответственность не только за «угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, но и за иные умышленные действия, систематически нарушающие личное спокойствие и унижающие достоинство члена семьи в месте совместного проживания: нецензурную брань, шум в ночное время с целью психологического воздействия, угрозу умышленного повреждения имущества члена семьи».

Преимущества данного подхода:

- правовая определенность. Четкое отграничение от ст. 119 УК РФ по объекту посягательства (не опасное для жизни/здоровья насилие);

- профилактический эффект. Позволит правоохранительным органам (прежде всего участковым уполномоченным полиции) вмешиваться на самой ранней стадии развития конфликта, проводить профилактические беседы, выносить официальное предупреждение или привлекать к ответственности, не дожидаясь реальных побоев или более тяжких угроз;

- заполнение правового вакуума. Даст правовую оценку тому массиву деструктивного поведения в семье, который сегодня существует в серой зоне, вне права;

- системность. Создаст в КоАП РФ связанную систему норм: ст. 6.1.1 (физическое насилие без последствий) – ст. 6.1.2 (психологическое насилие, угрозы) – соответствующие статьи УК РФ (тяжкие последствия, реальные угрозы убийством).

Таким образом, реализация данного предложения позволила бы создать комплексный и эффективный административно-правовой инструментарий для противодействия семейному насилию во всех его проявлениях.

Проведенное исследование позволяет сформулировать систему выводов и предложений, направленных на углубление понимания административно-правовой сущности семейного насилия и совершенствование механизмов борьбы с ним.

С учетом вышеизложенного административно-правовая характеристика семейного насилия представляется на основе результатов анализа научных работ, изученных видов административных правонарушений (федерального и регионального уровней) и практической деятельности правоприменителя.

Семейное насилие в аспекте административного права является сложным, многогранным явлением, которое не может быть сведено исключительно к физическому насилию в форме побоев. Его административно-правовая характеристика

должна включать: а) умышленный характер деяний; б) многообразие субъектного состава (агрессором и жертвой может быть любой член семьи или совместно проживающее лицо); в) сочетание физического и психологического насилия; г) высокую степень латентности; д) цикличность.

Действующее федеральное законодательство (ст. 6.1.1 КоАП РФ) демонстрирует явную недостаточность, фокусируясь лишь на одной, далеко не всегда первоначальной форме насилия. Существенным пробелом является отсутствие квалифицированного состава, учитывающего совершение побоев в присутствии несовершеннолетних, что требует законодательной коррекции.

Такие формы насилия, как siblinговое насилие и подростковое насилие в отношении родителей, остаются на периферии административно-правового регулирования. Борьба с ними требует комплексного подхода, сочетающего возможное привлечение родителей к ответственности за неисполнение обязанностей (ст. 5.35 КоАП РФ) с развитием сети специализированных социально-психологических служб для работы с несовершеннолетними агрессорами.

Региональный опыт установления административной ответственности за совершение «семейно-бытового дебоширства» подтверждает объективную потребность в юридической оценке психологического насилия и деструктивной конфликтной обстановки в семье. Этот опыт, несмотря на свои недостатки, является важным ориентиром для федерального законодателя и свидетельствует о необходимости унификации подобных норм на общегосударственном уровне.

Грань между психологическим и физическим насилием очень тонкая, и в большинстве случаев они сочетаются. Некоторая часть агрессоров совершает физическое насилие уголовно-противоправного характера, минуя административно-противоправный этап.

Под наказуемым административно-противоправным насилием, в том числе совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений, понимается нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, в том числе причинивших

физическую боль, но не повлекших уголовно наказуемых последствий, а также акты психологического насилия (угрозы причинения насилия, не опасного для жизни или здоровья, нарушение спокойствия граждан в семье, унижение человеческого достоинства, создание конфликтной ситуации, умышленное повреждение имущества члена семьи), которые выражены, как правило, на фоне семейно-бытового конфликта и причиняют ущерб нравственности, оказывают деморализующее и психотравмирующее воздействие на членов семьи и лиц, совместно проживающих и ведущих с агрессором общее хозяйство.

Ключевой нерешенной проблемой является отсутствие административной ответственности за угрозы, не содержащие признаков ст. 119 УК РФ. Статистика отказных постановлений и последующей криминальной эскалации доказывает, что существующий правовой вакуум несет прямую угрозу безопасности граждан. При этом попытки ввести ответственность за «угрозу убийством» на административном уровне сталкиваются с определенными трудностями из-за проблемы разграничения с уголовным законом.

В качестве оптимального пути совершенствования законодательства предлагается введение в КоАП РФ новой специальной нормы (ст. 6.1.2), устанавливающей административную ответственность за угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, а также за иные систематические действия, унижающие достоинство и нарушающие спокойствие в сфере семейно-бытовых отношений. Это создаст непрерывную и логичную шкалу юридического реагирования, усилит профилактический потенциал полиции и позволит пресекать насилие на самых ранних стадиях его генезиса.

Таким образом, формирование эффективной системы административно-правового противодействия семейному насилию требует перехода от фрагментарных и реактивных мер к построенной целостной, превентивно ориентированной правовой модели, адекватно отражающей всю сложность и многообразие этого социально-правового явления.

Литература

1. Помогалова Ю.В., Антонов А.А., Симакина И.А., Шкеля О.В. Эффективность современных административно-правовых средств профилактики домашнего (семейного) насилия: российский и зарубежный опыт // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 4. – С. 205–214.
2. Волосова Н.Ю., Баловнева В.И. Проблема ответственности за побои и профилактика семейного (домашнего) насилия: административно-правовой аспект // Административное право и процесс. – 2021. – № 4. – С. 51–53.
3. Алманова А.М. Возникновение негативных последствий для ребенка вследствие неисполнения родителями обязанностей по воспитанию // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2 (32). – С. 192–196.
4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / под ред. Н.Г. Салищевой. – Москва, 2022. – 1296 с.

5. **Равнюшкин А.В.** Административно-правовые средства предупреждения и пресечения участковыми уполномоченными полиции правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений: монография. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – 179 с.
6. **Van Berkel Sh.R., Tucker C.J., Finkelhor D.** The Combination of Sibling Victimization and Parental Child Maltreatment on Mental Health Problems and Delinquency // *Child Maltreatment*. – 2018. – Vol. 23. – Iss. 3. – P. 244–253.
7. **Равнюшкин А.В.** О добавлении в статью 6.1.1 КоАП РФ «Побои» квалифицированного состава // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 1 (52). – С. 167–174.
8. **Равнюшкин А.В.** Административная ответственность за насилие в siblingовых отношениях // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20. № 4. – С. 388–396.
9. **Равнюшкин А.В.** Подростковое насилие над родителями как форма семейного (домашнего) насилия: вопрос расширения объекта государственно-правовой защиты личности в семье // Российский девиантологический журнал. – 2023. – № 3 (2). – С. 208–219.
10. Юридическая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: современное состояние и тенденции развития: монография / А.Г. Гришаков, Л.В. Кузнецова, В.В. Тырышкин [и др.]. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. – 152 с.

References

1. **Pomogalova Yu.V., Antonov A.A., Simakina I.A., Shkelya O.V.** Effektivnost' sovremennykh administrativno-pravovykh sredstv profilaktiki domashnego (semeinogo) nasiliya: rossiiskii i zarubezhnyi opyt // *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*. – 2021. – № 4. – С. 205–214.
2. **Volosova N.Yu., Balovneva V.I.** Problema otvetstvennosti za poboi i profilaktika semeinogo (domashnego) nasiliya: administrativno-pravovoi aspekt // *Administrativnoe pravo i protsess*. – 2021. – № 4. – С. 51–53.
3. **Almanova A.M.** Vozniknovenie negativnykh posledstviy dlya rebenka vsledstvie neispolneniya roditelyami obyazannosti po vospitaniyu // *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*. – 2013. – № 2 (32). – С. 192–196.
4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / под ред. Н.Г. Салищеvoi. – Москва, 2022. – 1296 с.
5. **Ravnyushkin A.V.** Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdeniya i presecheniya uchastkovymi upolnomochennymi politzii pravonarushenii, sovershaemykh v sfere semeino-bytovykh otnoshenii: monografiya. – Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2018. – 179 s.
6. **Van Berkel Sh.R., Tucker C.J., Finkelhor D.** The Combination of Sibling Victimization and Parental Child Maltreatment on Mental Health Problems and Delinquency // *Child Maltreatment*. – 2018. – Vol. 23. – Iss. 3. – P. 244–253.
7. **Ravnyushkin A.V.** O dobavlenii v stat'yu 6.1.1 KoAP RF "Poboi" kvalifitsirovannogo sostava // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. – 2023. – № 1 (52). – С. 167–174.
8. **Ravnyushkin A.V.** Administrativnaya otvetstvennost' za nasilie v siblingovykh otnosheniyakh // *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. – 2023. – Т. 20. № 4. – С. 388–396.
9. **Ravnyushkin A.V.** Podrostkovoe nasilie nad roditelyami kak forma semeinogo (domashnego) nasiliya: vopros rasshireniya ob'ekta gosudarstvenno-pravovoi zashchity lichnosti v sem'e // *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal*. – 2023. – № 3 (2). – С. 208–219.
10. Yuridicheskaya otvetstvennost' za ugrozu ubiystvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya: monografiya / A.G. Grishakov, L.V. Kuznetsova, V.V. Tyryshkin [i dr.]. – Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2025. – 152 s.

(статья сдана в редакцию 02.02.2026)

**Некоторые проблемы при выявлении криминальных
банкротств предприятий оперативными подразделениями
органов внутренних дел**

**Some problems in identifying criminal bankruptcies
of enterprises by operational units of the Interior Ministry**

УДК 34.096

Е.А. Глушков,
кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
opr1@inbox.ru

Evgeny L. Glushkov,
Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы, возникающие при выявлении и расследовании так называемых криминальных банкротств – случаев умышленного доведения предприятия до несостоятельности в целях сокрытия активов и уклонения от обязательств. Отмечается, что эффективность работы оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел в данной сфере остается низкой, о чем свидетельствует небольшая практика применения специальных норм уголовного закона. Проведен анализ законодательных основ и правоприменительной практики, выявлены ключевые организационно-правовые и процессуальные трудности. В числе основных проблем – несвоевременное получение информации о преступлении, утрата бухгалтерской документации, сложность обнаружения скрытых активов, недостаточная координация между ведомствами, пробелы законодательства, а также трудности доказывания умысла. Приводятся мнения исследователей и практиков, изучающих данную тематику. На основании проведенного обзора предлагаются меры по повышению эффективности противодействия преступлениям данной категории: совершенствование уголовного законодательства и внесение изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», издание разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, усиление межведомственного взаимодействия (органов внутренних дел, Федеральной налоговой службы, арбитражных управляющих и др.), применение аналитических инструментов для выявления подозрительных финансовых схем, а также повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода для повышения результативности выявления криминальных банкротств и привлечения виновных к ответственности.

Ключевые слова: криминальное банкротство; преднамеренное банкротство; фиктивное банкротство; неправомерные действия при банкротстве; экономические преступления; выявление и расследование; оперативно-разыскная деятельность; межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Глушков Е.Л. Некоторые проблемы при выявлении криминальных банкротств предприятий оперативными подразделениями органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 70–76.

Abstract: this article examines current issues arising in the detection and investigation of so-called criminal bankruptcies – cases of deliberately driving a company into insolvency for the purpose of concealing assets and evading liabilities. It notes that the effectiveness of operational economic security and anti-corruption units of internal affairs agencies in this area remains low, as evidenced by the limited practice of applying special provisions of criminal law. An analysis of the legislative framework and law enforcement practice is conducted, identifying key organizational, legal, and procedural difficulties. Key challenges include the delay in receiving information about the crime, the loss of accounting records, the difficulty of discovering hidden assets, insufficient coordination between agencies, legislative gaps, and the difficulty of proving intent. The article also presents the opinions of researchers and practitioners studying this topic. Based on the review, measures are proposed to improve the effectiveness of combating this category of crime: improving criminal and bankruptcy legislation, issuing clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, strengthening interagency cooperation (among law enforcement agencies, the Federal Tax Service, insolvency

practitioners, etc.), using analytical tools to identify suspicious financial schemes, and improving the skills of law enforcement officers. A conclusion is reached regarding the need for a comprehensive approach to improve the effectiveness of identifying criminal bankruptcies and bringing those responsible to justice.

Keywords: criminal bankruptcy; deliberate bankruptcy; fictitious bankruptcy; illegal actions in bankruptcy proceedings; economic crimes; detection and investigation; operational and investigative activities; interagency cooperation

For citation: Glushkov E.L. Some problems in identifying criminal bankruptcies of enterprises by operational units of the Interior Ministry // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 70–76.

Банкротство как правовой институт изначально призвано служить оздоровлению хозяйствующих субъектов и удовлетворению требований кредиторов [1]. Однако на практике механизмы банкротства нередко используются в преступных целях для перераспределения собственности и уклонения от долговых обязательств [2]. Под криминальным банкротством понимается умышленное приведение юридического лица в состояние несостоятельности (банкротства) с целью сокрытия активов и уклонения от уплаты долгов [3]. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена ответственность за три вида преступлений в сфере банкротства: неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ)¹.

Введение этих норм начиная с конца 1990-х гг. было реакцией законодателя на появление новых схем злоупотреблений в экономике постсоветского периода. Тем не менее правоприменительная практика показала, что данные нормы оказались сложными для реализации и их применение сопряжено с рядом проблем.

Статистика подтверждает невысокую эффективность борьбы с преступлениями рассматриваемого вида. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) является наиболее часто инкриминируемым составом из статей о банкротстве, однако и он применяется весьма редко, а количество дел имеет тенденцию к сокращению. Так, в 2023 году по ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство» не был осужден ни один человек. Многие эксперты отмечают, что правоохранительные органы зачастую предпочитают не прибегать к специальным статьям о банкротстве, квалифицируя деяния по более привычным составам, прежде всего как мошенничество. Например, адвокат А. Большаков указывает, что криминальные банкротства

часто «спрятаны за мошенничеством, присвоением и злоупотреблением полномочиями»².

В статье проведен анализ проблем, с которыми сталкиваются сотрудники оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) органов внутренних дел при выявлении и сопровождении расследования криминальных банкротств предприятий. Основное внимание уделено практическим трудностям оперативно-разыскной деятельности, пробелам законодательства и недостаткам межведомственного взаимодействия. Кроме того, на основе обзора публикаций ученых и материалов реальной практики предлагаются рекомендации по совершенствованию работы правоохранительных органов в данной сфере.

Анализ оперативно-следственной практики показывает, что на этапе выявления преступлений данной категории возникает комплекс организационно-правовых проблем [4]. К ним относятся прежде всего проблемы своевременности обнаружения и фиксации признаков преступления, а также проблемы, связанные с недостатками в регулировании и взаимодействии между участниками процедуры банкротства.

Зачастую заявление или сообщение о возможном преднамеренном банкротстве поступает в орган внутренних дел (далее – ОВД) лишь спустя значительное время после совершения противоправных действий. За время, прошедшее с момента реализации преступной схемы до начала проверки, часть первичных документов успевает быть сокрыта или уничтожена виновными лицами. В.Д. Ларичев и В.А. Сидоров указывают, что именно задержка с началом проверки приводит к невозможности проведения важных судебных экспертиз, прежде всего финансово-аналитической, поскольку основные доказательства утрачены [4]. Это серьезно затрудняет последующее расследование, так как экспертное исследование финансовой документации – один из ключевых способов доказать факт умышленного доведения до банкротства.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Криминальное банкротство: почему не работают специальные статьи УК [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/253593/>

Часто к моменту возбуждения уголовного дела отсутствуют документы первичного бухгалтерского учета предприятия-должника. Аффилированные с должником лица не передают часть документации арбитражному управляющему, как того требует закон. Более того, должностные лица могут умышленно уничтожать финансовые документы (счета, договоры, бухгалтерские регистры) либо инсценировать их утрату (например, имитируя кражу, пожар, затопление офиса). Отметим, что оперативные сотрудники нередко сталкиваются с ситуацией, когда к началу расследования значимая часть документов уже утрачена, что не позволяет полноценно задокументировать противоправные действия [4]. Приходится делать запросы в различные инстанции (налоговые органы, банки, контрагентам) для восстановления цепочки сделок, что неизбежно затягивает сроки расследования и проведения экспертиз.

Преступные схемы банкротства обычно включают вывод активов компании через цепочку фиктивных сделок. Активы распродаются по заниженным ценам либо передаются подконтрольным фирмам-однодневкам. Выявить такие активы и конечных выгодоприобретателей сложно. Оперативникам приходится устанавливать контрагентов должника за период 2–3 лет до банкротства, выявлять сделки с нерыночными условиями (невыгодные для предприятия). Зачастую контрагентами оказываются фирмы-однодневки, зарегистрированные на подставных лиц в других регионах, что затрудняет их розыск. О.А. Рыхлов еще в 2011 г. подчеркивал проблему использования сетей фирм-однодневок при подготовке преднамеренных банкротств, из-за чего установить бенефициаров сделок крайне сложно [5, с. 28]. Кроме того, нарушается порядок ведения учета — документы фальсифицируются, баланс и отчеты не отражают реального финансового состояния предприятия, что маскирует вывод активов.

Особенностью преступлений данного вида является то, что их выявление часто происходит в ходе конкурсного производства в рамках дела о банкротстве, где ключевую роль играет арбитражный управляющий. Закон обязывает конкурсных (временных) управляющих анализировать финансово-хозяйственную деятельность должника и при обнаружении признаков преднамеренного либо фиктивного банкротства сообщать об этом в правоохранительные органы. Однако на практике эффективность этой системы ограничена. Проблема в том, что управляющий назначается по предложению кредитора, первым подавшего заявление о банкротстве, а этот кредитор нередко связан с должником. В результате конкурсный управляющий может действовать в интересах самого должника (точнее, его собственников)

или лояльного ему кредитора, а не всех кредиторов. Нельзя не отметить, что аффилированность управляющих приводит к формальному проведению анализа в отчетах о наличии признаков преднамеренного банкротства, не указываются конкретные противоправные действия руководства, приведшие к неплатежеспособности. Это затрудняет своевременное принятие процессуальных решений по материалам проверки, поскольку отсутствие четких выводов заставляет следствие проводить дополнительные следственные действия. Также нередки случаи, когда арбитражные управляющие вовсе не направляют сообщения о преступлении, если заинтересованы в затягивании процедуры или связаны с должником.

Для раскрытия криминальных банкротств требуется совместная работа различных органов: ОВД, СК России, прокуратуры, Федеральной налоговой службы (далее — ФНС), арбитражных управляющих, арбитражных судов и др. На практике же взаимодействие между ними оставляет желать лучшего. В частности, ОВД может неоперативно получать от арбитражного управляющего материалы финансового анализа, налоговые органы, выявляя признаки фиктивного банкротства (например, через подозрительные транзакции), не всегда своевременно информируют ОВД. В результате проверка затягивается, а некоторые факты выпадают из поля зрения. В.Д. Ларичев и В.А. Сидоров относят недостаточное межведомственное взаимодействие к числу главных организационных проблем, препятствующих расследованию криминальных банкротств [4].

Следствием перечисленных проблем являются большие временные затраты на сбор доказательств, необходимость проведения множества судебных экспертиз (бухгалтерских, финансово-аналитических) и, как следствие, существенное увеличение сроков расследования дел о преднамеренных банкротствах. В ряде случаев подобные дела и вовсе прекращаются, не дойдя до суда, из-за истечения сроков давности (например, когда идентификация схем вывода активов занимает слишком много времени) или недостаточности доказательственной базы.

Многие действия, составляющие объективную сторону криминального банкротства, внешне ничем не отличаются от обычных хозяйственных операций. Например, продажа активов по заниженной цене может быть оформлена как обычный договор купли-продажи; вывод денег — как выдача займов учредителям; фиктивные обязательства — как договоры оказания услуг. Подобное «размывание» грани между легальными и незаконными действиями затрудняет правовую оценку. Следовательно приходится доказывать не только факт совершения сделки, но и ее за-

ведомо убыточный характер и преступную цель. Без специальных экономических знаний оценить невыгодность сделки непросто. А.В. Каунов и А.С. Усенко отмечают, что сложное переплетение гражданско-правовых и уголовно-правовых норм является одной из причин трудности расследования криминальных банкротств [6, с. 128]. На практике это выливается в необходимость привлечения экспертов-экономистов и длительного анализа финансовой документации, чтобы отличить умысел на банкротство от предпринимательского риска и конъюнктурных убытков.

Формулировки статей о банкротстве, как отмечают специалисты, страдают архаичностью и неполнотой. Например, состав фиктивного банкротства (ст. 197 УК РФ) до сих пор описывает деяние как «заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности». Однако понятие публичного объявления давно исключено из законодательства о банкротстве, и современный руководитель уже не обязан нигде объявлять о своем банкротстве. Это делает ст. 197 УК РФ практически нерабочей нормой – реальных случаев ее применения почти нет (что подтверждается нулевой статистикой осужденных). Статья 195 УК РФ, напротив, чрезмерно детализирована – перечисляет закрытый перечень деяний (сокрытие имущества, уничтожение документов и др.). К тому же ч. 2 ст. 195 УК РФ предусматривает ответственность за воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего, связанное с причинением крупного ущерба, однако доказать причинную связь между фактом непредоставления документов и размером ущерба зачастую невозможно. В.Д. Ларичев и В.А. Сидоров отмечают, что указанные пробелы законодательства позволяют недобросовестным предпринимателям и целым организованным преступным группам использовать процедуру банкротства как прикрытие для хищений и других злоупотреблений [4].

Перечисленные выше проблемы напрямую отражаются на эффективности противодействия преступлениям данной категории. Можно выделить несколько основных причин, по которым дела о криминальном банкротстве возбуждаются и доходят до суда редко:

1. Сложность расследования и требования к квалификации сотрудников. Выявление и расследование криминальных банкротств требует от сотрудников полиции (юстиции) глубоких знаний в области финансов, бухгалтерского учета и законодательства о несостоятельности, которое регулярно меняется. На практике же далеко не всегда у оперуполномоченных ЭБиПК и следователей есть возможность и время детально изучать материалы хозяйственной деятельности крупных компаний и отслеживать изменения в законах о банкротстве.

Специалисты отмечают, что подобные дела являются «интеллектуально емкими», требуют участия экономистов, аудиторской экспертизы, чего в обычной практике ОВД не хватает. И.Ю. Михалев акцентирует, что уголовно-правовая оценка банкротства требует установления умышленного характера действий и их направленности на доведение до несостоятельности либо на сокрытие имущества/документов [7, с. 90–101]. В отличие от очевидных корыстных посягательств здесь умысел часто «растворен» в решениях, которые могут выглядеть управленчески оправданными (продажа актива для покрытия долгов, заем для поддержания оборота, уступка требования). С другой стороны, С.А. Александров, анализируя разграничение составов в сфере банкротства, указывает на важность разграничительных критериев и конкуренции норм: неправомерные действия при банкротстве могут выступать элементами более объемного поведения при преднамеренном банкротстве, однако квалификация должна опираться на доминирующую направленность и последствия [8, с. 27].

2. Недостатки нормативных формулировок и отсутствие разъяснений. Как упоминалось, уголовно-правовые нормы (ст. 195–197 УК РФ) содержат изъяны. Кроме того, до сих пор отсутствует постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое дало бы разъяснения по вопросам квалификации преступлений в сфере банкротства. В результате правоприменение идет вслепую: каждый следователь и суд трактует по-своему, опасаясь допустить ошибку. Некоторые исследователи убеждены, что принятие соответствующего постановления Верховного Суда Российской Федерации позволило бы единообразно понимать признаки криминального банкротства и смелее привлекать виновных к ответственности³. Пока же отсутствие официальных разъяснений порождает излишнюю осторожность: многие дела вообще не возбуждаются, а по уже возбужденным труднее составить убедительную доказательную базу.

3. Ориентация кредиторов на гражданско-правовые средства. Потерпевшими от криминального банкротства являются кредиторы предприятия (контрагенты, сотрудники, бюджет в части налогов). Но на практике кредиторы не спешат инициировать уголовное преследование. Им зачастую проще и выгоднее обратиться в рамках дела о банкротстве с заявлениями о привлечении виновных лиц к субсидиарной ответственности, признании сделок недействительными и т.п., чем писать заявление в ОВД. Гражданско-правовые механизмы

³ Криминальное банкротство: почему не работают специальные статьи УК [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/253593/>

(взыскание убытков, оспаривание сделок) могут привести к реальному возмещению ущерба быстрее, чем долгий уголовный процесс. Поэтому многие случаи скрытого вывода активов остаются в плоскости арбитража и не доходят до стадии уголовного расследования, если кредиторы получили удовлетворение своих требований и не мотивированы добиваться наказания виновных.

4. Переквалификация на составы общей направленности. Правоохранители склонны использовать более понятные и проверенные статьи УК РФ вместо специальных норм о банкротстве. Это подтверждается практикой: нередко действия руководства обанкротившихся фирм квалифицируются как мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ). Кроме того, статьи о мошенничестве и иных общих преступлениях часто предусматривают более строгие санкции и позволяют, к примеру, арестовать обвиняемого (в то время как по ст. 196 УК РФ максимальное наказание 6 лет, что затрудняет заключение под стражу). Следовательно, с точки зрения следственных органов, «обычное» экономическое преступление удобнее: проще квалифицировать, легче избрать меру пресечения, понятнее в суде.

5. Реакционный, а не упреждающий характер выявления. Во многих случаях уголовное дело по факту криминального банкротства возбуждается после того, как ущерб уже причинен и предприятие ликвидировано. Поводом служит либо заявление нового арбитражного управляющего/кредиторов о выявленных злоупотреблениях, либо наличие социально значимых последствий (например, большая задолженность по зарплате перед работниками, налоговая недоимка). Так, долги по зарплате и в бюджет нередко становятся инициативой для дальнейших действий – правоохранительные органы особенно остро реагируют на невыплату заработной платы и налогов, видя в этом явный общественный ущерб. Например, в Белгородской области уголовное дело по ч. 3 ст. 145.1 УК РФ (невыплата зарплаты) в отношении руководителя предприятия переквалифицировано в расследование преднамеренного банкротства, когда выяснилось, что владельцы намеренно доводили компанию до состояния неплатежеспособности, что привело к прекращению ее работы⁴. Таким образом, дела возбуждаются постфактум, когда ситуация уже дошла до кризиса, а предотвращать криминальное банкротство на ранней стадии (например, через финансовый мониторинг) пока не удается.

Следует отметить, что все же известны случаи привлечения к ответственности именно по статьям УК РФ о банкротстве, что позволяет проанализировать сложившуюся судебную практику. Как правило, в суд попадают наиболее грубые и очевидные случаи криминального банкротства, когда умысел легко прослеживается. Например, в Белгороде в 2013 году был осужден директор строительной компании, который путем заключения фиктивных многомиллионных договоров с аффилированной фирмой и изготовления поддельного векселя умышленно создал огромные долги, доведя компанию до банкротства. Его действия квалифицировали одновременно как мошенничество и преднамеренное банкротство, и суд назначил реальный срок лишения свободы⁵. В других регионах имеются прецеденты осуждения по ст. 195 УК РФ: например, руководителей привлекали за сокрытие имущества должника от конкурсной массы, заключение заведомо невыгодных сделок накануне банкротства, уничтожение документации. Эти примеры демонстрируют, что при наличии достаточной доказательственной базы суды готовы выносить обвинительные приговоры по указанным статьям. Однако таких дел единицы, и каждое, как правило, сопровождается значительными усилиями оперативных сотрудников ЭБиПК и следователей по документированию сложных финансовых махинаций.

В целом анализ показывает, что низкая раскрываемость преступлений рассматриваемой категории обусловлена объективной сложностью их выявления и доказывания, пробелами законодательства и практики. Тем не менее в связи с высокой общественной опасностью криминальных банкротств (страдают инвесторы, работники, бюджет, подрывается деловая среда) назрела необходимость выработки ряда мер, способных улучшить ситуацию.

Для повышения эффективности противодействия криминальным банкротствам требуется комплексный подход, охватывающий как законодательные изменения, так и организационные меры. Опираясь на предложения ведущих специалистов и практиков, можно рекомендовать следующее:

1. Необходимо устранить выявленные пробелы в уголовном законе. В частности, предложено дополнить УК РФ новой нормой, устанавливающей ответственность недобросовестного кредитора, который при признаках банкротства должника получил от него предпочтительное удовлетворение требований в ущерб остальным кредиторам. Такая статья позволила бы наказывать случаи сговора

⁴ Уголовное наказание за невыплату зарплаты уйдет в прошлое? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.buhgalteria.ru/article/ugolovnoe-nakazanie-za-nevyplatu-zarplaty-uydet-v-proshloe>

⁵ В Белгороде экс-глава строительной компании получил 6,6 лет колонии за мошенничество и преднамеренное банкротство [Электронный ресурс]. – URL: <https://abireg.ru/newsitem/30744/?ysclid=mm0em0a0vi344988035>

должника с отдельным кредитором. Кроме того, следует модернизировать ст. 197 УК РФ, приведя ее в соответствие с современным законодательством о банкротстве (исключить признак «публичного объявления», предусмотреть ответственность за предоставление заведомо ложных сведений о финансовом состоянии и т.д.). Стоит расширить диспозицию ст. 195 УК РФ, добавив туда другие формы воспрепятствования удовлетворению требований кредиторов, которые сейчас прямо не указаны. Параллельно требуют изменений некоторые положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»⁶, например усиление контроля арбитражного суда за действиями управляющего. Следует упростить процедуру отстранения арбитражного управляющего при признаках его недобросовестности или аффилированности с должником, не ограничивая основания лишь рамками ст. 65 и 145 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Это позволит быстрее нейтрализовать заинтересованных управляющих, препятствующих разоблачению преступных схем.

2. Со стороны судебной системы назрело принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, детально разъясняющего вопросы квалификации преступлений, связанных с банкротством. Отсутствие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации приводит к разрозненности практики, тогда как их издание повысило бы уверенность следствия и суда при рассмотрении таких дел. Проект разъяснений обсуждается уже не первый год, и его утверждение могло бы снять многие спорные моменты (разграничение составов, определение момента окончания преступления, вопросы доказывания умысла и т.д.). Помимо этого, для практических работников важно иметь современные научно-методические рекомендации. Специализированным подразделениям ЭБиПК следует разработать или актуализировать ведомственные пособия по выявлению и документированию преступлений данной категории. Такие рекомендации помогли бы унифицировать подходы оперативных сотрудников ЭБиПК, подсказать лучшие методы поиска информации и фиксации доказательств. Рекомендации должны охватывать алгоритмы взаимодействия с арбитражными управляющими, налоговыми органами, банками; типичные схемы фиктивных сделок и способы их раскрытия; образцы запросов и ходатайств о проведении финансовых экспертиз и т.п.

3. Борьба с криминальными банкротствами требует скоординированных усилий ряда государственных структур. Необходимо наладить

более тесный обмен информацией между ОВД, ФНС, Банком России, Росреестром, арбитражными управляющими и судами. Например, налоговые органы, обладая данными о подозрительных транзакциях и признаках фиктивного банкротства (согласно ст. 32 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» ФНС уполномочена направлять сведения о признаках преступлений), должны оперативно передавать их в подразделения ЭБиПК. Арбитражные управляющие – информировать полицию не только путем направления официального заключения, но и в рабочем порядке сигнализировать о выявленных сомнительных обстоятельствах (подозрительные сделки, исчезновение имущества и пр.). Со своей стороны, правоохранительные органы могут запрашивать у управляющих результаты финансового анализа предприятия-должника, а также использовать материалы арбитражных дел для возбуждения уголовных дел, не дожидаясь конца конкурсного производства. Целесообразно создание межведомственных рабочих групп на уровне регионов (например, при прокуратуре или следственном управлении), куда бы входили сотрудники полиции, СК России, налоговой службы и арбитражные управляющие для совместного рассмотрения наиболее сложных случаев криминальных банкротств. Это позволит объединить усилия и обмениваться данными еще на стадии доследственной проверки.

4. В условиях больших объемов финансовой документации и транзакций полезно внедрять автоматизированные системы анализа для выявления признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. В.Д. Ларичев и В.А. Сидоров указывают на необходимость развития аналитических инструментов мониторинга финансовых потоков должников [4]. Например, программные комплексы, которые на основе данных бухгалтерской отчетности и банковских операций фирмы могут сигнализировать о типичных «триггерах» вывода активов: резком увеличении долгов связанных компаний незадолго до банкротства, продаже активов значительно ниже балансовой стоимости, погашении долгов выборочным кредиторам и т.п. Такие системы могли бы использоваться как налоговыми органами (которые уже сейчас реализуют проекты типа АСК «Налог-3» для отслеживания сомнительных операций), так и самими правоохранителями. Кроме того, стоит рассмотреть создание специализированных аналитических подразделений внутри экономической безопасности и противодействия коррупции, где работали бы финансовые аналитики, экономисты, способные расшифровывать сложные схемы. Их выводы затем будут использованы в уголовных делах.

5. Необходима систематическая подготовка сотрудников ОВД в сфере банкротства. Реко-

⁶ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 28.06.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

мендуется проводить для оперуполномоченных ЭБиПК и следователей тренинги, семинары, стажировки по разоблачению экономических преступлений в сфере несостоятельности. Полезен обмен опытом с ФНС, где накоплена экспертиза по анализу финансовой отчетности. Кроме того, целесообразно привлекать внештатных консультантов – специалистов-аудиторов, арбитражных

управляющих с безупречной репутацией – для помощи в конкретных расследованиях. Повышение профессионального уровня позволит оперативным сотрудникам ЭБиПК уверенно чувствовать себя при разборе хитроумных финансовых комбинаций, своевременно замечать признаки преступления и грамотно фиксировать доказательства.

Литература

1. **Кусаев А.А.** Проблема определения состава преднамеренного банкротства о проведении границ со смежными составами преступлений / Современное научное знание: теория, методология, практика: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Смоленск, 10 июня 2019 г. – Смоленск: Наукосфера, 2019. С. 163–166.
2. **Морозова Ю.В.** Неправомерные действия при банкротстве и фиктивное банкротство: некоторые вопросы правоприменения // Криминалист. – 2013. – № 2 (13). – С. 98–101.
3. **Епишин В.В.** Криминальное банкротство – почему не работает уголовный закон? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 2 (46). – С. 91–98.
4. **Ларичев В.Д., Сидоров В.А.** Проблемные вопросы, возникающие в деятельности органов внутренних дел при выявлении и расследовании криминальных банкротств // Научный портал МВД России. – 2025. – № 2 (70). – С. 71–78.
5. **Рыхлов О.А.** Проблемы квалификации неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства // Российский следователь. – 2011. – № 9. – С. 27–29.
6. **Каунов А.М., Усенко А.С.** Формы специальных знаний, используемых в раскрытии и расследовании криминальных банкротств / Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: сборник материалов Международ. науч.-практ. конф. – Тамбов: Юком, 2020. С. 127–130.
7. **Михалев И.Ю.** Криминальное банкротство: монография. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – 215 с.
8. **Александров С.А.** Преступления в сфере банкротства физических лиц: вопросы разграничения // Российский следователь. – 2023. – № 6. – С. 25–28.
9. **Каменская А.П., Кастерина Н.В.** Актуальные проблемы криминального банкротства: характерные черты и пути решения проблем банкротства / Актуальные вопросы образования и науки: сборник науч. трудов по материалам Международной науч.-практ. конференции (г. Тамбов, 31 января 2018 г.). – Тамбов: Юком, 2018. С. 162–169.
10. **Шульгина М.В.** Банкротство (несостоятельность) и необходимость развития судебной практики в делах о банкротстве / Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития: материалы VI Международной науч.-практ. конференции (г. Пермь, 19 февраля 2020 г.). – Пермь: Первый государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 427–436.

References

1. **Kusaev A.A.** Problema opredeleniya sostava prednamerennogo bankrotstva o provedenii granits so smezhnymi sostavami prestuplenii / Sovremennoe nauchnoe znanie: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik nauchnykh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Smolensk, 10 iyunya 2019 g. – Smolensk: Naukosfera, 2019. S. 163–166.
2. **Morozova Yu.V.** Nepravomernye deistviya pri bankrotstve i fiktivnoe bankrotstvo: nekotorye voprosy pravoprimeneniya // Kriminalist". – 2013. – № 2 (13). – S. 98–101.
3. **Epishin V.V.** Kriminal'noe bankrotstvo – pochemu ne rabotaet ugovolnyi zakon? // Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii. – 2015. – № 2 (46). – S. 91–98.
4. **Larichev V.D., Sidorov V.A.** Problemnye voprosy, vznikayushchie v deyatel'nosti organov vnutrennikh del pri vyyavlenii i rassledovanii kriminal'nykh bankrotstv // Nauchnyi portal MVD Rossii. – 2025. – № 2 (70). – S. 71–78.
5. **Rykhlov O.A.** Problemy kvalifikatsii nepravomernykh deistvii pri bankrotstve i prednamerennogo bankrotstva // Rossiiskii sledovatel'. – 2011. – № 9. – S. 27–29.
6. **Kaunov A.M., Usenko A.S.** Formy spetsial'nykh znaniy, ispol'zuemykh v raskrytii i rassledovanii kriminal'nykh bankrotstv / Sovremennye zakonomernosti i tendentsii razvitiya nauk kriminal'nogo tsikla: sbornik materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Tambov: Yukom, 2020. S. 127–130.
7. **Mikhalev I.Yu.** Kriminal'noe bankrotstvo: monografiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2001. – 215 s.
8. **Aleksandrov S.A.** Prestupleniya v sfere bankrotstva fizicheskikh lits: voprosy razgranicheniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2023. – № 6. – S. 25–28.
9. **Kamenskaya A.P., Kasterina N.V.** Aktual'nye problemy kriminal'nogo bankrotstva: kharakternye cherty i puti resheniya problem bankrotstva / Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki: sbornik nauch. trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konferentsii (g. Tambov, 31 yanvarya 2018 g.). – Tambov: Yukom, 2018. S. 162–169.
10. **Shul'gina M.V.** Bankrotstvo (nesostoyatel'nost') i neobkhodimost' razvitiya sudebnoi praktiki v delakh o bankrotstve / Ekonomicheskaya bezopasnost': problemy, perspektivy, tendentsii razvitiya: materialy VI Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konferentsii (g. Perm', 19 fevralya 2020 g.). – Perm': Pervyi gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2020. S. 427–436.

(статья сдана в редакцию 09.12.2025)

**Понятие и уголовно-процессуальные особенности
назначения и производства судебной экспертизы
по уголовным делам**

**Concept and criminal procedural features of the appointment
and conduct of forensic examination in criminal cases**

УДК 343.98

Е.А. Петрухина,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
p.e.a.86@yandex.ru

Ekaterina A. Petrukina,

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: современный уровень развития науки и техники активно внедряется в различные области общественной жизни. При раскрытии и расследовании преступлений для определения виновного или установления орудия преступления часто требуется проведение специализированных исследований вещественных доказательств, изъятых при осмотре места происшествия. Такие исследования проводятся уполномоченными лицами и оформляются в виде судебной экспертизы. В настоящее время судебная экспертиза занимает важное место в расследовании уголовных дел, так как она предоставляет зачастую ключевую доказательственную информацию. В статье раскрывается понятие судебной экспертизы. Рассмотрены уголовно-процессуальные основания и порядок ее обеспечения. Процедура назначения судебной экспертизы осуществляется в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства. Ключевым нормативным правовым актом, регулирующим данный вопрос в Российской Федерации, является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в частности глава 27. При производстве судебной экспертизы следует опираться также на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», основные положения которого проанализированы автором как обязательное условие для обеспечения законности и обоснованности судебных экспертиз. В статье определены особенности принципа работы и производства различных видов судебных экспертиз, применяемых в уголовных делах. Кроме того, проведен анализ судебных решений по производству судебных экспертиз, обозначены перспективы развития такого производства.

Ключевые слова: уголовные дела; специальные знания; процессуальные действия; судебные экспертизы; специальные исследования

Для цитирования: Петрухина Е.А. Понятие и уголовно-процессуальные особенности назначения и производства судебной экспертизы по уголовным делам // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 77–81.

Abstract: modern scientific and technological advances are being actively implemented in various areas of public life. When solving and investigating crimes, determining the perpetrator or identifying the crime weapon often requires specialized examination of physical evidence seized during the crime scene. Such examinations are conducted by authorized persons and are formalized as forensic examinations. Currently, forensic examinations play an important role in criminal investigations, as they often provide key evidentiary information. This article explains the concept of forensic examinations. The criminal procedural grounds and procedures for obtaining them are discussed. The procedure for ordering a forensic examination is carried out in strict compliance with the requirements of current legislation. The key legal act governing this issue in the Russian Federation is the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, particularly Chapter 27. When conducting a forensic examination, one should also rely on Resolution № 28 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2010, "On Forensic Examination in Criminal Cases", the author analyzed its key provisions as a prerequisite for ensuring the legality and validity of forensic examinations. This article defines the operating principles and procedures for various types of forensic examinations used in criminal cases. Furthermore, an analysis of court decisions on forensic examinations is provided, outlining prospects for the development of such procedures.

Keywords: criminal cases; special knowledge; procedural actions; forensic examinations; special researches

For citation: Petrukhina E.A. Concept and criminal procedural features of the appointment and conduct of forensic examination in criminal cases // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 77–81.

Судебная экспертиза занимает одно из ключевых мест в уголовном процессе, выступая в качестве одного из главных способов получения доказательств, требующих специальных знаний в определенных областях науки, техники или иных специализированных сферах. Обеспечение объективности, достоверности и законности проведения экспертизы играет решающую роль в правильности, справедливости и всесторонности уголовного судопроизводства. Своевременное и компетентное проведение экспертизы способствует установлению истинных обстоятельств дела, подтверждению или опровержению фактов, что в конечном итоге влияет на вынесение обоснованного судебного решения [1, с. 217]. Цель статьи – раскрыть понятие судебной экспертизы, рассмотреть уголовно-процессуальные основания и порядок ее назначения, а также особенности принципа работы и производства различных видов экспертиз, применяемых в уголовных делах.

Судебная экспертиза представляет собой специальное исследование, проводимое компетентными специалистами – экспертами, обладающими глубокими профессиональными знаниями в конкретной научной, технической, медицинской, психологической или иной области [2, с. 90]. Эти эксперты осуществляют анализ с целью получения обоснованного и компетентного заключения, необходимого для выяснения обстоятельств дела, которые невозможно или крайне сложно установить иным, обычным способом без использования специальных знаний. В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ судебная экспертиза является процессуальным действием, направленным на подтверждение или опровержение значимых для дела фактов, которые не поддаются непосредственному восприятию либо доказательству другими способами.

Значение судебной экспертизы трудно переоценить, так как нередко именно благодаря заключению эксперта удается установить причины, механизм и обстоятельства совершенного преступления, определить природу и характер телесных повреждений, выявить принадлежность следов, вещественных доказательств и многое другое. Такой вывод важен не только для объективного

раскрытия преступления, но и для защиты прав и законных интересов потерпевших, обвиняемых и других участников процесса.

Процедура назначения судебной экспертизы строго регламентирована нормативными актами, в частности главой 27 УПК РФ. Согласно ст. 195 УПК РФ назначить экспертизу могут участники предварительного расследования – следователь, дознаватель [3]. Кроме того, суд может назначить экспертизу по уголовному делу по ходатайству сторон или по собственной инициативе (ч. 1 ст. 283 УПК РФ). Основанием для назначения является объективная необходимость получения специальных знаний, которые требуются для установления обстоятельств, недоступных для непосредственного выявления другими методами.

Важной нормой процессуального права является ст. 196 УПК РФ, которая предусматривает обязательное назначение экспертизы в ряде случаев. Таким случаем выступает необходимость установления психического или физического состояния потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, особенно когда возникают сомнения в их способности адекватно воспринимать обстановку, запоминать события или давать показания [4]. В подобных ситуациях отказ от проведения экспертизы не допускается, поскольку это может повлиять на законность и обоснованность судебного решения.

Назначение экспертизы происходит посредством мотивированного постановления, в котором подробно указываются основание для назначения, конкретные вопросы экспертам, а также объект или объекты исследования. В постановлении отдельно обозначается лицо, которому поручается проведение экспертизы, с разъяснением его процессуальных прав и обязанностей. Экспертизу могут выполнять государственные судебные эксперты, эксперты частных или негосударственных организаций, а также независимые специалисты, что позволяет учитывать специфику дела и наличие соответствующих компетенций [5, с. 46].

Следует отметить, что важным аспектом результативного производства судебных экспертиз выступает производство осмотра места происшествия на этапе проверки сообщения о преступлении в соответствии с положениями ст. 143 УПК РФ, а также ст. 176, 177 УПК РФ. Это связано с тем, что в ходе производства указанного следственного действия следует осуществлять поиск, обнаружение, фиксацию, процессуальное оформление следов преступления, которые потом могут быть

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4912.

приобщены к делу в качестве доказательств и быть объектами судебной экспертизы [6, с. 85]. Стоит сказать, что в рамках осмотра места происшествия фактически осуществляется собирание доказательств [7]. Данный этап доказывания по уголовному делу в доктрине уголовного процесса принято считать одним из наиболее важных аспектов осуществления предварительного расследования. Так, С.Б. Россинский предлагает определять собирание доказательств как «первый» этап процесса доказывания по уголовному делу, тем самым уделяя ему значимую роль [8, с. 103]. Полное и детальное исследование места происшествия позволяет в последующем с наибольшей эффективностью осуществлять доказывание тех или иных обстоятельств по уголовному делу, в том числе с помощью результатов судебной экспертизы [9, с. 142].

Процесс производства судебной экспертизы регламентируется положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в частности ст. 283, а также условиями, изложенными в постановлении о назначении экспертизы. Данный процесс состоит из нескольких этапов, каждый из которых обладает значительной процессуальной и практической важностью.

Первым этапом производства экспертизы является передача материалов дела и исследуемых объектов эксперту. К исследуемым объектам относятся вещественные доказательства, документы, фотографии, аудио- и видеозаписи, а также иные предметы, требующие экспертного исследования. Особое значение при этом придается правильной фиксации и упаковке объектов с целью предотвращения их повреждения или утраты. Важным элементом этого этапа является составление акта приема-передачи, в котором фиксируется состояние и перечень передаваемых материалов.

Второй этап включает непосредственное проведение экспертного исследования. Эксперты применяют специальные методики, а также научные и технические приемы, предусмотренные в их профильной области. В ходе исследования используются специализированное оборудование, приборы и лабораторные установки [10]. Процесс производства судебной экспертизы представляет собой сложную и многогранную деятельность, направленную на получение научно обоснованных и достоверных доказательств, играющих важнейшую роль в уголовном судопроизводстве. Его можно разделить на несколько ключевых этапов, каждый из которых сопровождается строгими процессуальными нормами и требованиями к качеству и объективности исследования.

Первый этап – сбор и предварительный анализ данных. Эксперт, исходя из вопросов, сфор-

мулированных в постановлении о назначении экспертизы, изучает все предоставленные материалы: вещественные доказательства, протоколы, результаты предыдущих исследований и пр. На основе этого происходит формирование плана и методологии исследования с учетом специфики дела, доступных методик и научных стандартов.

На следующем этапе проводится собственно исследование, в ходе которого эксперт применяет соответствующие технические, химические, биологические или иные специальные методы анализа [10]. Очень важна объективность – эксперт должен избегать субъективных оценок, придерживаться строгих научных критериев и стандартов качества. При этом учитываются все возможные ограничения: качество образцов, влияние внешних факторов, технические погрешности оборудования. Эти ограничения обязательно фиксируются, чтобы они не искажали в дальнейшем оценку полученных результатов.

Основополагающая часть – детальный анализ собранных данных, который позволяет сформулировать обоснованные выводы. На этом этапе эксперт сопоставляет результаты экспертизы с поставленными вопросами, оценивает степень достоверности и уверенности в полученных данных. Важным является критический подход: эксперт должен объективно рассматривать альтернативные версии и объяснять причины, по которым отводит им меньшее значение.

Заключительный этап – составление экспертного заключения, которое является информационным и аналитическим документом, отражающим ход исследования и его результаты.

На стадии предварительного расследования это сфера деятельности следователя и дознавателя, которые назначают экспертизу для получения первичных доказательств, анализ которых позволяет объективно и быстро оценить наличие или отсутствие признаков преступления. Здесь особенно важны оперативность и полнота исследований, чтобы избежать искажения картины и затягивания разбирательств.

В суде назначение экспертизы может осуществляться как судом первой инстанции при первоначальном рассмотрении дела, так и апелляционной или кассационной инстанцией в целях проверки ранее проведенных исследований или получения новых доказательств, которые помогут в объективном рассмотрении дела. Процессуально экспертиза в суде может предстать в виде письменного заключения эксперта, а в случае необходимости – с устными пояснениями в ходе судебного заседания.

Также необходимо отметить, что при производстве судебной экспертизы следует опираться на

положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»². Содержание указанного постановления включает следующие важные элементы, которые необходимо знать при производстве экспертизы:

- постановление разъясняет процессуальные основания и порядок назначения судебной экспертизы. Подчеркивается необходимость назначения экспертизы во всех случаях, когда для разрешения вопросов дела требуется применение специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле;
- при рассмотрении уголовного дела по апелляционной жалобе, представлению суд апелляционной инстанции, в целях проверки доказательств (чч. 6 и 6.1 ст. 389.13 УПК РФ), вправе по ходатайству сторон или по собственной инициативе вызвать и допросить эксперта для разъяснения или дополнения данного им заключения, назначить судебную экспертизу, в том числе дополнительную и повторную;
- суд обязан обеспечить соблюдение прав обвиняемого, подсудимого и потерпевшего при назначении и проведении экспертизы;
- запрещено принудительно назначать экспертизу в отношении потерпевших и свидетелей без их письменного согласия, за исключением предусмотренных законом случаев;
- при рассмотрении уголовных дел частного обвинения судья вправе назначать экспертизу по заявлению потерпевшего или его представителя, соблюдая права всех участников процесса;
- разъяснено право суда апелляционной инстанции назначать дополнительные, повторные экспертизы и вызывать экспертов для дачи устных пояснений по заключениям, данное положение также закреплено в ст. 389.13 УПК РФ.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, анализ судебных решений по производству судебных экспертиз показал:

- судебная практика указывает на необходимость мотивированного и своевременного назначения экспертизы, а также на важность четкого формулирования вопросов экспертизе;
- недопустимость экспертизы при нарушении процессуальных норм зачастую приводит к признанию доказательств недопустимыми и отмене судебных решений;
- повторная экспертиза назначается при обоснованных сомнениях в объективности или полноте первичного заключения, что способствует укреплению принципа справедливости;
- судебные инстанции обращают внимание на техническое качество экспертного исследования, квалификацию экспертов и соблюдение ими порядка проведения экспертизы.

Таким образом, судебная экспертиза является неотъемлемым и важнейшим компонентом уголовного судопроизводства. Ее назначение и проведение обеспечивает объективное установление обстоятельств дела, позволяя выявлять факты и детали, недоступные или труднодоступные для обычных способов исследования. Законодательство тщательно регламентирует основания, порядок назначения и производства экспертизы, что гарантирует права и законные интересы участников уголовного процесса, а также качество и надежность получаемой доказательственной базы.

Эффективность судебной экспертизы напрямую связана с соблюдением норм процессуального законодательства, профессионализмом и компетентностью экспертов, а также с тщательностью организации работы на всех этапах расследования и судебного разбирательства. В свете развития науки и технологий растет роль новых видов экспертиз и методов исследования, что способствует еще более точному и полному анализу обстоятельств дела. Все это в совокупности содействует обеспечению справедливого, всестороннего и законного разрешения уголовных дел.

Литература

1. **Белкин Р.С.** Криминалистическая энциклопедия. – Москва, 1997. – 333 с.
2. **Грибунов О.П.** Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016 – № 1 (76). – С. 89–97.
3. Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.Г. Филиппова. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва: Юрайт, 2025. – 402 с.
4. **Лазарева Л.В.** Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2009. – 219 с.
5. **Махов В.Н.** Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. – Москва, 2000. – 296 с.
6. Проведение судебных экспертиз в экспертных подразделениях и учреждениях: учебное пособие / С.А. Чернышёв, О.Н. Скоморохов, Е.И. Симоненко [и др.]. – Белгород, 2018. – 108 с.
7. **Рамазанов М.П.** Проблемы назначения и производства криминалистической экспертизы по уголовным делам // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 110–112.
8. **Россинский С.Б.** Собираание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № 3. – С. 91–103.

9. **Фролова Е.Ю., Ковалева А.В.** Задачи и объекты исследования судебной экспертизы // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 3. – С. 141–147.
10. **Яни П.С.** «Правовая» экспертиза в уголовном деле // Законность. – 2001. – № 9. – С. 22–23.

References

1. **Belkin R.S.** Kriminalisticheskaya entsiklopediya. – Moskva, 1997. – 333 s.
2. **Gribunov O.P.** Sudebnye ekspertizy, naznachayemye pri rassledovanii prestuplenii protiv sobstvennosti, sovershaemykh na transporte // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2016 – № 1 (76). – S. 89–97.
3. Kriminalistika: uchebnyk / pod obshch. red. A.G. Filippova. – 3-e izd., dop. i pererab. – Moskva: Yurait, 2025. – 402 s.
4. **Lazareva L.V.** Spetsial'nye znaniya i ikh primenenie v dokazyvanii po ugovnomu delu: monografiya. – Moskva: YurLitinform, 2009. – 219 s.
5. **Makhov V.N.** Ispol'zovanie znaniy svedushchikh lits pri rassledovanii prestuplenii. – Moskva, 2000. – 296 s.
6. Provedenie sudebnykh ekspertiz v ekspertnykh podrazdeleniyakh i uchrezhdeniyakh: uchebnoe posobie / S.A. Chernyshev, O.N. Skomorokhov, E.I. Simonenko [i dr.]. – Belgorod, 2018. – 108 s.
7. **Ramazanov M.P.** Problemy naznacheniya i proizvodstva kriminalisticheskoi ekspertizy po ugovnym delam // Zakon i pravo. – 2020. – № 8. – S. 110–112.
8. **Rossinskii S.B.** Sobiranie dokazatel'stv kak "pervyi" etap dokazyvaniya po ugovnomu delu // Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta. – 2020. – № 3. – S. 91–103.
9. **Frolova E.Yu., Kovaleva A.V.** Zadachi i ob'ekty issledovaniya sudebnoi ekspertizy // Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. – 2018. – № 3. – S. 141–147.
10. **Yani P.S.** "Pravovaya" ekspertiza v ugovnom dele // Zakonnost'. – 2001. – № 9. – S. 22–23.

(статья сдана в редакцию 17.11.2025)

**Уголовно-правовая характеристика
корыстно-насильственных и иных преступлений,
посягающих на жилое недвижимое имущество**

**Criminal-legal characteristics of mercenary-violent and other
crimes infringing on residential real estate**

УДК 343

В.В. Шумский

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
shumskvic121968@yandex.ru

Victor V. Shumsky

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Р.А. Лашенко

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ralbel@mail.ru

Roman A. Lashchenko

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в научной статье рассматриваются уголовно-правовые особенности корыстно-насильственных и иных преступлений, посягающих на жилое недвижимое имущество. Авторами определена классификация данных составов преступлений, отражены основные квалифицирующие признаки, отмечается повышенная общественная опасность, обусловленная особым значением жилища как конституционного права граждан. Обязательным признаком этой группы преступлений является корыстный мотив их совершения. В ходе исследования авторами проведен анализ отдельных детерминирующих факторов и механизмов завладения жилым помещением или правом на него и, соответственно, выявлены методологические приемы предупреждения данных преступлений. Рассмотрены основные способы совершения мошеннических действий с недвижимостью, типологические характеристики личности преступника. Отражены меры предупреждения имущественных преступлений. Целью данных преступлений является завладение жилым помещением потерпевшего, правом на него или денежными средствами, полученными при сделках купли-продажи или обмена. Обобщенный анализ определил, что причиной совершения данного вида преступлений являются низкая юридическая грамотность и невнимательность населения. Отмечена особенность рассматриваемых преступлений – почти половина из них многоэпизодные. Определены механизмы, направленные на противодействие мошенничеству в сделках с недвижимостью, а также даны рекомендации по предотвращению данного вида преступлений.

Ключевые слова: корыстно-насильственные преступления; жилое недвижимое имущество; жилище; сделки с недвижимым имуществом; недвижимость; квартира; посягательство на недвижимость

Для цитирования: Шумский В.В., Лашенко Р.А. Уголовно-правовая характеристика корыстно-насильственных и иных преступлений, посягающих на жилое недвижимое имущество // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 82–86.

Abstract: this research article examines the criminal-legal aspects of violent, mercenary, and other crimes against residential real estate. The authors classify these crimes, highlighting the key qualifying features. They also note the heightened public danger posed by the special significance of housing as a constitutional right of citizens. A mandatory characteristic of this group of crimes is the mercenary motive. In their study, the authors analyzed individual determining factors and mechanisms for seizing residential premises or the right to them and, accordingly, identified methodological approaches to preventing these crimes. The authors examine the main methods of committing real estate fraud and the typological characteristics of the perpetrator's personality. Measures for preventing property crimes are also discussed. The purpose of these crimes is to seize the victim's residential premises, the right to them, or funds obtained through purchase, sale, or exchange transactions. A comprehensive analysis has determined that the reasons for committing this type of crime are low legal literacy and inattention

on the part of the population. The authors note a distinctive feature of the crimes under consideration – almost half of them are multi-episode. They identify mechanisms to combat fraud in real estate transactions, and provide recommendations for preventing this type of crime.

Keywords: acquisitive and violent crimes; residential real estate; housing; real estate transactions; real estate; apartment; encroachment on real estate

For citation: Shumsky V.V., Lashchenko R.A. Criminal-legal characteristics of mercenary-violent and other crimes infringing on residential real estate // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 82–86.

Традиционно в уголовном праве активно исследуются проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с посягательством на жилое недвижимое имущество. Такое внимание ученых обусловлено особым значением жилища как конституционного права гражданина, а также значительным количеством данных преступлений в общей структуре преступности. В то же время, несмотря на значимость фундаментальных трудов, посвященных вопросам квалификации преступлений, связанных с посягательством на жилое недвижимое имущество, в теории уголовного права есть определенные дискуссионные вопросы, требующие исследования.

Среди корыстно-насильственных преступлений, связанных с недвижимым имуществом, как показывает практика, наиболее распространенными являются умышленные убийства, вымогательство и некоторые другие корыстно-насильственные преступления. Сопутствующими являются взяточничество, служебный подлог, подделка, изготовление или оборот поддельных документов, штампов, печатей или бланков и т.д. [1].

Рассмотрим уголовно-правовую характеристику группы корыстно-насильственных преступлений, к которой относится умышленное убийство и вымогательство.

В юридической литературе понятием корыстно-насильственных преступлений охватываются такие общественно опасные деяния, которые одновременно посягают на общественные отношения, связанные с жизнью, здоровьем, правами и свободами личности, и на ее имущественные права.

Преступления данной категории характеризуются общими признаками, позволяющими объединить их в одну группу:

- умышленным характером совершения преступления;
- совершением конкретного посягательства посредством применения психического или физического насилия или угрозы таковым;
- направленностью посягательства на самостоятельные объекты, охраняемые уголовным законом, – жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, имущественные права граждан.

Признак умышленного совершения двухобъектного корыстно-насильственного преступления

включает осознание лицом того факта, что оно действует насильственным способом.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации многие нормы содержат указание на насилие или угрозу применения насилия, однако в некоторых составах оно является конструктивным элементом, включенным в их диспозицию. При этом отдельные нормы содержат указание на такие элементы, характеризующие объективную сторону преступления, которые могут выражаться как в насилии, так и в иных действиях. В других же составах корыстно-насильственных преступлений указывается на причинение смерти, тяжких последствий. В данном случае насилие выступает звеном в наступлении такого преступного результата, как смерть или тяжкое телесное повреждение.

Большинство корыстно-насильственных преступлений относится к группам с формальным и усеченным составами.

Преступления с усеченными составами по объективной стороне характеризуются как одно действие, посягающее на личность, а посягательство на иной объект не выделено, но органически обусловлено способом его совершения, поэтому в большинстве случаев не требуется их квалификация по совокупности с другими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации.

Квалифицирующими признаками большинства корыстно-насильственных преступлений являются применение оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, причинение тяжких телесных повреждений, совершенных способом, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище и т.д.

Обязательным признаком этой группы преступлений является корыстный мотив их совершения. При этом корысть проявляется в достижении не только материальной, но и иной личной выгоды (избежать или смягчить ответственность за содеянное, уничтожить следы преступных действий и т.п.).

Убийство из корыстных побуждений считается оконченным преступлением, независимо от того, получил ли виновный блага, к которым стремился, совершая его.

В качестве потенциальной жертвы преступления нередко выбираются одинокие, утратившие социальные связи граждане (престарелые, инвалиды, лица с алкогольной зависимостью).

Цель преступления, связанного с недвижимым имуществом и сделками с ним, – завладение жилым помещением потерпевшего или правом на него либо денежными и иными средствами, полученными при сделках купли-продажи или обмена.

Обманные действия могут состоять в поступках, вводящих потерпевшего в заблуждение: показе чужой (иногда специально арендованной мошенниками) квартиры, предъявлении договора купли-продажи жилья для подписи потерпевшему как договора мены и т.д. [2].

Злоупотребление доверием носит при мошенничестве сугубо личный характер. Потерпевший, как правило, достаточно хорошо и долго знает виновного (сосед, одноклассник, бывший сослуживец), либо преступника представляют лица, которым он доверяет, или мошенник производит на потерпевшего впечатление порядочного человека [3].

Анализ эмпирического материала, специальных публикаций по данной проблематике позволяет выделить три относительно самостоятельные стадии, характерные для подготовительного этапа рассматриваемого вида преступлений:

1. Предварительный сговор двух и более лиц о совершении конкретного преступления, распределение ролей, создание организованной группы.

2. Сбор информации о потенциальной жертве преступления.

3. Выбор орудий, средств и обстановки совершения преступления.

Первая стадия, помимо перечисленного, предполагает выбор форм и способов связи, разработку методов конспирации, поведения в случае задержания, поиск подставных (посторонних) лиц (например, для получения вымогаемого имущества и т.д.).

Вторая стадия – сбор информации о жертве – включает в себя действия, направленные на поиск потенциальных потерпевших, получение сведений об источниках и размерах их доходов, компрометирующих данных, выявление уязвимых мест, связей в преступной среде и органах государственной власти и управления и т.д.

В случаях вымогательства квартир и права на жилье собираются сведения о составе семьи, ближайших родственниках предполагаемой жертвы, владельце квартиры и лицах, прописанных в ней. Выясняются возможности оформления фиктивных договоров дарения, купли-продажи, обмена квартиры и т.д. Наличие компрометирующих сведений позволяет вымогателям эффективно, без применения физического насилия подавить волю потерпевшего.

Третья стадия подготовки преступлений – выбор орудий, средств и обстановки совершения преступления. Как правило, к ним относятся поддельные документы, изготавливаемые для придания видимости законного осуществления сделок. Однако нередко необходимые официальные документы оформляются соответствующими должностными лицами, введенными в заблуждение либо сознательно идущими на нарушение за определенную плату. Такими документами могут быть договор купли-продажи, заявление на выписку, паспорт продавца, доверенность, подложные залоговые документы, договоры дарения.

Выбор обстановки совершения преступления – ключевой этап подготовки, который характеризуется следующими факторами:

- место совершения (место жительства, работы или учебы потерпевшего или его близких, место жительства преступника, город, загородная зона, сельская местность, лес, специально подготовленные места, автотрассы, автомобиль и т.д.);

- условия совершения (выбор благоприятного момента, отсутствие очевидцев, наличие достаточной информации о жертве);

- время совершения (рабочее, нерабочее, утро, день, вечер, день получения зарплаты, дата исполнения каких-либо обязательств, обещаний и т.д.).

Как правило, данные преступления готовятся заранее, а организаторы разрабатывают определенный сценарий, учитывая не только преступные действия, но и способы сокрытия преступлений. Такие преступления нередко маскируются под законные сделки. Для достижения поставленной цели могут использоваться заключение дополнительных сделок, поддельные документы, подкуп должностных лиц, также могут применяться шантаж, угрозы, физическое устраниение потерпевшего [4].

Мошенники, как правило, предпочитают первый путь. Вымогатели и убийцы, в зависимости от содержания предварительной информации о жертве, действуют поэтапно либо сразу выбирают второй вариант.

Реализация первого варианта предполагает предварительный осмотр квартиры, предложения по ухудшению с последующей выплатой или улучшению жилищных условий, предварительное спаивание, предложения о купле-продаже, завладение паспортом, оформление доверенности на сделки с жильем.

Второй вариант характеризуется совершением таких действий, как насилие или угроза применения насилия, повреждение имущества, оформление подложных документов о денежном долге и залоге квартиры, морально-психологическое давление, угроза оглашения позорящих сведений, угроза убийством. С учетом фактически совершен-

ных деяний в ряде случаев эти действия образуют оконченный состав преступления.

Хищение недвижимости путем мошенничества – преступление сложное, состоящее из действий гражданско-правового, уголовно-правового, бытового, коммуникационного, психического и иного характера, имеющее неограниченное количество видов.

Прежде всего необходимо отметить, что убийство, вымогательство и мошенничество могут быть совершены:

- для достижения преступниками личных корыстных целей;
- по заказу в интересах третьих лиц за вознаграждение [5, с. 281].

Наиболее распространенными в указанной сфере являются вымогательство и мошенничество, сопряженные с иными корыстно-насильственными преступлениями. В первую очередь следует отметить главную особенность рассматриваемых преступлений – почти половина из них носит многоэпизодный характер.

По мнению Н.Н. Алексеевко [6], Н.А. Лопашенко [7], И.А. Клепицкого [8], рассматриваемые противоправные деяния могут совершаться только путем активного действия.

Основными способами вымогательства являются вымогательство права на жилую площадь в коммунальной квартире, вымогательство отдельной квартиры, вымогательство путем неравноценного обмена квартир (комнат), который может развиваться по двум вариантам:

- реальный обмен фактически существующих квартир после оформления сделок скрывается;
- фиктивный обмен реальной (большей) квартиры на вымышленную или принадлежащую преступнику (меньшую) квартиру или комнату либо фактическая продажа квартир (жилья) под видом обмена [9].

В следующем случае мошенник, выступая как продавец (хозяин), обещает продать (обменять) жилую площадь и получает деньги, которые потерявший передает сам, сознательно и по собственному желанию. Существуют различные способы совершения такого рода сделок.

Есть веское основание предполагать высокий уровень латентности указанных правонарушений, в частности убийств, которые преступники особенно тщательно подготавливают [10].

Завершая краткое описание уголовно-правовой характеристики преступлений, посягающих на жилое недвижимое имущество, а также его отчуждения и лиц, их совершающих, необходимо отметить следующее: в условиях социально-экономических преобразований в России негативное влияние на процессы формирования общества и государства, обеспечение конституционных прав и свобод граждан оказывает преступность, прежде всего организованная [11]. Она становится все более опасной, проникает во все сферы общественной жизни и является мощным деструктивным фактором, активно влияющим на ход реформ.

Возрастают степень организованности и уровень профессионализма совершения корыстно-насильственных преступлений, отмечается рост наемных убийств, вымогательств, незаконного лишения свободы и других тяжких преступлений. Криминальные элементы ориентируются в основном на совершение преступлений, приносящих быструю и максимальную выгоду, затрудняющих своевременное раскрытие и привлечение виновных к ответственности. И только комплексный подход, включающий в себя совершенствование законодательства, усиление контроля на всех этапах совершения сделок с недвижимостью и повышение финансовой грамотности населения в сфере недвижимости, позволит эффективно бороться с преступными схемами и защитит интересы граждан.

Литература

1. **Петрова И.В.** Общественная опасность преступлений в сфере недвижимости // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 5. – С. 210–214.
2. **Евсеев С.А.** Мошенничество в сфере оборота недвижимости в современном российском обществе // Юридическая мысль. – 2022. – № 4 (128). – С. 101–116.
3. **Мелехин С.А.** Криминологическая характеристика преступлений против собственности // Юридический факт. – 2019. – № 60. – С. 3–6.
4. **Наумова О.** Незаконные схемы купли-продажи недвижимости, связанные с личностью стороны сделки // Жилищное право. – 2018. – № 12. – С. 17–35.
5. **Шерин В.В.** Характеристика и виды хищений недвижимого имущества при помощи мошенничества и некоторые вопросы разграничения уголовно-правовых деяний и гражданско-правовых сделок / Правовая система современной России: проблемы и перспективы их преодоления: материалы III Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Коломна, 2012. С. 281–286.
6. **Алексеевко Н.Н.** Уголовно-правовая и криминологическая характеристика регистрации незаконных сделок с землей: монография. – Москва: Юрист, 2013. – 151 с.
7. **Лопашенко Н.А.** Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 673 с.

8. **Клепицкий И.А.** Система хозяйственных преступлений. – Москва: Статут, 2005. – 570 с.
9. **Сапарбаев Д.С.** Недвижимое имущество как предмет преступления против собственности (уголовно-правовой опыт Кыргызской Республики и отдельных стран СНГ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 337–341.
10. **Фокин А.Д.** К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере недвижимого имущества // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 1 (29). – С. 209–220.
11. **Дизер О.А.** Административно-правовые основы предупреждения и пресечения милицией правонарушений в сфере оборота продукции, оказания услуг и проведения зрелищных мероприятий сексуального характера: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2004. – 223 с. – EDN NMTCKD.

References

1. **Petrova I.V.** Obshchestvennaya opasnost' prestuplenii v sfere nedvizhimosti // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2020. – № 5. – S. 210–214.
2. **Evseenkov S.A.** Moshennichestvo v sfere oborota nedvizhimosti v sovremennom rossiiskom obshchestve // Yuridicheskaya mysl'. – 2022. – № 4 (128). – S. 101–116.
3. **Melekhin S.A.** Kriminologicheskaya kharakteristika prestuplenii protiv sobstvennosti // Yuridicheskii fakt. – 2019. – № 60. – S. 3–6.
4. **Naumova O.** Nezakonnnye skhemy kupli-prodazhi nedvizhimosti, svyazannye s lichnost'yu storony sdelki // Zhilishchnoe pravo. – 2018. – № 12. – S. 17–35.
5. **Sherin V.V.** Kharakteristika i vidy khishchenii nedvizhimogo imushchestva pri pomoshchi moshennichestva i nekotorye voprosy razgranicheniya ugovno-pravovykh deyanii i grazhdansko-pravovykh sdelok / Pravovaya sistema sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy ikh preodoleniya: materialy III Vserossiiskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. – Kolomna, 2012. S. 281–286.
6. **Alekseenko N.N.** Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika registratsii nezakonnykh sdelok s zemlei: monografiya. – Moskva: Yurist, 2013. – 151 s.
7. **Lopashenko N.A.** Prestupleniya v sfere ekonomiki: avtorskii kommentarii k ugolovnomu zakonu (razdel VIII UK RF). – Moskva: Volters Kluver, 2006. – 673 s.
8. **Klepitskii I.A.** Sistema khozyaistvennykh prestuplenii. – Moskva: Statut, 2005. – 570 s.
9. **Saparbaev D.S.** Nedvizhimoe imushchestvo kak predmet prestupleniya protiv sobstvennosti (ugolovno-pravovoi opyt Kyrgyzskoi Respubliki i otdel'nykh stran SNG) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2016. – № 2 (34). – S. 337–341.
10. **Fokin A.D.** K voprosu o sposobakh soversheniya moshennichestva v sfere nedvizhimogo imushchestva // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – 2024. – № 1 (29). – S. 209–220.
11. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovy'e osnovy` preduprezhdeniya i presecheniya miliciej pravonarushenij v sfere oborota produktsii, okazaniya uslug i provedeniya zrelishny'x meropriyatij seksual'nogo khaktera: dis. ... kand. yurid. nauk. – Omsk, 2004. – 223 s. – EDN NMTCKD.

(статья сдана в редакцию 05.11.2025)

**Производные доказательства:
современные тенденции оценки**

Derivative evidence: current trends in evaluation

УДК 343.14

А.А. Киселева,

адъюнкт

(Академия управления МВД России,
Россия, Москва)

krokhaleva2000@mail.ru

Aleksandra A. Kiseleva,

Postgraduate

(Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ роли и оценки производных доказательств в системе уголовного судопроизводства. Рассматриваются различные доктринальные подходы к их использованию, начиная от признания их полноценными и самостоятельными источниками доказательственной информации и заканчивая полным запретом использования на законодательном уровне. Особое внимание уделяется распространенности негативной правоприменительной практики, которая признает производные доказательства недопустимыми без законных оснований. Это может привести к нарушению прав обвиняемых и осуждению невиновных лиц. Автор статьи отмечает, что в судебной практике оценка производных доказательств часто зависит от традиций и подходов, сформировавшихся в отечественной юридической системе. При этом значительное влияние на формирование критериев оценки таких доказательств оказывают западные концепции и решения Европейского Суда по правам человека. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации также играют важную роль в этом процессе. Статья подчеркивает необходимость сбалансированного подхода к использованию производных доказательств. С одной стороны, они могут иметь значительный потенциал для установления истины в уголовном деле. С другой – существует риск искажения информации при их использовании. Для минимизации этих рисков автор предлагает разработать и внедрить четкие критерии оценки производных доказательств, что позволит повысить качество и объективность судопроизводства, а также обеспечить соблюдение прав и свобод участников уголовного процесса. Рекомендации, предложенные в статье, могут быть полезны для законодателей, судей и практикующих юристов. Такой подход поможет оптимизировать процесс оценки доказательств, обеспечивая при этом соблюдение всех необходимых правовых норм и стандартов. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению доверия общества к судебной системе и укреплению законности в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: производные доказательства; оценка доказательств; оценка свидетельских показаний; допустимость доказательств; виды доказательств

Для цитирования: Киселева А.А. Производные доказательства: современные тенденции оценки // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 87–92.

Abstract: this article provides a comprehensive analysis of the role and evaluation of derivative evidence in criminal proceedings. Various doctrinal approaches to its use are examined, ranging from recognizing it as a valid and independent source of evidentiary information to a complete ban on its use at the legislative level. Particular attention is paid to the prevalence of negative law enforcement practices that deem derivative evidence inadmissible without legal grounds. This can lead to the violation of the rights of the accused and the conviction of innocent individuals. The author notes that in judicial practice, the evaluation of derivative evidence often depends on the traditions and approaches developed in the domestic legal system. Western concepts and decisions of the European Court of Human Rights significantly influence the development of criteria for evaluating such evidence. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation also play an important role in this process. The article emphasizes the need for a balanced approach to the use of derivative evidence. On the one hand, it can have significant potential for establishing the truth in a criminal case. On the other hand, there is a risk of distortion of information when using it. To minimize these risks, the author proposes developing and implementing clear criteria for evaluating derivative evidence, which will improve the quality and objectivity of legal proceedings and ensure respect for the rights and freedoms of parties to criminal proceedings. The recommendations offered in the article may be useful for legislators, judges, and practicing lawyers. This approach will help optimize the evidence evaluation process while ensuring compliance with all necessary legal norms and standards. This, in turn, will contribute to increased public trust in the judicial system and strengthen the rule of law in criminal proceedings.

Keywords: derivative evidence; assessment of evidence; assessment of witness testimony; admissibility of evidence; types of evidence

For citation: Kiseleva A.A. Derivative evidence: current trends in evaluation // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 87–92.

В уголовно-процессуальной доктрине производные доказательства традиционно выделяются в самостоятельную классификационную группу. Основанием ее выделения служит наличие или отсутствие промежуточного носителя доказательственной информации между первоначальным источником сведений и должностным лицом, воспринимающим информацию в ходе уголовного судопроизводства [1, с. 265]. Отношение к таким доказательствам среди процессуалистов всегда было неоднозначным. Наряду с признанием их полноценными, качественными, самостоятельными доказательствами [2, с. 154] некоторые авторы подчеркивали возможность их использования в доказывании только в исключительных случаях, когда первоисточник оказывается недоступным [3, с. 33; 4, с. 112]. Правило о приоритетном значении первоисточника доказательственной информации отражено и в законодательстве ряда стран (например, в английском и американском уголовном процессе, на основные позиции которого ориентировался отечественный законодатель, принимая действующее уголовно-процессуальное законодательство, а также правоприменитель на рубеже XX–XXI вв.). Позиция о запрете доказательств «из вторых рук» нашла отражение и в российской уголовно-процессуальной доктрине. Ряд авторов стали указывать на повышенную вероятность искажения фактов при использовании производных доказательств [5, с. 56], их меньшую надежность и затруднительность проверки [6, с. 144]. Необходимо отметить, что сомнения в надежности производных доказательств не новость в отечественной доктрине, однако в современной процессуальной литературе обоснование их вторичной роли, сведения их функции до уровня вспомогательных набрало новые обороты.

Их якобы ненадежность не только сопровождается предложениями законодательного закрепления приоритета первоначальных доказательств над производными (без учета принципа свободы оценки доказательств) [7, с. 202]. Правоприменительная практика давно и достаточно прочно встала на путь, изобилующий примерами признания доказательств недопустимыми именно по причине их производности, что подтверждается анализом судебной практики¹. Не будет преувеличением

утверждать, что тенденция к негативной оценке производных доказательств сегодня вступила в конфликт с принципом свободной оценки доказательств. Формальный подход наиболее очевиден по застарелому дискуссионному теоретическому вопросу о возможности и пределах использования в доказывании производных свидетельских показаний как наиболее уязвимых с точки зрения точности передачи информационных сигналов.

В то же время ценность производных доказательств подтверждается их значительным удельным весом в материалах уголовных дел. Их содержание в ряде случаев правильно отражает действительность, что обостряет вопрос об обоснованности тенденции априори упречного отношения к производным доказательствам. Особенно остро этот вопрос стоит применительно к производной вербальной информации, а именно к показаниям.

К сожалению, некоторые базовые принципы отечественного уголовного судопроизводства под влиянием некритичного заимствования западных идей подверглись определенной ревизии. В их числе принцип свободы оценки доказательств, суть которого, состоящая в том, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы [8, с. 104], оказалась фактически утраченной не только ввиду явного придания преувеличенного значения признания обвиняемым своей вины в сокращенных процедурах, но и в связи с недооцененной ролью производных доказательств в процессе доказывания.

Правоприменительная практика и ряд процессуалистов зачастую акцентируют внимание лишь на негативных аспектах производных доказательств, указывая на их возможные недостатки и несовершенства, игнорируя их существенный потенциал для установления важных для дела обстоятельств в ряде конкретных процессуальных ситуаций.

Так, распространено мнение, что производное доказательство приобретает самостоятельное доказательственное значение только при утрате первоначального [9, с. 80]. Подход о слабости доказательственного потенциала производных доказательств в целом основан на реально существующей угрозе искажения информации при передаче ее между дополнительными звеньями передачи информационных сигналов. По мнению отдельных авторов, использование производных доказательств допускается при условии допустимой меры погрешности [9, с. 83]. При этом умал-

¹ Постановление Президиума Пермского краевого суда от 23.11.2019 № 44у-286-2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2025).

чивается, что представляет собой эта допустимая мера погрешности и как она должна оцениваться.

Конечно, «любое воспроизведение чужих впечатлений приносит в передачу субъективное впечатление передающего. Оно в ряде случаев может исказить первоначально воспринятый очевидцем факт, передаваемый с его слов другим» [6, с. 144], как намеренно, так и неумышленно. Производное доказательство может содержать информацию, часть которой утрачена или искажена, что, однако, не исключено и при восприятии информации от первоначального источника.

Существует и совсем категоричный взгляд, состоящий в полном отказе от использования производных доказательств и признании их недопустимыми на законодательном уровне.

Аргументация сторонников такого радикального взгляда состоит, во-первых, в том, что формирование производных доказательств сопряжено с вероятностью искажения информации, а, во-вторых, не всегда есть возможность надежно проверить первоисточник информации [10, с. 255].

Вряд ли эти аргументы безупречны. Как минимум они применимы и к первоначальным доказательствам. На достоверность первоначальных доказательств также могут влиять как объективные факторы (внешние условия обстановки восприятия события), так и субъективные (психологические особенности лица, его состояние в конкретный момент, физические особенности и т.д.). Возможна и умышленная дезинформация должностного лица, ведущего производство по уголовному делу.

Нельзя не учитывать особую доказательственную ценность производных доказательств при изменении показаний лицом, сообщаящим первичную информацию. В таких случаях использование производной информации является действенным средством проверки достоверности показаний лица, являющегося первоисточником передаваемой информации.

В настоящее время на законодательном уровне предусмотрен лишь один случай априорной недопустимости производных доказательств – неизвестность первоисточника (п. 2 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Производные сведения недопустимы, если основаны на догадке, предположении или слухе, а также в случае невозможности допрашиваемого указать источник своей осведомленности (полагаем, последняя причина должна распространяться, вопреки формулировке законодателя, не только на свидетеля, но и на потерпевшего, при этом правомерно ставить вопрос о распространении п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ на любого допрашиваемого).

Вместе с тем получение сведений от первоисточника не всегда возможно. В этой связи нельзя согла-

ситься с авторами, считающими, что производное доказательство носит временный характер – от момента получения первоначального доказательства до момента обращения к нему же [9, с. 81]. Согласимся, что производное доказательство всегда требует поиска первоисточника [11, с. 199]. Однако, если его обнаружение невозможно, ограничение допустимости производных доказательств неизбежно влечет утрату ценного доказательственного материала [2, с. 191].

При этом обязательны проверка достоверности факта наличия первоисточника (сведения о нем должны иметься) и определение причин невозможности его установления. Результаты этих действий подлежат обязательному учету при оценке производного доказательства. Кроме того, любая возможность искажения информации, вне зависимости от того, содержится она в первоначальном или производном источнике, должна быть проверена субъектом доказывания. Следует учитывать, что некоторые искажения первоначальной информации, содержащиеся в производном источнике (вполне возможные), также не всегда исключают использование производного источника для правильного установления обстоятельств по уголовному делу.

Значение производных доказательств в доказывании многоаспектно и позволяет решить ряд конкретных процессуальных задач. Их роль трудно переоценить в случае невозможной утраты первоисточника доказательственной информации. В такой ситуации производное доказательство может представлять собой незаменимое средство познания обстоятельств, имеющих значение для уголовного судопроизводства.

Использование производного доказательства – одно из основных средств установления первоначального доказательства [11, с. 199]. Совместное использование первоначального и производного доказательств позволяет наиболее полно и всесторонне исследовать фактические обстоятельства дела.

Ряд специалистов лучшим выходом из ситуации с оценкой производных доказательств считают радикальные решения: либо законодательно установить вторичность производных доказательств, либо вообще запретить их использование. Полагаем, что такие предложения из разряда решения надуманной проблемы, поскольку оценка и первоначальных, и производных доказательств осуществляется по правилам, установленным ст. 17 УПК РФ, и в различных ситуациях влечет разный результат.

Итак, производные доказательства, имеющие существенные особенности в сравнении с первоначальными, но несколько не уступающие им в доказательственном значении, – важное средство доказывания. Вместе с тем специфика производных доказательств обуславливает необходимость

определения критериев их оценки (факторов, подлежащих учету при оценке), что позволит в значительной мере унифицировать судебную практику.

Отечественная традиция оценки производных доказательств по внутреннему убеждению заложена Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., который и сегодня во многом лежит в основе российского уголовного процесса. Современное уголовно-процессуальное законодательство, опираясь на отечественные исторические традиции использования производных свидетельских показаний, предъявляет к ним единственное требование – известность первоисточника информации (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Никаких формальных правил оценки производных доказательств современный УПК РФ не предусматривает, как не предусматривал и Устав уголовного судопроизводства 1864 года.

Доктринальные подходы о ненадежности и неполноценности производных доказательств, а потому возможности их использования лишь в исключительных случаях, проистекают из английской концепции доказательственного права о наилучшем доказательстве и свидетельстве «по слуху» (hearsay). Развитие критических идей относительно использования производных доказательств происходило не только по мере проникновения в отечественный уголовный процесс англо-американского подхода о недопустимости производных доказательств, в частности производных свидетельских показаний, полученных со слов лица, но также через практику Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), чьи решения до недавнего времени во многом определяли вектор развития российского законодательства и тенденции правоприменительной практики [12, с. 127].

Оценка доказательств по внутреннему убеждению – традиционная отечественная правовая позиция [14, с. 5]. Важно, что законодатель при оценке доказательств предписывает руководствоваться не только законом, но и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ), имеющей ключевое значение в числе нравственных приоритетов россиян.

Российская доказательственная концепция, основанная на свободе оценки доказательств, позволяет использовать в доказывании показания, полученные от иного лица, со ссылкой на это лицо, а задача по проверке и оценке этой информации (в том числе поиск первоисточника, его вызов, допрос и т.п.) лежит на следователе, дознавателе со всеми имеющимися у них для этих целей уголовно-процессуальными средствами [15, с. 29].

Некоторые авторы отмечают, что одним из обязательных этапов оценки производного доказательства является его сопоставление с содержанием первоначального доказательства [2, с. 255] (то есть проверка через первоисточник). Согласимся, что это важный способ проверки. Однако заметим, что

при отсутствии первоисточника (но его известности) данный этап исключается. В этой связи характеризовать его можно только как факультативный.

Немаловажным является установление условий и обстоятельств передачи информации (если это возможно): существовала ли возможность взаимодействия первоисточника информации с лицом – источником производных показаний; какова степень адекватности передачи информации и восприятия производным источником (свойства памяти, эмоциональное состояние, промежуток времени между восприятием информации и свидетельствованием о ней и др.); исключен ли вариант осознанного внушения недостоверной информации источнику производной информации, отсутствует ли у производного источника заинтересованность в исходе дела и т.д.

Некоторые производные доказательства, ввиду их особенностей, предполагают специфику оценки. Например, наблюдается выраженная тенденция признания определенных производных доказательств недопустимыми даже при получении их в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. В частности, такая тенденция охватывает производные свидетельские показания, основанные на вербальной информации, полученной от иных участников судопроизводства.

Основанием для развития подобной правоприменительной практики послужила правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), которой он запретил путем допроса следователя, дознавателя восстанавливать недопустимые показания подозреваемого, обвиняемого, вопреки закреплению в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ правилу². Недопустимые доказательства, действительно, не могут быть использованы в доказывании, в том числе опосредованно – через допрос иных лиц. Правовая позиция Конституционного Суда, подкрепленная иными решениями³, послужила основой для определения критериев недопустимости производных свидетельских показаний – запрет использования в доказывании показаний сотрудников правоохранительных органов относительно содержания информации избличающего характера, воспринятой от преследуемого лица в ходе служебной деятельности.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.02.2004 № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко В.Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 УПК РФ» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2025).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.12.2005 № 473-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Корчагина А.Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2025).

Конституционный Суд сформулировал правовые позиции, согласно которым сотрудник правоохранительного органа не может быть допрошен в части избобличающей информации, воспринятой от допрашиваемого, если в отношении него велось официальное уголовное преследование (в широком смысле).

Однако обозначенные Конституционным Судом ограничения не должны быть чрезмерно широко проинтерпретированы и означать абсолютную недопустимость использования в доказывании производных свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов. В случае восприятия сведений от преследуемого лица в порядке, не противоречащем закону, и в обстоятельствах, не предполагающих обеспечения специальными процессуальными гарантиями, должностное лицо может быть допрошено относительно таких сведений. Это отмечает в одном из своих решений и сам Конституционный Суд, указывая, что показания свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства относительно обстоятельств, ставших известными от подозреваемого (обвиняемого) вне рамок уголовного судопроизводства (не в ходе процессуальных действий), могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу⁴.

Равно как и правило, заложенное в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, нельзя трактовать исключительно формально. Иначе могут быть нарушены права обвиняемого, подозреваемого, который желает воспользоваться своими показаниями как средством защиты [16, с. 127].

В связи с этим полагаем, что вполне допустимо использовать в доказывании производные свидетельские показания должностных лиц правоохранительных органов относительно содержания показаний подозреваемого, обвиняемого, в том числе данных в ходе предварительного расследования без защитника и не подтвержденных в суде, если это способствует установлению невиновности или меньшей виновности лица, в отношении которого ведется официальное уголовное преследование. Это применимо и к ситуациям, когда информация от преследуемого лица получена в иных (кроме допроса) правовых режимах. Считаем, что такая интерпретация правовых позиций Конституционного Суда наиболее приемлема, поскольку не нарушает право лица не свидетельствовать против себя и является благоприятствующей защите.

Сформированный посредством решений Конституционного Суда подход к оценке производных свидетельских показаний, поначалу охватывающий лишь отдельную категорию свидетелей – сотрудников правоохранительных органов, со временем приобрел всеобъемлющий характер, став основой для признания недопустимыми производных показаний понятых относительно воспринятой в ходе следственных действий информации фактического (содержательного) характера⁵. Судебная инстанция указала, что следователь, дознаватель могут быть допрошены в суде только по обстоятельствам проведения того или иного следственного действия при решении вопроса о допустимости доказательства, а не в целях выяснения показаний допрошенного лица. При этом каких-либо доводов относительно недопустимости показаний понятых не приведено.

Полагаем, что подход, позволяющий без учета особенностей признавать недопустимыми производные свидетельские показания участников уголовного судопроизводства, воспринятые ими в связи с их профессиональной или процессуальной деятельностью, имеющие важное доказательственное значение, является небезупречным. Применять позицию Конституционного Суда по аналогии и к иным, кроме следователя, дознавателя, участникам процесса, без учета их процессуального положения в уголовном судопроизводстве, ошибочно.

Наиболее приемлемым подходом к оценке производных показаний понятых служит следующий пример. Рассматривая кассационную жалобу о признании недопустимыми показаний понятых о содержании пояснений подозреваемого, сообщенных в ходе осмотра его квартиры, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не удовлетворила ее, указав, что такие лица могут быть допрошены по обстоятельствам проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственного действия – осмотра квартиры (в том числе в части данных пояснений), но не относительно содержания показаний, данных подозреваемым в ходе досудебного производства⁶.

Вместе с тем по смыслу закона показания являются результатом следственных действий (допрос и очная ставка), к производству которых по решению следователя, дознавателя могут привлекаться понятые (ст. 170 УПК РФ). Как лица, выполняющие удостоверительную функцию в

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.03.2007 № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефремова Р.В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 42, 56 и 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2025).

⁵ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.04.2023 № 77-1261/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2025).

⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.11.2021 № 45-УД21-40-А2 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2025).

уголовном процессе, они могут быть допрошены не только о порядке следственного действия и его соответствия закону, но и о результатах следственных действий (полученной информации). Понятые для того и привлекаются к следственному действию, чтобы в случае необходимости подтвердить его результаты (при утрате или постановке под сомнение).

Таким образом, производные доказательства, в том числе вербальные, подлежат оценке по общим правилам с учетом принципа свободной оценки доказательств. В ряде случаев не исключается использование в качестве доказательств производной вербальной информации, полученной от участников следственных действий, воспринявших ее в ходе данных действий.

Литература

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – Москва: Юрид. лит., 1973. – 734 с.
2. **Кудин Ф.М.** Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1967. – 321 с.
3. **Стремовский В.А.** Предварительное расследование в советском уголовном процессе. – Москва: Госюриздат, 1958. – 136 с.
4. **Лившиц В.Я.** Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. – Москва, Ленинград, 1949. – 208 с.
5. **Трусов А.И.** Основы теории судебных доказательств. – Москва: Госюриздат, 1960. – 176 с.
6. **Чельцов-Бebutov М.А.** Советский уголовный процесс. – Москва: Госюриздат, 1962. – 503 с.
7. **Новицкий В.А.** Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. – Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2002. – 581 с.
8. **Победкин А.В.** Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1 (41). – С. 104–108.
9. **Бостанов Р.А.** Использование производных доказательств в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 364 с.
10. **Бостанов Р.А.** Использование в доказывании по уголовному делу производных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 255–257.
11. **Лазарева В.А.** Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. – Самара: Самарский ун-т, 2007. – 302 с.
12. **Галышин Н.В.** Показания «с чужих слов» как производные доказательства в уголовном процессе: монография. – Москва: Проспект, 2017. – 176 с.
13. **Победкин А.В.** Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 17–27.
14. **Победкин А.В.** Совесть в уголовно-процессуальной форме // Юрист-Правовед. – 2016. – № 4 (77). – С. 5–10.
15. **Головко Л.В.** Об использовании производных доказательств в российском уголовном процессе // Судебный вестник Нижегородской области. – 2022. – № 4 (70). – С. 29–33.
16. **Новиков С.А.** Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 2004. – 238 с.

References

1. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse / otv. red. N.V. Zhogin. – Moskva: Yurid. lit., 1973. – 734 s.
2. **Kudin F.M.** Proizvodnye dokazatel'stva i ikh istochniki v sovetskom ugovnom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk. – Sverdlovsk: Sverd. yurid. in-t, 1967. – 321 s.
3. **Stremovskii V.A.** Predvaritel'noe rassledovanie v sovetskom ugovnom protsesse. – Moskva: Gosyurizdat, 1958. – 136 s.
4. **Livshits V.Ya.** Printsip neposredstvennosti v sovetskom ugovnom protsesse. – Moskva, Leningrad, 1949. – 208 s.
5. **Trusov A.I.** Osnovy teorii sudebnykh dokazatel'stv. – Moskva: Gosyurizdat, 1960. – 176 s.
6. **Chel'tsov-Bebutov M.A.** Sovetskii ugovlnyi protsess. – Moskva: Gosyurizdat, 1962. – 503 s.
7. **Novitskii V.A.** Teoriya rossiiskogo protsessual'nogo dokazyvaniya i pravoprimeneniya. – Stavropol': Stavrop. gos. un-t, 2002. – 581 s.
8. **Pobedkin A.V.** Printsip svobody otsenki dokazatel'stv i ego vliyanie na zakonnost' dosudebnogo proizvodstva // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 1 (41). – S. 104–108.
9. **Bostanov R.A.** Ispol'zovanie proizvodnykh dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. – Nizhnii Novgorod, 2012. – 364 s.
10. **Bostanov R.A.** Ispol'zovanie v dokazyvanii po ugovnomu delu proizvodnykh dokazatel'stv // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2010. – № 1 (12). – S. 255–257.
11. **Lazareva V.A.** Problemy dokazyvaniya v sovremennom ugovnom protsesse Rossii. – Samara: Samarskii un-t, 2007. – 302 s.
12. **Galyashin N.V.** Pokazaniya "s chuzhikh slov" kak proizvodnye dokazatel'stva v ugovnom protsesse: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2017. – 176 s.
13. **Pobedkin A.V.** Spravedlivost' ugovnogo sudoproizvodstva kak uslovie ego legitimnosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2024. – № 1 (69). – S. 17–27.
14. **Pobedkin A.V.** Sovest' v ugovno-protsessual'noi forme // Yurist'-Pravoved'. – 2016. – № 4 (77). – S. 5–10.
15. **Golovko L.V.** Ob ispol'zovanii proizvodnykh dokazatel'stv v rossiiskom ugovnom protsesse // Sudebnyi vestnik Nizhegorodskoi oblasti. – 2022. – № 4 (70). – S. 29–33.
16. **Novikov S.A.** Pokazaniya obviniaemogo v sovremennom ugovnom protsesse Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. – Sankt-Peterburg: S.-Peterb. gos. un-t, 2004. – 238 s.

(статья сдана в редакцию 19.12.2025)

**Некоторые вопросы совершенствования
административных процедур в миграционной сфере**

**Some issues of improving administrative procedures
in the migration sphere**

УДК 342.9

А.М. Романцов,

адъюнкт

(Академия управления МВД России,
Россия, Москва)
romanzov007@mail.ru

Andrey M. Romantsov,

Postgraduate

(Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье рассматривается одна из наиболее острых и востребованных тем современной государственной политики – цифровизация миграционных услуг. Сегодня вопросы правового регулирования административных процедур при предоставлении государственных услуг в сфере миграции требуют особого внимания и исполнения. В работе анализируются аспекты правового регулирования современных административных процедур, раскрываются проблемы их использования, современные подходы к организации миграционного учета и обработке персональных данных. В статье поднимается вопрос важности межведомственного взаимодействия, а также оптимизации документооборота и цифровизации предоставляемых государственных услуг. Особое внимание уделяется проблемам реализации государственных услуг в миграционной сфере через Единый портал государственных и муниципальных услуг. Автор демонстрирует, как цифровизация позволяет сократить сроки оформления разрешений, а также уменьшить коррупционные риски и повысить доступность процедур для иностранных граждан и лиц без гражданства. В заключение отмечено, что создание единого информационного пространства в Миграционной службе Министерства внутренних дел Российской Федерации позволит уменьшить сроки согласования и подписания соответствующих документов при предоставлении государственных услуг.

Ключевые слова: миграция; государственные услуги; административные процедуры; цифровизация; миграционные процессы

Для цитирования: Романцов А.М. Некоторые вопросы совершенствования административных процедур в миграционной сфере // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 93–97.

Abstract: this article examines one of the most pressing and sought-after topics in contemporary public policy: the digitalization of migration services. Today, legal regulation of administrative procedures for the provision of public services in the area of migration requires special attention and implementation. This paper analyzes aspects of the legal regulation of modern administrative procedures, reveals challenges in their use, and explores modern approaches to organizing migration registration and processing personal data. The article addresses the importance of interdepartmental cooperation, as well as the optimization of document flow and digitalization of public services. Particular attention is paid to the challenges of implementing public services in the area of migration through the Public Services Portal of the Russian Federation. The author demonstrates how digitalization can reduce the time required to process permits, mitigate corruption risks, and improve the accessibility of procedures for foreign citizens and stateless persons. In conclusion, it is noted that the creation of a unified information space within the Migration Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation will reduce the time required to approve and sign relevant documents for the provision of public services.

Keywords: migration; public services; administrative procedures; digitalization; and migration processes

For citation: Romantsov A.M. Some issues of improving administrative procedures in the migration sphere // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 93–97.

Актуальность данной темы обусловлена значимостью миграционных процессов для государств в современных условиях в силу необходимости обеспечения юридических взаимоотношений между страной и гражданином. Характерная для современных реалий высокая мобильность населения делает особенно важным развитие и оптимизацию этой области [1]. Миграция, как добровольная, так и вынужденная, становится одним из ключевых факторов, формирующих демографическую, экономическую и социальную ситуацию и положение государств.

Управление миграционными потоками – сложная задача, требующая комплексного подхода и постоянного совершенствования. Центральное место в этом управлении занимают административные процедуры, которые определяют порядок взаимодействия государства с мигрантами и предоставления им соответствующих прав, а также требования исполнения определенных обязанностей.

Неэффективные и порой избыточные административные процедуры могут стать серьезным препятствием как для легальной миграции, так и для интеграции мигрантов в общество принимающего государства. Такие методы могут порождать коррупционные риски, снижать привлекательность страны для квалифицированных специалистов (в том числе среди иностранных граждан), а также создавать социальную напряженность в обществе. В то же время отлаженные и открытые процедуры способствуют развитию экономики, укреплению правопорядка и формированию позитивного имиджа государства.

В последнее время изменения в российском законодательстве направлены на совершенствование миграционных процессов, которые оказывают влияние на оптимизацию административных процедур, внедрение компьютерных технологий в данную сферу, автоматизацию информационных процессов при предоставлении государственных услуг и отражаются в повышении прозрачности правоотношений в сфере миграции [2].

Административные процедуры в миграционной сфере охватывают широкий спектр действий, начиная от получения визы и разрешения на въезд и заканчивая оформлением вида на жительство, получением гражданства с обеспечением контроля за исполнением всеми заинтересованными лицами миграционного законодательства [3]. Также они включают в себя оказание государственных услуг. К числу таковых относят регистрационный и миграционный учет граждан, оформление и получение разрешительных до-

кументов, одновременно с этим осуществление контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства, а также рассмотрение заявлений по вопросам приобретения гражданства Российской Федерации с последующим принятием решения [4, с. 218].

В качестве примера приведем перечень административных процедур, предусмотренных законодательством в сфере предоставления государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан, на рисунке 1.

Так, одной из административных процедур является регистрация иностранных граждан. Это базовая процедура в миграционной сфере. С помощью нее производится идентификация иностранного гражданина, выясняется место его фактического проживания, а также проводится проверка документов, необходимых для законного нахождения данного гражданина на территории Российской Федерации¹.

Другая процедура – это получение патента на осуществление трудовой деятельности либо разрешения на работу, позволяющего иностранцам на законных основаниях трудиться на территории России². За 2023 год отмечается рост количества выданных иностранным гражданам разрешений на работу на 23,6%, а числа оформленных и выданных патентов – на 3,6%. В 2024 году наблюдается новая динамика развития ситуации: количество уведомлений о заключении трудового или гражданско-правового договора с иностранцами и лицами без гражданства, осуществляющими трудовую деятельность на основании патента, возросло на 48,8%, на основании разрешения на работу – на 33,6%. За период с января по июнь 2025 года в результате принимаемых мер по усилению контроля за миграционными процессами число вышеуказанных уведомлений на основании

¹ Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Приказ МВД России от 10.12.2020 № 856 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, форм заявления иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства, заявления о снятии иностранного гражданина или лица без гражданства с регистрации по месту жительства, уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметок о регистрации (снятии с регистрации) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином или лицом без гражданства действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания, предоставляемых, в том числе, многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

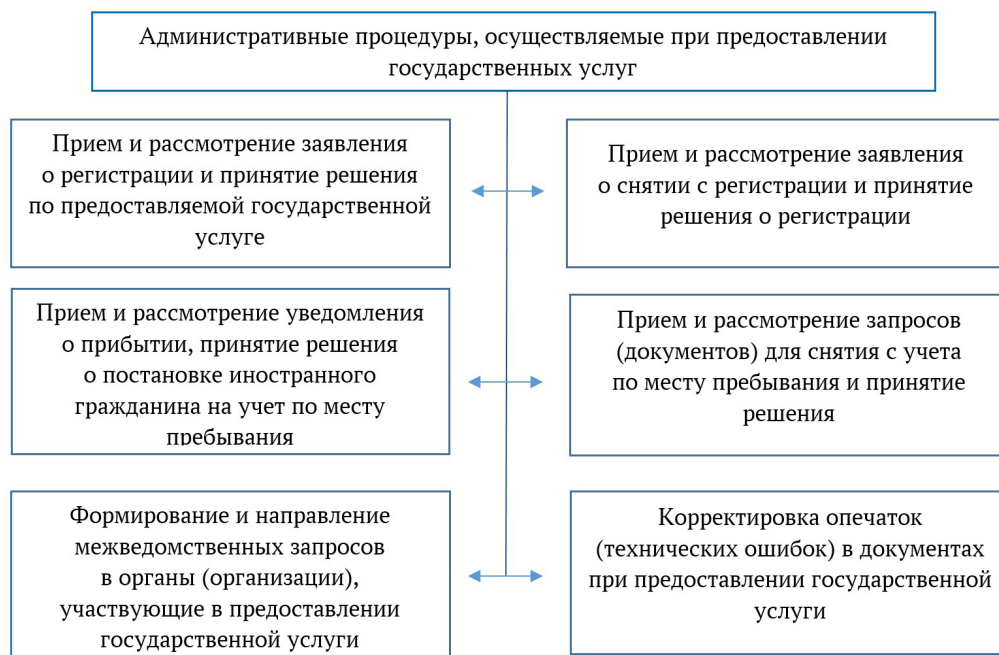

Рисунок 1. Перечень административных процедур по осуществлению миграционного учета иностранных граждан

патента либо разрешения на работу возросло на 30,1% и 64,2% соответственно³.

Сегодня процедура получения разрешения на временное проживание иностранными гражданами или лицами без гражданства представляет собой актуальную административную процедуру в миграционной сфере, дающую иностранцам право находиться в России на законных основаниях [5; 6]. Данная процедура является базовым элементом регулирования миграционных процессов и обеспечивает легальный статус пребывающих на территории Российской Федерации иностранных граждан⁴. Согласно статистическим данным в 2023 году оформлено и выдано на 12,8% меньше документов, таких как вид на жительство, чем в предшествующем году, и на 49,4% уменьшилось

число выданных разрешений на временное проживание иностранного гражданина. В 2024 году динамика осталась такой же: сократилось количество выданных разрешений на 50,4% и на 21,3% соответственно. Указанная тенденция наблюдается в период с января по июнь 2025 года, где только число выданных иностранным гражданам разрешений на временное проживание сократилось на 31,6%, а на вид на жительство – на 32,3%⁵. Связано все это с систематически проводимой работой МВД России, направленной на выявление и пресечение фактов злоупотребления иностранными гражданами правом на получение вышеупомянутых государственных услуг с предоставлением документов, дающих право законного нахождения на территории Российской Федерации⁶.

³ Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/>; Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/>; Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – июнь 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619/>

⁴ Приказ МВД России от 01.08.2020 № 541 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений на привлечение и использование иностранных работников, а также разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/>; Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/>; Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – июнь 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619/>

⁶ Приказ МВД России от 08.06.2020 № 407 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Процедура получения гражданства Российской Федерации является многоэтапной, комплексной и сложной государственной функцией. Несмотря на определенную трудоемкость и продолжительность оформления данного статуса, при условии предоставления правильной и достоверной информации (документации) в соответствии с установленными нормами российского законодательства заявитель может успешно стать гражданином России. Официальная статистика свидетельствует о росте в 2023 году на 21,3% числа предоставленных услуг по выдаче и замене паспортов граждан Российской Федерации. Это увеличение обусловлено оформлением указанных документов лицам, проживающим на новых территориях Российской Федерации (после проведения соответствующих проверок, подтверждающих статус гражданина России). Также статистика указывает на ужесточение контроля в рассматриваемой области в 2024 году. Количество лиц, получивших гражданство, снизилось на 44,8%⁷.

Сведения о цифровизации миграционных процессов, представленные официальными источниками, свидетельствуют об увеличении использования электронных ресурсов в сфере миграции. Об успешной реализации ведомственной программы цифровой трансформации свидетельствует рост популярности предоставления гражданам государственных услуг через Единый портал государственных и муниципальных услуг. Спрос на них с 2023 года увеличился на 5,4%. Заявителей привлекает возможность оказания услуги в дистанционном формате, а также прозрачность контроля предоставления услуги. Также в официальном источнике отмечается существенный рост обращений о постановке на миграционный учет иностранных граждан в электронном виде. Например, в 2024 году было оказано 6,5 млн государственных услуг в сфере миграции, что на 162,6% выше прошлого отчетного периода. Число оказанных услуг по осуществлению миграционного учета выросло на 153,8%. В 2025 году только за период с января по июнь статистика увеличилась на 97,5% и 120,2% соответственно⁸.

⁷ Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/>; Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/>; Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – июнь 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619/>

⁸ Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – де-

Активное внедрение информационных технологий, появление сервисов-платформ для подачи документов онлайн позволяют сократить сроки рассмотрения заявлений и минимизировать коррупционные риски. Использование биометрических данных и технологий распознавания лиц создает условия для более точной идентификации иностранных граждан и содействует обеспечению правопорядка и общественной безопасности.

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации и оптимизации, процесс совершенствования административных процедур в миграционной сфере сталкивается с рядом вызовов. В первую очередь это необходимость обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных граждан [7]. В условиях увеличивающегося объема цифровой информации, несомненно, растет необходимость постоянного совершенствования систем защиты персональных данных для предоставления качественных и своевременных государственных услуг в сфере миграции.

Результативное управление миграционными процессами требует скоординированных действий между различными органами публичной власти, в том числе путем создания единого информационного пространства в Миграционной службе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Подобная система позволит уменьшить сроки согласования и подписания соответствующих документов при предоставлении государственных услуг в рассматриваемой области.

В заключение отметим, что совершенствование административных процедур в миграционной сфере – это сложный, но в то же время крайне важный процесс, который требует постоянных усилий и инновационных подходов. Эффективное управление миграционными потоками является залогом успешного и устойчивого социально-экономического развития страны и укрепления национальной безопасности. Необходимо сосредоточить усилия на проведении углубленных исследований, которые помогут сформировать четкие и подкрепленные научно обоснованными рекомендациями предложения. При этом важно учитывать специфику и особенности протекающих миграционных процессов каждого государства. Не менее значимым аспектом является анализ эффективности реализуемых новшеств

кабрь 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/>; Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/>; Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – июнь 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619/>

и современных разработок для различных категорий лиц при оказании государственных услуг. Лишь посредством всестороннего, структурированного подхода можно добиться намеченных результатов и сформировать эффективную государственную стратегию в сфере миграции. Такой

подход обеспечит не только учет всех факторов, влияющих на миграционные процессы, но и позволит создать механизмы, способные эффективно реагировать на изменения в данной сфере, учитывая интересы всех участников миграционного процесса.

Литература

1. **Муленко Н.В.** Проблемы национального законодательства в сфере регулирования миграционных отношений в Российской Федерации // Миграционное право. – 2024. – № 2. – С. 6–10.
2. **Муленко Н.В.** Проблемы повышения эффективности оказания услуг в системе МВД России в сфере миграции в электронной форме // Миграционное право. – 2020. – № 4. – С. 19–21.
3. Федеральный закон «О полиции»: научно-практическое пособие: в 3 т. / А.Н. Гугунский, А.В. Семенистый, П.А. Солошенко [и др.]. Т. 3. – Москва: Академия управления МВД России, 2013. – 332 с.
4. **Разгон О.Ю.** Особенности реализации позитивных административных производств в деятельности ОВД РФ в сфере миграции / Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие: сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. С. 217–222.
5. **Андриченко Л.В., Плюгина И.В.** Правовые проблемы предоставления государственных услуг в сфере миграции // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. № 7. – С. 102–114.
6. **Мягкова С.В., Хазова В.Е.** Актуальные проблемы правоприменительной практики полиции по делам об административных правонарушениях в сфере миграции // Алтайский юридический вестник. – 2025. – № 4 (52). – С. 102–108.
7. **Дизер О.А.** Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70.
8. **Иброхимов С.И., Санавваров Г.Б.** Современное состояние и перспективы развития правового регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2022. – № 4 (93). – С. 24–34.
9. **Фираго М.А.** Современные векторы развития государственного администрирования в миграционной сфере Российской Федерации // Вестник науки. – 2025. – № 6 (87). – Т. 5. Ч. 1. – С. 500–507.
10. **Горбатов А.И.** Административно-процедурная деятельность по предоставлению государственных услуг, реализуемая должностными лицами подразделений по вопросам миграции МВД России / Актуальные вопросы совершенствования деятельности подразделений и служб органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. – Москва: Академия управления МВД России, 2025. С. 91–96.

References

1. **Mulenko N.V.** Problemy natsional'nogo zakonodatel'stva v sfere regulirovaniya migratsionnykh otnoshenii v Rossiiskoi Federatsii // Migratsionnoe pravo. – 2024. – № 2. – S. 6–10.
2. **Mulenko N.V.** Problemy povysheniya effektivnosti okazaniya uslug v sisteme MVD Rossii v sfere migratsii v elektronnoi forme // Migratsionnoe pravo. – 2020. – № 4. – S. 19–21.
3. Federal'nyi zakon "O polit sii": nauchno-prakticheskoe posobie: v 3 t. / A.N. Gugunskii, A.V. Semenisty, P.A. Soloshenkov [i dr.]. T. 3. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. – 332 s.
4. **Razgon O.Yu.** Osobennosti realizatsii pozitivnykh administrativnykh proizvodstv v deyatel'nosti OVD RF v sfere migratsii / Ekstremal'nye situatsii, konflikty, sotsial'noe soglasie: sbornik materialov XXV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. S. 217–222.
5. **Andrichenko L.V., Plyugina I.V.** Pravovye problemy predostavleniya gosudarstvennykh uslug v sfere migratsii // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2022. – T. 26. № 7. – S. 102–114.
6. **Myagkova S.V., Khazova V.E.** Aktual'nye problemy pravoprimenitel'noi praktiki polit sii po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v sfere migratsii // Altaiskii yuridicheskii vestnik. – 2025. – № 4 (52). – S. 102–108.
7. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoi bezopasnosti v usloviyakh formirovaniya tsifrovogo prostranstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). – S. 63–70.
8. **Ibrokhimov S.I., Sanavvarov G.B.** Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya pravovogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov v Respublike Tadjikistan // Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk. – 2022. – № 4 (93). – S. 24–34.
9. **Firago M.A.** Sovremennye vektory razvitiya gosudarstvennogo administrirovaniya v migratsionnoi sfere Rossiiskoi Federatsii // Vestnik nauki. – 2025. – № 6 (87). – T. 5. Ch. 1. – S. 500–507.
10. **Gorbatov A.I.** Administrativno-protsedurnaya deyatel'nost' po predostavleniyu gosudarstvennykh uslug, realizuemaya dolzhnostnymi litsami podrazdelenii po voprosam migratsii MVD Rossii / Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya deyatel'nosti podrazdelenii i sluzhb organov vnutrennikh del v sfere okhrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2025. S. 91–96.

(статья сдана в редакцию 03.12.2025)

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

Роль органов внутренних дел на транспорте в предупреждении и пресечении преступлений и административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

The role of Internal Affairs Authorities in Transport in preventing and suppressing crimes and administrative offenses related to illegal trafficking of addictive substance and psychotropics

УДК 342

А.М. Шебанов

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
aleksandr.shebanov@gmail.com

Aleksandr M. Shebanov

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в современном мире приобрела широкий общественный резонанс и по праву считается одной из глобальных проблем человечества, что непосредственно связано как с распространением наркотизации населения, так и с увеличением масштабов наркобизнеса. В связи с чем деятельность по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений в обозначенной области, осуществляемая Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве основного субъекта противодействия рассматриваемой группе противоправных деяний, имеет особую актуальность. В научной статье определена роль органов внутренних дел на железнодорожном, водном и воздушном транспорте в предупреждении и пресечении преступлений и административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Также проведен анализ основных результатов оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел на транспорте за январь – сентябрь 2025 года в сфере противодействия преступлениям и административным правонарушениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Рассмотрены особенности деятельности транспортной полиции по предупреждению и пресечению противоправных деяний данной категории с учетом специфики объектов транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: органы внутренних дел на транспорте; преступления; административные правонарушения; наркотические средства; психотропные вещества; незаконный оборот

Для цитирования: Шебанов А.М. Роль органов внутренних дел на транспорте в предупреждении и пресечении преступлений и административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 98–103.

Abstract: the problem of illicit trafficking in addictive substance and psychotropics in the modern world has gained widespread public attention and is rightfully considered one of the global challenges facing humanity, directly related to both the spread of drug addiction among the population and the growing scale of the drug trade. Therefore, the prevention and suppression of crimes and administrative offenses in this area, carried out by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as the primary agency combating this group of illegal acts, is particularly relevant. This scientific article defines the role of law enforcement agencies in rail, water, and air

© Шебанов А.М., 2026

transport in preventing and suppressing crimes and administrative offenses related to the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. An analysis of the main operational and service activities of law enforcement agencies in transport from January till September 2025 in combating crimes and administrative offenses related to the illicit trafficking of addictive substances and psychotropics is also provided. The article examines the specifics of the transport police's activities in preventing and suppressing illegal acts of this category, taking into account the specifics of transport infrastructure facilities.

Keywords: law enforcement agencies in transport; crimes; administrative offenses; addictive substances; psychotropics; illegal trafficking

For citation: Shebanov A.M. The role of Internal Affairs Authorities in Transport in preventing and suppressing crimes and administrative offenses related to illegal trafficking of addictive substance and psychotropics // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 98–103.

Предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, является одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел на транспорте¹.

Согласно статистическим данным Всемирного доклада о наркотиках за 2025 год Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности число людей, употребляющих наркотики, достигло рекордной отметки – около 316 млн человек.

Оценивая данную цифру, следует понимать, что она является условной и, скорее всего, в реальности заниженной, так как учитываются в данном случае лица, поставленные на учет в правоохранительных органах или учреждениях здравоохранения. Очевидно, что фактические показатели выше. Некоторые исследователи, обращаясь к изучению особенностей данной проблемы, говорят о том, что число употребляющих наркотические вещества людей на самом деле приближается к миллиарду [1].

Так или иначе, очевидно, наркотические вещества наносят колоссальный вред. Они подрывают здоровье, разрушают привычный образ жизни, социальные связи, тормозят развитие личности и усиливают склонность к совершению противоправных действий [2]. Для подрастающего поколения последствия еще более катастрофичны. Все это свидетельствует о необходимости постоянного внимания и усиления эффективности работы по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Кроме того, хотелось бы отметить то обстоятельство, что лица, находящиеся в состоянии наркотического опьянения, отличаются также не-

адекватным поведением, которое влечет за собой совершение ими иных видов преступлений и административных правонарушений, угрозу жизни и здоровью других граждан, общественной безопасности и общественной нравственности в целом [3].

Особое внимание вызывают противоправные деяния, совершенные в состоянии наркотического опьянения на критически важных и потенциально опасных объектах инфраструктуры страны, к которым в том числе относятся и объекты транспортной инфраструктуры, поскольку они влекут за собой более тяжкие последствия.

Таким образом, от качества государственной политики по противодействию незаконному обороту наркотиков, своевременного выявления, предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений в данной сфере непосредственным образом зависит национальная безопасность, настоящее и будущее страны, состояние здоровья нации, ценности подрастающего поколения и его стратегические перспективы и приоритеты, динамика преступности и т.д., что остается одной из самых сложных задач, требующих комплексного подхода и межведомственного взаимодействия [4].

В Российской Федерации свободный оборот наркотических средств и психотропных веществ, в зависимости от конкретного вещества, запрещен или ограничен. Соответственно, нарушение установленных ограничений или запретов расценивается как совершение административного правонарушения или преступления и влечет за собой привлечение к соответствующему виду юридической ответственности [5].

Федеральный орган исполнительной власти в области внутренних дел является одним из субъектов противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, на который после упразднения федерального органа исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ возложена первостепенная роль в данной сфере деятельности [6].

¹ Приказ МВД России от 15.06.2011 № 636 (ред. 01.09.2025) «Об утверждении Типового положения о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Именно от эффективности работы указанного субъекта противодействия во многом зависит успех в борьбе с ежегодно увеличивающимся числом преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ.

В 2025 году на одном из заседаний Совета Безопасности Российской Федерации Президент России В.В. Путин отметил, что «одно из важнейших направлений правоохранительной деятельности – это борьба с незаконным оборотом наркотиков»².

Президент Российской Федерации напомнил, что в стране действует государственная стратегия

то обстоятельство, что состояние наркопреступности увеличилось на 17,7%. Количество зарегистрированных наркопреступлений составило 7808, из них 6051 – тяжкие и особо тяжкие составы, 2603 – совершены в крупном и особо крупном размерах.

Количество зарегистрированных преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, – 4639, рост по сравнению с аналогичным периодом 2024 года на 43,2%, из них раскрыто – 2079.

Увеличение числа выявленных наркопреступлений отмечается практически во всех органах внутренних дел на транспорте (см. рис. 1).

Рисунок 1. Количество зарегистрированных и раскрытых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков

по противодействию наркоугрозе, направленная на снижение масштабов наркопреступности и защиту здоровья граждан. Однако, по его словам, важно, кроме анализа текущих результатов, определить дополнительные меры, которые помогут усилить борьбу с распространением запрещенных веществ.

Общее состояние преступности на транспорте в Российской Федерации по результатам оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел на транспорте за январь – сентябрь 2025 года снизилось на 2,2% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. Количество зарегистрированных преступлений составило 22 522.

Однако одним из негативных аспектов на фоне снижения общего уровня преступности выступает

В качестве положительного момента стоит отметить рост на 8,2% количества раскрытых наркопреступлений (4876).

Пресечено 3306 административных правонарушений. Полная характеристика выявленных административных нарушений, в соответствии со ст. 6.8, 6.9, 6.9.1, 6.10, 6.13, 6.16.1, 10.5.1, ч. 2 ст. 20.20, ч. 2 ст. 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, представлена на рисунке 2.

Из незаконного оборота изъято 4 т 782 кг 531 г наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ³.

В качестве негативного фактора, который в современных условиях способствует росту наркопреступности, выступает применение нарко-

² Совещание с постоянными членами Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/77360>.

³ Анализ оперативной обстановки и основных результатов оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел на транспорте за январь – сентябрь 2025 года. Материал опубликован не был.

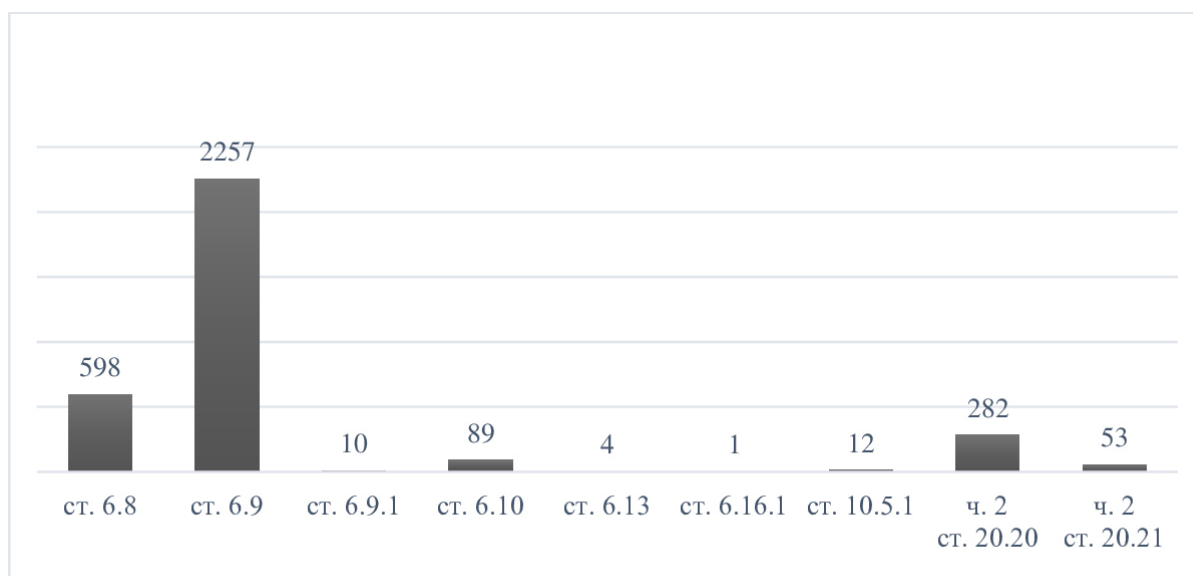

Рисунок 2. Количество выявленных административных правонарушений

сбытчиками современных информационных технологий [7].

Использование Интернета, социальных сетей, различного рода мессенджеров для распространения соответствующей информации и осуществления связей между сторонами, наряду с постоянной организацией в социальных сетях информационных ресурсов, содержащих информацию о наркотиках и способах их распространения, затрудняет выявление, предупреждение и раскрытие противоправных деяний, установление виновных лиц, что требует от органов правопорядка своевременного совершенствования своей деятельности.

За 9 месяцев 2025 года на объектах транспорта зарегистрировано 6306 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных (коммуникационных) технологий, раскрыто 3761 преступление. Наибольшее количество преступлений данной категории зарегистрировано на объектах транспорта по фактам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, их доля составляет 80,6%. Количество зарегистрированных преступлений составило 5086, раскрыто 3282⁴.

Анализ материалов правоприменительной практики свидетельствует о повсеместном внедрении наркосбытчиками технических средств и современного программного оборудования (теневой сегмент Интернета, различное программное обеспечение и GPS-трекеры). Так, основой коммуникации является использование различных

мессенджеров и программ для ведения конспиративных переговоров как внутри группы, так и с конечными потребителями наркотиков.

Для предотвращения и борьбы с распространением наркотических веществ органы внутренних дел на транспорте проводят операции по обнаружению и закрытию интернет-сайтов, которые рекламируют незаконный оборот наркотиков. В рамках этих мероприятий блокируются веб-ресурсы, где размещаются сведения о методах изготовления, применения и продажи наркотических средств.

Борьба с преступлениями и административными правонарушениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ на транспорте, имеет свои особенности. Поэтому выявление лиц, причастных к таким деяниям, может происходить путем наблюдения за транспортными объектами и инфраструктурой, патрулирования, анализа полученной информации и проведения досмотровых мероприятий на транспорте, а также контроля и досмотра при пересечении границы, осмотра багажа и ручной клади, перевозимых физическими и юридическими лицами.

Изучая методы борьбы с нелегальным оборотом наркотиков на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, важно выделить такой аспект, как транспортировка наркотических веществ. Без этой противоправной деятельности наркобизнес не может существовать. Более того, перевозка как крупных, так и небольших партий наркотиков зачастую является частью организованной преступной деятельности в сфере наркоторговли.

Со временем способы перевозки наркотиков становятся более изощренными и характеризуются высокой степенью латентности. И чтобы

⁴ Анализ оперативной обстановки и основных результатов оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел на транспорте за январь – сентябрь 2025 года. Материал опубликован не был.

эффективно противодействовать данному виду преступной деятельности, сотрудникам органов внутренних дел на транспорте необходимо постоянно повышать уровень знаний в области функционирования объектов транспорта, владеть данными о перевозках, способах транспортировки и передачи наркотических средств, знать наиболее популярные маршруты перевозки.

Ключевым аспектом работы органов внутренних дел на транспорте в контексте предотвращения и пресечения преступлений и административных правонарушений является проведение профилактических мероприятий как общего, так и индивидуального характера.

Общая профилактика направлена на выявление и устранение факторов, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений, а также на борьбу с немедицинским потреблением наркотиков. Для этого сотрудники полиции проводят тщательный анализ оперативной обстановки на обслуживаемой территории

с целью определения причин и условий, которые способствуют росту спроса на наркотические средства и психотропные вещества.

Индивидуальная профилактика осуществляется в ходе повседневной оперативно-служебной деятельности и сосредоточена на конкретных людях, склонных к незаконным действиям с наркотиками и их немедицинскому употреблению [8].

Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, включая территориальные подразделения МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, по предотвращению и пресечению преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ, является ключевым элементом в поддержании общественного порядка, безопасности граждан и государства. Это сложная и многогранная задача, требующая постоянного совершенствования методов работы и тесного взаимодействия с другими ведомствами.

Литература

1. **Дизер О.А.** Административно-правовая защита общественной нравственности: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. – Омск, 2019. – 59 с. – EDN LTNLWL.
2. **Дизер О.А.** Административная ответственность за совершение правонарушений, связанных с потреблением наркотических средств или психотропных веществ // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 3 (54). – С. 32–35. – EDN RCPKPZ.
3. **Дизер О.А.** Общественная нравственность в структуре общественного порядка и роль правовых средств в ее охране // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1 (39). – С. 8–14. – EDN YGXVYV.
4. **Дизер О.А.** Актуальные вопросы противодействия наркоугрозе: тенденции и направления совершенствования // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 2 (30). – С. 62–67. – EDN DXIOUB.
5. Административная ответственность за правонарушения, связанные с оборотом наркотиков: учебное пособие / под общ. ред. д-ра юрид. наук Н.Н. Цуканова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 180 с.
6. **Сидорова Е.З., Грибунов О.П.** Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебное пособие. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. – 132 с.
7. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебное пособие / Ю.А. Струнин, А.А. Баранов, С.В. Иванцов [и др.]. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 68 с.
8. **Антонова С.Г.** Особенности применения сотрудниками органов внутренних дел административно-правовых мер по предупреждению правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств / Актуальные проблемы науки и практики: сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий. Выпуск 6. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2020. С. 243–248.
9. **Куцев В.В.** Формы и методы предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Вопросы безопасности. – 2024. – № 1. – С. 11–19.
10. **Новичкова Е.Е.** Об эффективности административно-правовых мер в области незаконного оборота наркотических средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 1 (92). – С. 232–240.
11. **Платонов П.С.** Административное регулирование мер профилактики правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ и их эффективность // Юридическая наука. – 2024. – № 4. – С. 56–61.

References

1. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya zashchita obshchestvennoi nravstvennosti: avtoref. ... dis. d-ra yurid. nauk. – Omsk, 2019. – 59 s. – EDN LTNLWL.
2. **Dizer O.A.** Administrativnaya otvetstvennost' za sovershenie pravonarushenii, svyazannykh s potrebleniem narkoticheskikh sredstv ili psikhotroponykh veshchestv // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2013. – № 3 (54). – S. 32–35. – EDN RCPKPZ.
3. **Dizer O.A.** Obshchestvennaya nravstvennost' v strukture obshchestvennogo poryadka i rol' pravovykh sredstv v ee okhrane // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – № 1 (39). – S. 8–14. – EDN YGXVYV.
4. **Dizer O.A.** Aktual'nye voprosy protivodeistviya narkougroze: tendentsii i napravleniya sovershenstvovaniya // Altaiskii yuridicheskii vestnik. – 2020. – № 2 (30). – S. 62–67. – EDN DXIOUB.

5. Administrativnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya, svyazannye s oborotom narkotikov: uchebnoe posobie / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk N.N. Tsukanova. – Krasnoyarsk: SibYul MVD Rossii, 2019. – 180 s.
6. **Sidorova E.Z., Gribunov O.P.** Preduprezhdenie prestuplenii i administrativnykh pravonarushenii organami vnutrennikh del: uchebnoe posobie. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskii institut MVD Rossii, 2023. – 132 s.
7. Preduprezhdenie prestuplenii i administrativnykh pravonarushenii organami vnutrennikh del: uchebnoe posobie / Yu.A. Strauning, A.A. Baranov, S.V. Ivantsov [i dr.]. – Moskva: Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2022. – 68 s.
8. **Antonova S.G.** Osobennosti primeneniya sotrudnikami organov vnutrennikh del administrativno-pravovykh mer po preduprezhdeniyu pravonarushenii v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv / Aktual'nye problemy nauki i praktiki: sbornik nauchnykh trudov po itogam nauchno-predstavitel'skikh meropriyati. Vypusk 6. – Khabarovsk: Dal'nevostochnyi yuridicheskii institut MVD Rossii, 2020. S. 243–248.
9. **Kutsev V.V.** Formy i metody preduprezhdeniya prestuplenii v sfere nezakonnogo oborota narkotikov // Voprosy bezopasnosti. – 2024. – № 1. – S. 11–19.
10. **Novichkova E.E.** Ob effektivnosti administrativno-pravovykh mer v oblasti nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 1 (92). – S. 232–240.
11. **Platonov P.S.** Administrativnoe regulirovanie mer profilaktiki pravonarushenii v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh veshchestv i ikh effektivnost' // Yuridicheskaya nauka. – 2024. – № 4. – S. 56–61.

(статья сдана в редакцию 09.12.2025)

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Перспективы и проблемы внедрения технологий иммерсивного обучения в вузе

Prospects and problems of introducing immersive learning technologies in higher education institutions

УДК 378.1

В.А. Акапьев,

кандидат педагогических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
akapevvl@yandex.ru

Viktor L. Akapyev,

Candidate of Pedagogical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

С.Е. Савотченко,

доктор физико-математических наук, доцент
(Российский государственный
геологоразведочный университет
имени Серго Орджоникидзе,
Россия, Москва)

Sergey E. Savotchenko,

Doctor of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor
(Sergo Ordzhonikidze Russian State University
for Geological Prospecting,
Moscow, Russia)

Аннотация: внедрение новых цифровых технологий в образовательный процесс открывает практически неограниченные возможности для реализации педагогических технологий погружения (концентрированного обучения) как формы организации учебного процесса, при которой обучающиеся полностью концентрируются на решении образовательной задачи. Необходимость внедрения иммерсивного обучения обусловлена переходом от теоретической передачи информации к формированию практического опыта в безопасной, контролируемой, но максимально реалистичной среде. Это технология, которая решает ключевые проблемы современного образования и профессиональной подготовки, такие как недостаток практики, высокие риски, субъективность оценки и высокая стоимость качественных тренировок. Она становится не просто полезным инструментом, а критически важным элементом для подготовки специалистов в областях, где цена ошибки чрезмерно высока, – авиации, медицине, силовых структурах, тяжелой промышленности и многих других. Работа посвящена анализу возможностей использования технологий иммерсивного обучения в ходе реализации программ высшего образования, а также проблем их внедрения. Показано, что устойчивое развитие общества с высоким уровнем конвергенции между цифровой реальностью и окружающей действительностью значительно облегчается встраиванием технологий иммерсивного обучения в образовательную среду современного вуза. Особое внимание уделено вопросам, связанным с определением понятия иммерсивного обучения. Отмечены ключевые аспекты иммерсивного обучения, раскрыто содержание технологий иммерсивного обучения, выявлены преимущества, обозначены проблемы внедрения технологий иммерсивного обучения.

Ключевые слова: высшее образование; образовательные технологии; иммерсивные технологии обучения; погружение; технологии виртуальной реальности

Для цитирования: Акапьев В.А., Савотченко С.Е. Перспективы и проблемы внедрения технологий иммерсивного обучения в вузе // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 104–111.

Abstract: the introduction of new digital technologies into the educational process opens up virtually unlimited opportunities for the implementation of pedagogical immersion technologies (concentrated learning) as a form of organization of the educational process, in which students fully concentrate on solving educational tasks. The need

to introduce immersive learning is due to the transition from theoretical information transfer to the formation of practical experience in a safe, controlled, but maximally realistic environment. It is a technology that solves the key problems of modern education and professional training: lack of practice, high risks, subjective assessment and high cost of high-quality training. It is becoming not just a useful tool, but a critical element for training specialists in areas where the cost of error is excessively high, such as aviation, medicine, law enforcement agencies, heavy industry, and many others. The work is devoted to the analysis of the possibilities of using immersive learning technologies during the implementation of higher education programs, as well as the problems of their implementation. It is shown that the implementation of sustainable development of a society with a high level of convergence between digital reality and the real world is greatly facilitated by the integration of immersive learning technologies into the educational environment of a modern university. Special attention is paid to issues related to the definition of immersive learning. The key aspects of immersive learning are identified, the content of immersive learning technologies is disclosed, the advantages are identified and the problems of implementing immersive learning technologies are outlined.

Keywords: higher education; educational technologies; immersive learning technologies; immersion; virtual reality technologies

For citation: Akapyev V.L., Savotchenko S.E. Prospects and problems of introducing immersive learning technologies in higher education institutions // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 104–111.

Каждое общество вкладывает значительную часть своих экономических ресурсов в профессиональное образование молодежи. Несмотря на то что эти инвестиции, как правило, не приносят экономической отдачи в течение периода обучения в вузе, в обществе существует консенсус относительно важности образования для обеспечения будущей экономической производительности и социальной стабильности. То, как любое общество организует свою систему высшего образования, отражает его текущие социальные приоритеты и перспективы будущей идентичности.

Во многом устойчивое развитие общества определяется более высоким уровнем конвергенции между цифровой реальностью и окружающей действительностью, что значительно облегчает встраивание киберпространства в реальный мир. Информационные и коммуникационные технологии существенно изменили способы функционирования людей, общества, экономики и организаций, включая высшие учебные заведения.

«Электронный» университет уже не является чем-то новым в образовательной практике, однако он требует создания новых инструментов для привлечения курсантов и студентов к эффективному овладению компетенциями, востребованными обществом и рынком труда. Одним из перспективных инструментов обучения в настоящее время выступают иммерсивные технологии¹.

Технологии иммерсивного обучения (далее – ИТО) быстро внедряются в образовательную деятельность вузов [1], однако вопросы, связанные с определением иммерсивного обучения, преимуществами и проблемами внедрения иммерсивных

технологий образования, остаются открытыми, что и определило актуальность данной работы.

Иммерсивные технологии, или технологии погружения, базируются на сущности погружения². Погружение – это понятие, используемое во многих областях науки и практики. Оно означает полное погружение пользователя в виртуальную среду. Оно настолько реалистично и убедительно, что у человека возникает ощущение, будто он действительно находится в этой среде. Погружение часто ассоциируется с технологией виртуальной реальности (VR), при которой пользователь перемещается и взаимодействует с другими объектами с помощью специального оборудования (такого как очки виртуальной реальности и контроллеры движения)³. Погружение может быть использовано в различных областях, а именно: образовании, профессиональной подготовке, медицине, архитектуре, сферах дизайна и развлечений.

Под технологиями иммерсивного обучения следует понимать такие образовательные технологии, которые основаны на свойствах содержания за счет применения интегрированных в него различных технологий погружения пользователя в него же преимущественно путем комплексного воздействия на органы чувств обучающегося [2].

В образовательном контексте погружение позволяет обучающимся учиться в интерактивном режиме более доступным и увлекательным для них способом. По справедливому утверждению Брауна и Кэрнса, погружение – это психологи-

¹ King N. Immersive Education: Transforming the Landscape of e-Learning [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.chaostheorygames.com/blog/immersive-education-transforming-e-learning.htm/bl> (дата обращения: 28.04.2025).

² Иммерсивное обучение. Lectora [Электронный ресурс]. – URL: <https://lectera.com/info/ru/articles/immersivnoe-obuchenie> (дата обращения: 28.04.2025).

³ Resources for Struggling Immersion Learners. Center for Advanced Research on Language Acquisition [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.carla.umn.edu/immersion/learners.html>. (дата обращения: 28.04.2025).

ческий процесс, который состоит из трех уровней: вовлеченности, поглощенности и полного погружения⁴. В этом образовательном процессе первый этап предполагает вовлечение курсанта в процесс обучения путем определения предпочитаемого им метода и того, где он лучше всего будет приобретать знания.

Этап погружения включает в себя формирование у субъекта образовательного процесса интереса к учебному материалу и эмоциональной привязанности к определенному методу получения знаний. Кульминацией процесса является полное погружение, ощущение принадлежности к виртуальному образовательному миру. Обучающийся настолько погружается в предмет, что теряет ощущение времени и пространства и его внимание сосредоточено исключительно на задании или деятельности. Таким образом он легко усваивает передаваемые знания.

Иммерсивное обучение – это педагогический подход, который включает в себя технологии погружения, такие как виртуальная реальность (VR), дополненная реальность (AR), смешанная реальность (MR) и панорамное видео, для улучшения процесса обучения [3]. Оно направлено на то, чтобы предоставить обучающимся реалистичную и насыщенную сенсорными ощущениями среду, которая стимулирует их чувства и поощряет активное участие в процессе обучения и научных исследованиях.

Иммерсивное обучение представляет собой сдвиг в педагогике, позволяющий использовать иммерсивные технологии для создания увлекательного и эффективного процесса обучения [4]. Благодаря своему потенциалу в повышении вовлеченности, понимания и удержания обучающихся иммерсивное обучение открывает перспективный путь в будущее профессионального образования. Посредством иммерсивного обучения как преподаватели, так и обучающиеся могут отправиться в увлекательное образовательное путешествие, которое воплотит обучение в жизнь.

Полное погружение обеспечивает более интуитивный процесс обучения в сочетании с подходящим учебным материалом. Используя возможности погружения, высшее образование может создать динамичную и привлекательную учебную среду, готовя будущих выпускников вуза к постоянно меняющемуся миру, в который они попадут⁵.

⁴ Иммерсивное обучение. Lectera [Электронный ресурс]. – URL: <https://lectera.com/info/ru/articles/immersivnoe-obuchenie> (дата обращения: 28.04.2025).

⁵ Resources for Struggling Immersion Learners. Center for Advanced Research on Language Acquisition [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.carla.umn.edu/immersion/learners.html>. (дата обращения: 28.04.2025).

Ученые отмечают, что «иммерсивное обучение – это методология обучения на основе опыта, которая использует виртуальную реальность для моделирования сценариев и обучения сотрудников в безопасной и увлекательной среде иммерсивного обучения»⁶.

Это узкое определение ограничивает список инструментов иммерсивного обучения. Другие определения расширяют перечень инструментов, добавляя дополненную реальность, смешанную реальность, элементы геймификации и другие интерактивные действия. Однако, на наш взгляд, наиболее точным следует считать следующее определение: «обучение с погружением относится к любому образовательному подходу, который обучает путем помещения учащегося непосредственно в среду»⁷. Это определение значительно расширяет спектр инструментов погружения и не исключает из списка иммерсивных технологий любые подходы к передаче знаний и навыков. В данном определении речь идет не об инструментах, а о подходах, при которых можно использовать любые инструменты, подходящие для конкретной ситуации.

Иммерсивные учебные среды – это учебные ситуации, созданные с использованием различных методов и программных средств, включая обучение на основе игр, симуляционное обучение и виртуальные 3D-миры. Файлы отличаются от других методов обучения своей способностью моделировать реалистичные сценарии и среду, которые позволяют обучающимся отрабатывать навыки и взаимодействовать с другими учащимися. Таким образом, модель иммерсивного обучения основана на практических примерах, реализуемых путем моделирования различных сценариев⁸. Крайне важно, чтобы сценарное моделирование могло осуществляться как в электронной среде, так и в реальном мире.

Можно выделить следующие ключевые аспекты иммерсивного обучения:

1. Сенсорное вовлечение – иммерсивное обучение погружает обучающихся в виртуальную или дополненную среду, в которой задействованы различные органы чувств, включая зрение, слух и иногда осязание, что позволяет реализовать

⁶ Williams T. Fortune. What Research Tells Us About Immersion [Электронный ресурс]. – URL: <https://asiasociety.org/education/what-research-tells-us-about-immersion>. (дата обращения: 28.04.2025).

⁷ Williams T. Fortune. What Research Tells Us About Immersion [Электронный ресурс]. – URL: <https://asiasociety.org/education/what-research-tells-us-about-immersion>. (дата обращения: 28.04.2025).

⁸ Learning: What Is It and Why Does It Work? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.immersive.strivr.com/blog/defining-immersive-learning> (дата обращения: 28.04.2025).

принцип мультимедийности, т.е. подачи учебного материала по нескольким каналам восприятия. Чем больше таких каналов, тем выше вероятность усвоения информации.

2. Интерактивность – обучающиеся перестают быть сторонними наблюдателями и активно участвуют в образовательном процессе, взаимодействуя с цифровыми образовательными ресурсами, симуляциями и виртуальными сценариями.

3. Реалистичное моделирование – иммерсивное обучение часто включает в себя моделирование конкретных ситуаций будущей профессиональной деятельности и сценарии, которые позволяют курсантам и слушателям применять знания и навыки в практическом контексте.

4. Обучение на основе опыта – обучающиеся приобретают знания посредством непосредственного собственного опыта и практических занятий.

5. Персонализация – обучение с эффектом погружения может быть адаптировано в соответствии с индивидуальными предпочтениями, темпом и целями обучения, что позволяет формировать индивидуальные педагогические траектории.

Представление искусственного, созданного в цифровом формате контента и среды, отражающей реальные сценарии, позволяет учащимся приобретать и осваивать новые навыки в безопасном, имитируемом пространстве. Обучающиеся не просто пассивно наблюдают, они становятся активными участниками, непосредственно формирующими результаты. Такой подход «обучения на практике», которому способствуют игры и симуляции [5], дает ряд преимуществ:

1. Мотивация – захватывающая учебная среда привлекает внимание обучающихся, обеспечивая динамичный и интерактивный опыт. ИТО, превращая традиционные лекции в увлекательные виртуальные сценарии, позволяют курсантам чувствовать себя более мотивированными к активному участию в процессе обучения.

2. Углубленное понимание – благодаря непосредственному переживанию учебного контента в условиях погружения обучающиеся демонстрируют более высокую способность к усвоению сложных концепций.

3. Моделирование абстрактных концепций – данные технологии приносят существенную пользу в тех предметных областях, где традиционно ощущается нехватка наглядных практических примеров. Трансформируя сложные темы в виртуальные симуляции и интерактивные сценарии, они позволяют визуализировать абстракции. Это способствует не только более глубокому пониманию, но и формированию ценностного отношения к дисциплине.

4. Эффективное закрепление в памяти – обучение в иммерсивной среде положительно влия-

ет на процессы запоминания. Так, в эксперименте по изучению иностранных языков с применением иммерсивных технологий было зафиксировано на 92% улучшение показателей памяти и понимания через две недели [3]. Реалистичный и интерактивный характер взаимодействия с информацией облегчает ее последующее воспроизведение и применение, а мультисенсорное кодирование способствует лучшему усвоению знаний для использования как на экзаменах, так и в практической деятельности.

5. Доступ к виртуальным объектам – снимая пространственные ограничения, иммерсивное обучение позволяет проводить виртуальные экскурсии, в рамках которых обучающиеся могут изучать разнообразные среды и локации.

6. Безопасные условия для экспериментов – обеспечивая контролируемую среду, технологии погружения позволяют обучающимся свободно исследовать, практиковать и ошибаться. Использование симуляторов, исключая реальные риски, дает возможность совершенствовать навыки и извлекать уроки без опасения негативных последствий.

7. Рост успеваемости – активная вовлеченность, порождаемая иммерсивным опытом, напрямую способствует углубленному пониманию предмета и ведет к повышению учебных результатов. Взаимодействуя с виртуальными симуляторами и сценариями, курсанты получают практические знания и развивают навыки критического мышления, необходимые для успеха как в учебе, так и на практике при решении профессиональных задач.

8. Доступность – ИТО могут сделать образование более доступным для обучающихся с различными уровнями базовой школьной подготовки при расширении дистанционного обучения в условиях специальной военной операции.

Иммерсивное обучение может быть реализовано в различных формах в зависимости от образовательных целей [6], способности профессорско-преподавательского состава разрабатывать полноценные цифровые образовательные ресурсы и уровня развития материально-технической базы вуза. Инструментарий иммерсивного обучения включает в себя несколько ключевых технологий, классификация которых строится на оценке их эффективности:

1. Обучение в виртуальной реальности (VR). Обучающиеся используют гарнитуры виртуальной реальности для входа в виртуальную среду, имитирующую реальные сценарии – от исторических событий и научных экспериментов до оперативноразыскных мероприятий.

2. Дополненная реальность (AR). Накладывает цифровые данные на физическое окружение, углубляя понимание реальных объектов и пространств.

3. Панорамное видео. Создает эффект присутствия, позволяя пользователю обозревать обстановку с любого ракурса.

4. Смешанная реальность (MR). Комбинирует элементы AR и VR, обеспечивая интерактивное взаимодействие с цифровыми и физическими объектами в реальном времени.

5. Иммерсивный звук. Формирует пространственное звуковое поле, усиливая общее ощущение погружения.

6. Симуляции и геймификация. Используют образовательные тренажеры и игровые механики для отработки навыков решения задач и развития критического мышления [7].

За последние десять лет бурное развитие этих технологий открыло новые возможности для погружения пользователей в виртуальные миры. Они трансформируют высшую школу, предлагая перспективные модели обучения через опыт. Несмотря на такие вызовы, как высокая стоимость, техническая сложность и цифровое неравенство, именно эти технологии закладывают фундамент для образования будущего.

Важно подчеркнуть, что VR, AR и метавселенная – это не просто маркетинговые термины. Хотя изначально они были ориентированы на развлечения, сегодня их образовательный потенциал неоспорим [8]. Эти решения стремительно эволюционируют, размывая границы между реальным и цифровым. Исследования подтверждают их эффективность: у обучающихся, занимающихся в VR, отмечается значительный рост уверенности в себе, а готовность применять новые знания на практике увеличивается на 275%. Кроме того, они демонстрируют более высокую эмоциональную вовлеченность, сообщая о связи с материалом, которая в 3,75 раза сильнее по сравнению с традиционными методами обучения [6].

Иммерсивные технологии, обладающие рядом преимуществ в сфере образования, обеспечивают более высокий уровень мотивации, заинтересованности и самоэффективности обучающихся на основе использования сценариев, к которым у них в противном случае не было бы доступа или которые могли бы быть опасными [3].

Внедрение ИТО может варьироваться в зависимости от образовательных целей и имеющихся материально-технических и информационно-программных ресурсов:

1. Интеграция в учебной аудитории. Преподаватели внедряют иммерсивные технологии в свои очные аудиторные практические занятия и лабораторные работы в дополнение к традиционным методам обучения.

2. Специальные учебные пространства. Некоторые образовательные организации создают специальные учебные пространства с эффектом

погружения, оснащенные устройствами виртуальной или дополненной реальности.

3. Онлайн-курсы и платформы. Образовательные платформы предлагают иммерсивные курсы и контент, доступные с различных устройств.

4. Совместные проекты. Обучающиеся вместе работают над решением учебных задач с использованием проектных методик с эффектом погружения, которые требуют командной работы и творческого подхода.

5. Экскурсии и виртуальные туры. Опыт погружения может заменить или дополнить физические экскурсии.

Указанная методология определяет будущее образования, и по мере того как аппаратные средства их реализации становятся все более дешевыми, доступ к ним получает все больше субъектов образования, что позволяет с помощью виртуальной и дополненной реальности превратить абстрактные концепции в реальные впечатления.

Обучающиеся могут виртуально исследовать исторические достопримечательности, взаимодействовать со сложными симуляторами или сотрудничать в трехмерных пространствах, не выходя из дома. Такой практический подход делает обучение более увлекательным и может значительно улучшить запоминание и понимание материала.

В связи с этим в образовательном контексте возрастает значение информационно-технологической компетентности профессорско-преподавательского состава, которая рассматривается как жизненно важный компонент критических компетенций современного человека [9].

Внедрение элементов погружения в образовательный процесс может помочь обучающимся достичь лучших академических результатов и подготовиться к будущей профессиональной деятельности в современных непростых условиях. Однако необходимо помнить, что иммерсивные технологии – это не волшебное решение и их следует использовать только тогда, когда они явно повышают образовательную ценность, оправдывая затраты и усилия профессорско-преподавательского состава.

Исследования показывают, что активное обучение положительно влияет на процесс обучения. Однако подтверждающие данные в основном обобщены по различным демографическим группам, следовательно, мало что известно о равенстве в реализации активного обучения и о том, как оно может варьироваться в зависимости от различных групп населения и различных компонентов обучения⁹.

⁹ Resources for Struggling Immersion Learners. Center for Advanced Research on Language Acquisition [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.carla.umn.edu/immersion/learners.html>. (дата обращения: 28.04.2025).

Насущные проблемы включают обучение профессорско-преподавательского состава, подбор персонала учебного отдела, разработку учебного плана и формулирование рабочих программ учебных дисциплин. Администраторы программы с трудом находят высококвалифицированного преподавателя с соответствующим уровнем сформированности информационно-технологической компетентности, который может продемонстрировать высокий уровень владения иммерсивными технологиями [10].

Недостаточная подготовка педагогического состава к программам погружения остается основной проблемой в этой области. Поэтому необходима специализированная поддержка в виде повышения квалификации для решения сложной задачи одновременного изучения содержания, методики использования и повышения уровня информационно-технологической компетентности в рамках интегрированного учебного плана, ориентированного на конкретные предметы [9].

Преподаватели, использующие технологии погружения, сталкиваются со значительными трудностями, связанными с различиями в уровне базовой подготовки обучающихся, развитии их компьютерной грамотности, наличии поддержки в обучении дома, в способностях к достижению результатов, стилях обучения и особых потребностях [2].

Когда обучающийся, участвующий в программе погружения, испытывает трудности в учебе или социальном плане, бывает сложно определить, связана ли проблема в первую очередь с уникальной учебной средой погружения или с его способностями к обучению [7].

Трудности в обучении, связанные со средней успеваемостью, заставляют педагогов и сотрудников учебного отдела задуматься о том, сможет ли курсант в конечном итоге добиться успеха в программе погружения или ему лучше всего будет заниматься в другом учебном контексте, то есть отсутствует способ настройки системы погружения с возможностью ее оптимизации под решение перспективных проблем обучающихся.

Становится все труднее способствовать пониманию обучающимися более абстрактных и сложных понятий на старших курсах. Некоторые преподаватели сообщают о трудностях в преподавании предметов продвинутого уровня, поскольку когнитивное развитие обучающихся находится на более высоком уровне, чем их владение профессиональной подготовкой.

Было бы крайне желательным развитие возможностей систем иммерсивного обучения с точки зрения формирования индивидуальных траекторий обучения и выбора соответствующего образовательного контента на основе анализа ре-

зультатов, полученных обучающимся в процессе решения учебных задач.

Во многих вузах при реализации программ погружения не хватает необходимых ресурсов и специалистов, которые могли бы обеспечить надлежащую учебную поддержку, обратную связь с обучающимися и коррекцию учебных планов.

Однако преподавателей-тьюторов и специалистов по погружению, которые могли бы предоставить полезный и актуальный опыт профессионального обучения для персонала, занимающегося погружением, не хватает. В дополнение к профессиональному развитию, связанному с разработкой учебных программ и педагогических методик, необходимо постоянное сопровождение со стороны специалистов в области информационных технологий.

Использование этих технологий в образовательных организациях может быть очень дорогостоящим, что усугубляет цифровую пропасть. Поскольку технологии все еще на относительно ранней стадии освоения, их новизна или богатство восприятия могут отвлекать обучающихся от результатов обучения. Их внедрение также может привести к дополнительной когнитивной нагрузке, поскольку обучающиеся должны будут сначала научиться пользоваться технологиями, прежде чем смогут использовать их для достижения своих целей.

Серьезные проблемы связаны не только с уровнем материально-технического обеспечения вуза, но и с подбором программной оболочки для использования уже готовых (что маловероятно) или разработки необходимых цифровых образовательных ресурсов, соответствующих требованиям действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования.

Необходимы исследования в области иммерсивного образования по эффективной его интеграции в учебный процесс, влиянию на результаты обучения и стратегиям преодоления барьеров на пути развития высшего образования. Их цель состоит в том, чтобы определить устойчивые подходы к ознакомлению педагогов и обучающихся с такими технологиями, обеспечивая равные возможности для всех заинтересованных сторон.

Уже сегодня можно с уверенностью констатировать, что иммерсивные технологии в образовании играют важную роль в современной педагогике, предлагая в том числе ряд когнитивных преимуществ:

- повышенную когнитивную гибкость и дивергентное мышление. Обучающиеся становятся творческими мыслителями, способными предложить ряд обоснованных решений проблемы;

– повышенный контроль внимания и исполнительский контроль. Это означает, что обучающиеся лучше сосредотачиваются на задачах и выполняют их. У них лучше развита память, они лучше реагируют на ситуации и принимают разумные решения, а также более уверены в своих выводах;

– повышение мотивации обучающихся.

Иммерсивное обучение не ограничивается мирами виртуальной, дополненной и смешанной реальности. Любое активное или интерактивное действие с участием обучающихся – это погружение в мир по сценарию, заданному или созданному в процессе обучения. Этот сценарий может быть реализован в сконструированном мире как в электронном виде, так и на месте. Руководствуясь определением «иммерсивная учебная среда» [1], необходимо реализовать подход, который объединяет методы, сценарии и программные средства в один комплекс, называемый «иммерсивный университет». Особенностью предлагаемой модели является возможность тестировать инструменты иммерсивного обучения на основе отзывов пользователей и изучения их поведения. В результате создается полный цикл для каждого компонента иммерсивного обучения «разработка – пробный до-ступ – тестирование – улучшение – внедрение». Согласно иммерсивной модели вуз должен предоставлять обучающимся условия для глубокого погружения в свою академическую сферу, что способствует наиболее полной реализации их

способностей [3; 11]. Данная концепция направлена на формирование у курсантов и слушателей комплекса знаний и навыков, актуальных для их будущей профессии. Ключевым условием практической реализуемости этой модели является высокий уровень цифровых компетенций как преподавательского состава, так и обучающихся.

Иммерсивное образование представляет собой инновационный педагогический подход, в котором для создания увлекательного и интерактивного процесса используются иммерсивные технологии. При этом максимальная эффективность достигается за счет грамотного сочетания различных цифровых инструментов в зависимости от этапа обучения.

Несмотря на растущую популярность этих технологий в образовании, остается неясным, как профессорско-преподавательский состав, сотрудники учебного отдела, подразделений технических средств обучения и обучающиеся, особенно на уровне высшего образования, могут быть устойчиво ознакомлены с этой технологией для обеспечения равных возможностей для всех заинтересованных сторон.

Последующие исследования по интеграции таких технологий в образовательные организации могут помочь выявить эффективные подходы к внедрению технологий погружения в различные академические области, оценить их непреходящее влияние на образовательные достижения и преодоление препятствий.

Литература

1. **Акапьев В.Л., Дунаев Р.А., Ковалева Е.Г.** К вопросу о разработке виртуального симулятора киберугроз // *Bulletin of Art and Education*. – 2025. – № 7. – С. 289–300.
2. Making Sense of Reality: A Mapping of Terminology Related to Virtual Reality, Augmented Reality, Mixed Reality, XR and the Metaverse / S. Laato et al // *Proceedings of the 57th Hawaii International Conference on System Sciences*. Presented at the Hawaii International Conference on System Sciences. – 2024. – P. 6625–6634.
3. **Акапьев В.Л., Савотченко С.Е.** Геймификация в электронном образовании // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Проблемы высшего образования. – 2025. – № 3. – С. 19–23.
4. **Акапьев В.Л., Дрога А.А., Савотченко С.Е.** Пути повышения эффективности консультационной работы с обучающимися с целью формирования их профессиональной компетентности // *Инновации в образовании*. – 2016. – № 11. – С. 5–15.
5. Virtual and augmented reality for environmental sustainability: a systematic review / L.D. Cosio et al // *Proceedings of the 2023 chi conference on human factors in computing systems*. – 2023. – P. 1–23.
6. **Зубова О.А.** Как отличить геймификацию от обучающей игры // *Евразийский научный журнал*. – 2022. – № 3. – С. 38–40.
7. **Акапьев В.Л., Савотченко С.Е.** Организационно-правовые проблемы организации электронного обучения в процессе формирования профессиональных компетентностей // *Право и образование*. – 2024. – № 5. – С. 4–14.
8. **Mayer R.E., Makransky G., Parong J.** The Promise and Pitfalls of Learning in Immersive Virtual Reality // *Int. J. Human-Computer Interact.* – 2023. – V. 39. – P. 2229–2238.
9. **Lawson A., Martella A.M.** Critically reflecting on the use of immersive virtual reality in educational settings: What is known and what has yet to be shown? // *J. Appl. Learn. Teach.* – 2023. – V. 6. – № 2. – P. 121–133.
10. Immersive University Model: A Tool to Increase Higher Education Competitiveness / A. Artyukhov et al // *Sustainability*. – 2023. – V. 15 (10). – P. 7771.
11. **Brown E., Cairns P.A.** Grounded Investigation of Game Immersion // *Proceedings of the CHI '04 Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*. – 2004. – P. 1297–1300.

References

1. **Akap'ev V.L., Dunaev R.A., Kovaleva E.G.** K voprosu o razrabotke virtual'nogo simulyatora kiberugroz // Bulletin of Art and Education. – 2025. – № 7. – S. 289–300.
2. Making Sense of Reality: A Mapping of Terminology Related to Virtual Reality, Augmented Reality, Mixed Reality, XR and the Metaverse / S. Laato et al // Proceedings of the 57th Hawaii International Conference on System Sciences. Presented at the Hawaii International Conference on System Sciences. – 2024. – P. 6625–6634.
3. **Akap'ev V.L., Savotchenko S.E.** Geimifikatsiya v elektronnom obrazovanii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya. – 2025. – № 3. – S. 19–23.
4. **Akap'ev V.L., Droga A.A., Savotchenko S.E.** Puti povysheniya effektivnosti konsul'tatsionnoi raboty s obuchayushchimisya s tsel'yu formirovaniya ikh professional'noi kompetentnosti // Innovatsii v obrazovanii. – 2016. – № 11. – S. 5–15.
5. Virtual and augmented reality for environmental sustainability: A systematic review / L.D. Cosio et al // Proceedings of the 2023 chi conference on human factors in computing systems. – 2023. – P. 1–23.
6. **Zubova O.A.** Kak otlichit' geimifikatsiyu ot obuchayushchei igry // Evraziiskii nauchnyi zhurnal. – 2022. – № 3. – S. 38–40.
7. **Akap'ev V.L., Savotchenko S.E.** Organizatsionno-pravovye problemy organizatsii elektronnoogo obucheniya v protsesse formirovaniya professional'nykh kompetentnostei // Pravo i obrazovanie. – 2024. – № 5. – С. 4–14.
8. **Mayer R.E., Makransky G., Parong J.** The Promise and Pitfalls of Learning in Immersive Virtual Reality // Int. J. Human-Computer Interact. – 2023. – V. 39. – P. 2229–2238.
9. **Lawson A., Martella A.M.** Critically reflecting on the use of immersive virtual reality in educational settings: What is known and what has yet to be shown? // J. Appl. Learn. Teach. – 2023. – V. 6. – № 2. – P. 121–133.
10. Immersive University Model: A Tool to Increase Higher Education Competitiveness / A. Artyukhov et al // Sustainability. – 2023. – V. 15 (10). – P. 7771.
11. **Brown E., Cairns P.A.** Grounded Investigation of Game Immersion // Proceedings of the CHI '04 Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems. – 2004. – P. 1297–1300.

(статья сдана в редакцию 03.12.2025)

**Психолого-педагогические основы физической подготовки
сотрудников полиции**

**Psychological and pedagogical foundations of police officers'
physical training**

УДК 796

А.В. Апальков,

кандидат педагогических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
alexandr.apalkov@yandex.ru

Aleksandr V. Apalkov,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Н.А. Алексеев,

профессор
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
alexejev@yandex.ru

Nikolay A. Alekseev,

Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в правовом государстве роль полиции всегда была и остается основополагающей. Сотрудники правоохранительных органов являются ключевым звеном обеспечения законности и правопорядка. Однако, чтобы быть эффективными в профессии, им необходимо быть готовыми к физическим и психологическим вызовам, с которыми сотрудники полиции сталкиваются в своей служебной деятельности. В статье авторы рассматривают основные аспекты психолого-педагогических основ физической подготовки сотрудников полиции, акцентируя внимание на необходимости интеграции психологических знаний и педагогических принципов в процессе обучения. Особое внимание уделяется роли психологической подготовки в формировании стрессоустойчивости и эмоциональной стабильности. Педагогические аспекты рассматриваются через призму индивидуального подхода к обучению. Учитываются различный уровень подготовки, психоэмоциональное состояние и мотивационные факторы. Авторы приходят к выводу о важности физической подготовки как комплексного процесса, основанного на психолого-педагогических принципах, учитывающего специфику профессиональной деятельности и направленного на формирование личности, способной эффективно выполнять служебные задачи в экстремальных условиях. Выводы подтверждаются результатами проведенного анкетирования 79 слушателей факультета заочного обучения Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.

Ключевые слова: физическая активность; физическая подготовка; сотрудники полиции; боевые приемы борьбы; эмоциональное напряжение

Для цитирования: Апальков А.В., Алексеев Н.А. Психолого-педагогические основы физической подготовки сотрудников полиции // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 112–117.

Abstract: in a state governed by the rule of law, the role of the police has always been and remains fundamental. Law enforcement officers are key to maintaining law and order. However, to be effective in their profession, they must be prepared for the physical and psychological challenges they face in their work. In this article, the authors examine the key aspects of the psychological and pedagogical foundations of police physical training, emphasizing the need to integrate psychological knowledge and pedagogical principles into the training process. Particular attention is paid to the role of psychological training in developing stress resistance and emotional stability. Pedagogical aspects are considered through the prism of an individualized approach to training. Different levels of training, psycho-emotional states, and motivational factors are taken into account. The authors conclude that physical training is important as a comprehensive process based on psychological and pedagogical principles, taking into account the specifics of professional activity, and aimed at developing individuals capable of effectively performing official duties in extreme conditions. The findings are confirmed

by the results of a survey of 79 students of the correspondence course in Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.

Keywords: physical activity; physical training; police officers; combat fighting techniques; emotional stress

For citation: Apalkov A.V., Alekseev N.A. Psychological and pedagogical foundations of police officers' physical training // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 112–117.

В современном обществе роль сотрудников полиции становится все более значимой и неотъемлемой. В прошлом полицейская деятельность чаще всего ассоциировалась с мужчинами, но сегодня женщины наравне с мужчинами служат в различных подразделениях территориальных органов МВД России. Они показывают хорошие результаты в практической деятельности и свою профессиональную пригодность подтверждают компетентностью при выполнении служебных обязанностей – от патрулирования улиц до участия в расследовании преступлений.

Однако, чтобы быть эффективными в своей профессии, сотрудники полиции, включая девушек, должны быть готовыми к физическим и психологическим вызовам, с которыми они сталкиваются в своей повседневной работе.

Одной из основных целей обучения технике применения боевых приемов для сотрудников полиции является обеспечение их личной безопасности и защиты граждан. Техника применения боевых приемов позволяет сотрудникам полиции эффективно реагировать на агрессивные действия и обезвредить правонарушителей с минимальным риском для себя и окружающих [1].

Обучение технике применения боевых приемов помогает развить уверенность в своих силах и способность эффективно действовать в ситуациях, требующих самозащиты и защиты граждан.

Физическая активность не только способствует физиологическим изменениям, но также оказывает положительное воздействие на психологическое состояние, что является важным аспектом для сотрудников, в том числе выполняющих служебные обязанности в особых условиях.

Организация профессиональной служебной и физической подготовки для сотрудников полиции – это обязательные занятия, которые должны проводиться с 1 февраля по 31 декабря ежегодно. Обучение осуществляют руководители учебных групп из числа руководителей (начальников) структурных подразделений, органов, организаций, подразделений МВД России. Они устанавливают дни недели, время и место проведения занятий по физической подготовке в зависимости от темы занятия [2; 3].

Расчет времени на занятия по физической подготовке за указанный период планируется не менее 100 часов для базового и усиленного уровня.

Из этого количества времени 60 часов отводится на боевые приемы борьбы, на общую физическую подготовку – 30 часов и спортивные игры – 10 часов¹.

Для сотрудников, относящихся к специальному уровню, необходимо выделять не менее 150 часов на занятия по физической подготовке. Всего 70 часов отводится на общую физическую подготовку, из них на спортивные игры – 10 часов. На изучение боевых приемов борьбы выделяется 50 часов, на тактику применения боевых приемов борьбы – не менее 30 часов².

Проведение занятий по физической подготовке в виде самостоятельной работы допускается для базового уровня по общей физической подготовке не более 20 часов. Для усиленного и специального уровня по общей физической подготовке – не более 10 часов. Практические занятия по физической подготовке проводятся не реже одного раза в неделю. Эти занятия организуются в служебное время. Если сотрудники пропускают занятие по причине выполнения ими служебных обязанностей, тогда занятие проводится в другой день недели, в который они свободны. Форма одежды для проведения таких занятий устанавливается в зависимости от темы занятия и погодных условий³.

Темы занятий по физической подготовке с сотрудниками полиции подбираются с учетом направления оперативно-служебной деятельности.

Подразделения по работе с личным составом организуют обучение и контроль за проведением занятий по профессиональной служебной и физической подготовке сотрудников, привлекаемых к выполнению оперативных и служебных задач в особых условиях⁴.

Физическая подготовка сотрудников основывается на психолого-педагогических принципах,

¹ Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 30.06.2025).

² Там же.

³ Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 30.06.2025).

⁴ Там же.

которые помогают эффективно развивать физические качества и совершенствовать боевые приемы борьбы [1]. Для проведения занятий по физической подготовке необходимо соблюдать следующие общепедагогические принципы физического воспитания:

– *принцип доступности и индивидуализации.* Необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого сотрудника, включая физическую подготовку, здоровье и цели. Это позволит создать оптимальные условия для развития и достижения успеха;

– *принцип осознанности.* Необходимо стимулировать сотрудников, чтобы они были заинтересованы в занятиях по физической подготовке. Это может быть достигнуто через постановку целей, поощрение достижений и создание поддерживающей атмосферы;

– *принцип систематичности и последовательности.* Физическая подготовка – постепенный и последовательный процесс. Нагрузка должна увеличиваться постепенно, чтобы сотрудники могли приспособиться и развиваться без риска получения травм.

Педагогические принципы играют важную роль в физической подготовке сотрудников. Они подразумевают правильное объяснение и демонстрацию упражнений, обеспечение безопасности и предоставление обратной связи для улучшения техники и результатов тренировок [4].

Программа занятий по физической подготовке должна включать в себя разнообразные виды физической активности. Это помогает развивать различные физические качества, такие как сила, выносливость, гибкость, быстрота, ловкость. Говоря о физической подготовке, необходимо отметить и обеспечение безопасности сотрудников во время занятий. Это включает правильную технику выполнения упражнений, использование соответствующего оборудования и контроль над состоянием здоровья сотрудников.

Регулярная оценка физической подготовки и предоставление обратной связи помогают сотрудникам отслеживать свой прогресс и вносить коррективы в тренировочную программу.

Одной из главных целей физической подготовки является развитие эмоциональной стабильности и стрессоустойчивости, поскольку служба в полиции связана с высоким уровнем стресса и эмоциональной напряженностью. Психологическая подготовка помогает сотрудникам научиться эффективно управлять своими эмоциями, сохранять спокойствие и принимать решения в сложных ситуациях.

Также психологическая подготовка включает тренировку психологической устойчивости и принятия решений в экстремальных ситуациях. Со-

трудники полиции должны быть готовы к быстрому принятию решений и действовать в соответствии с положениями нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел. Психологическая подготовка помогает развить навыки анализа ситуации, принятия решений в экстремальной ситуации и эффективного реагирования на различные вызовы [2; 5].

Психологическая подготовка включает в себя также и работу в таких направлениях, как:

1. *Эмоциональная стабильность.* Психологическая подготовка помогает сотрудникам полиции развить способность контролировать свои эмоции в стрессовых ситуациях, что позволяет им принимать обдуманные и правомерные решения.

2. *Управление стрессом.* Служебная деятельность сотрудников полиции непредсказуема и требует принятия правомерных решений в ситуациях с ограниченным количеством времени. Психологическая подготовка помогает сотрудникам полиции контролировать уровень стресса, чтобы эффективно принимать решения в экстремальных условиях [6].

3. *Развитие коммуникативных навыков.* Важной составляющей деятельности сотрудников органов внутренних дел является коммуникация с гражданами и коллегами. Психологическая подготовка помогает развить навыки активного слушания и умения выстраивать конструктивный диалог.

Кроме того, психологическая подготовка также включает развитие коммуникативных навыков и умения эффективно взаимодействовать с людьми. Сотрудники полиции должны уметь установить контакт с гражданами, общаться с ними и решать конфликтные ситуации. Психологическая подготовка способствует развитию у сотрудников таких качеств, как эмпатия, понимание, сострадание, коммуникабельность, которые помогают взаимодействовать с обществом [7].

Физическая активность способствует улучшению психологического состояния сотрудников. Регулярные тренировки помогают снять стресс и напряжение, улучшают настроение и влияют на коммуникативные качества сотрудников [2]. Это происходит благодаря нескольким факторам.

Во-первых, необходимо отметить, что физическая активность стимулирует выработку эндорфинов (гормонов счастья) в организме. Эндорфины приводят к появлению положительных эмоций и ощущения благополучия. Это помогает улучшить общее самочувствие и снизить уровень стресса и тревоги.

Во-вторых, физическая активность улучшает кровообращение и процесс окисления тканей, включая головной мозг. Это способствует улучшению когнитивных функций, таких как концентрация, память и мышление. В результате

сотрудники демонстрируют более высокую работоспособность и эффективность в ходе выполнения своих служебных обязанностей [4; 8].

В-третьих, физическая активность предоставляет возможность отвлечься от повседневных служебных задач и забот. Во время тренировок основное внимание сосредоточено на технике выполнения упражнений, что способствует уменьшению уровня тревожности.

Таким образом, психологический аспект физической подготовки сотрудников полиции заключается в улучшении эмоционального состояния, снятии стресса и напряжения, повышении уровня энергии.

Занятия физической подготовкой сотрудниками полиции имеют ряд физиологических преимуществ. Регулярные тренировки укрепляют сердечно-сосудистую систему, улучшают работу легких и повышают выносливость. Кроме того, физическая активность помогает контролировать вес и предотвращает развитие ожирения, что является важным аспектом для поддержания здоровья. Физическая подготовка сотрудников полиции оказывает положительное воздействие и на их физиологическое состояние.

Следует отметить, что физическая подготовка должна быть адаптирована к индивидуальным потребностям и физической способности каждого сотрудника полиции. При индивидуальном подходе необходимо учитывать возраст занимающихся, физическую подготовленность, медицинские показатели здоровья [4].

Важным аспектом физической подготовки сотрудников полиции является самозащита без оружия. В связи с тем, что сотрудники полиции могут столкнуться с опасными и насильственными ситуациями в своей работе, владение техникой применения боевых приемов борьбы является необходимым элементом профессиональной подготовки [9].

Одним из ключевых аспектов психолого-педагогических основ физической подготовки является индивидуальный подход к каждому сотруднику. С учетом различий в физической подготовленности, интересах и целях преподавателям необходимо адаптировать нагрузку под каждого обучающегося [3; 7]. Психологические и педагогические основы физической подготовки могут быть использованы для стимулирования интереса и мотивации к физической активности. Это может включать установление целей, создание благоприятной атмосферы и поощрение достижений [2].

Мы отметили актуальность занятий физической подготовкой для сотрудников полиции и провели анкетирование слушателей факультета заочного обучения Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.

Общее количество слушателей, принимавших участие в опросе, составило 79 сотрудников. Респондентам предлагалось ответить на девять вопросов.

В предложенной анкете опрашиваемые должны были указать свой стаж службы в органах внутренних дел Российской Федерации и то, к какой категории относится должность, которую они занимают. 18 респондентов (23%) сообщили, что их стаж составляет до 5 лет, 49 (62%) – от 5 до 10 лет, 12 (15%) – более 10 лет. Что касается должности опрашиваемых, то девять респондентов (11,4%) ответили, что являются руководителями, 70 (88,6%) – исполнителями.

Отвечая на вопрос о том, какая нагрузка преобладает в их служебной деятельности, большинство (51 опрошенный, или 64,55%) указали, что их деятельность связана как с психологической, так и с физической нагрузкой. 25 респондентов (31,65%) отметили, что их служебная деятельность скорее связана с психологической нагрузкой. И трое опрошенных (3,8%) указали на преобладание физической нагрузки.

Также в ходе анкетирования слушателей факультета заочного обучения выяснилось, что большинство (53 респондента, или 67%) считают, что требования по организации физической подготовки для сотрудников органов внутренних дел соответствуют стоящим перед ним вызовам. Однако значительная часть (26 анкетизируемых, или 33%) не согласны.

На вопрос, имеется ли у опрашиваемых практика силового задержания правонарушителя, 68 респондентов (87%) ответили положительно, 11 анкетизируемых (33%) не имеют данной практики.

На частую необходимость применения физической силы сотрудниками органов внутренних дел указали 26 опрашиваемых (33%). 46 респондентов (58%) отметили, что применяют редко. И лишь семи человекам (9%) не приходилось ее использовать.

На вопрос, какие виды боевых приемов борьбы приходилось применять при задержании преступников (можно было выбирать несколько ответов, но не более трех), 49 респондентов (62%) ответили, что используют приемы задержания (различные виды перехода на загиб руки за спину) в чистом виде, 35 человек (44%) выполняют захваты и обхваты. Комбинированной техникой пользуются 28 опрошенных (35%). 24 респондента (30%) наносят удары, удушающими приемами пользуются 22 человека (28%). Броски выполняют 12 респондентов (15%), и двое опрошенных (3%) не применяли ни один из видов боевых приемов борьбы.

Далее респондентам предстояло выбрать приоритетные направления при задержании правонарушителей. Результаты оказались довольно

показательными. Применение физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, стало самым распространенным ответом. 55 человек (70%) выбрали этот вариант. Применение специальных средств также является важным инструментом, на что указали 12 респондентов (15%). Применение и использование огнестрельного оружия выбрали лишь двое опрошенных (3%). 10 анкетированных (12%) затруднились ответить на этот вопрос.

При ответе на последний вопрос, касающийся приоритетов в физической подготовке сотрудников полиции для эффективного задержания правонарушителей, большинство респондентов (65 человек, или 82,3%) склоняются к тому, что всем трем направлениям – психоэмоциональной готовности к силовому противостоянию, технике боевых приемов борьбы и развитию физических качеств (силы, выносливости, ловкости и гибкости) – следует уделять одинаковое внимание.

Меньшее количество опрошенных предпочли бы усилить подготовку по отдельным аспектам:

- психоэмоциональной готовности к силовому противостоянию отдали предпочтение пять респондентов (6,3%);

- развитию физических качеств – шесть человек (7,6%);

- технической подготовке по применению боевых приемов борьбы – три респондента (3,8%).

Подведем итог. Психологическая и физическая подготовка сотрудников полиции является ключевым аспектом их профессиональной деятельности. Физическая тренировка, психологическая подготовка и обучение технике самозащиты помогают сотрудникам органов внутренних дел стать эффективными в своей работе. Они смогут успешно справляться с вызовами и обеспечивать безопасность в нашем обществе.

Анкетирование, которые мы проводили среди действующих сотрудников полиции, наглядно демонстрирует необходимость совершенствования физической и психологической подготовки сотрудников полиции. Исходя из результатов анкетирования и бесед, которые проводились с действующими сотрудниками полиции территориальных органов внутренних дел Российской Федерации, необходима более качественная подготовка к применению физической силы и боевых приемов борьбы. Этот процесс в территориальных органах следует организовывать на постоянной основе, и у руководителей учебных групп должны быть сформированы необходимые компетенции для методики организации такого рода занятий.

Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что у 87% респондентов имеется практика силового задержания правонарушителя. Из 79 рес-

пондентов 55 (70%) указывают на то, что приоритетным направлением при задержании правонарушителя является применение физической силы и боевых приемов борьбы. 12 (15%) сотрудников отметили применение специальных средств, и двое (3%) человек из числа всех опрошенных считают, что приоритетным является применение и использование огнестрельного оружия. 10 респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Это 12% из общего числа опрошенных. 82,3% респондентов считают, что для более качественной работы по задержанию правонарушителя сотрудниками органов внутренних дел первоочередное внимание на занятиях по физической подготовке необходимо уделять развитию физических качеств, психоэмоциональной и технической подготовке в равной степени.

Выводы, представленные в данной работе, подчеркивают важность психологической и физической подготовки сотрудников и ее влияние на эффективность деятельности полицейских. Физическая подготовка необходима сотрудникам полиции для выполнения задач, связанных с задержанием правонарушителей. Она направлена на развитие физических качеств и совершенствование боевых приемов борьбы. Регулярные тренировки способствуют поддержанию оптимальной физической формы, что, в свою очередь, повышает уровень владения приемами самозащиты без оружия и способствует обеспечению безопасности как в процессе задержания правонарушителей, так и в повседневных ситуациях. Психологическая подготовка также играет важную роль. Специальные программы помогают сотрудникам полиции развивать эмоциональную устойчивость, контроль над стрессом, умение принимать решения в экстремальных ситуациях и эффективно взаимодействовать с окружающими. Это особенно важно в профессии полицейского, где часто приходится сталкиваться с конфликтными и опасными ситуациями.

Таким образом, сочетание физической и психологической подготовки, включая обучение технике самозащиты, позволяет сотрудникам органов внутренних дел быть готовыми к различным вызовам и обеспечивать безопасность в обществе.

В целом психолого-педагогические основы физической подготовки сотрудников полиции являются ключевым элементом их профессиональной подготовки. Последовательное развитие физических и психологических навыков позволяет им успешно справляться с вызовами и обеспечивать безопасность в обществе, что делает их эффективными и надежными в своей работе.

Литература

1. **Сестраков А.Н., Довгань Е.А., Петров М.В.** Актуальные вопросы совершенствования служебно-боевой подготовки сотрудников в органах внутренних дел / Актуальные вопросы совершенствования служебно-боевой подготовки сотрудников в органах внутренних дел: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Волгодонск, 27 сентября 2019 года / отв. ред. В.П. Полуниин, Д.А. Ананкин. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – 118 с.
2. **Ушенин А.И., Оруджев А.М., Гамидуллаев Р.И.** Теоретические и прикладные проблемы в области физической подготовки сотрудников МВД России / Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник статей Всероссийского круглого стола, Орел, 24 июня 2021 г. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2021. С. 208–213.
3. **Смородина В.А., Миронкина О.Н., Косолапов А.Д.** Основы организации работы руководителя органа (подразделения) внутренних дел с личным составом: методические рекомендации. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 108 с.
4. Физическая подготовка обучающихся образовательных организаций МВД России: курс лекций / Д.А. Платонов, Д.Г. Морев, А.Ю. Шалагин [и др.]. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2017. – 152 с.
5. Морально-психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел / А.А. Алексеев, И.Ю. Кобозев, О.Н. Миронкина [и др.] / Организация работы с личным составом органов внутренних дел. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 154–337.
6. **Алексеев Н.А., Кулиничев А.Н., Воротник А.Н., Чернявский Д.Р.** Анализ организации физической подготовки сотрудников ОВД, обучающихся по программам заочного обучения в системе МВД России // Экстремальная деятельность человека. – 2024. – № 4 (70). – С. 8–13.
7. **Муханов Ю.В., Лопатин И.И., Копылова Т.Ю., Хромова А.В.** Психолого-педагогические условия формирования мотивации курсантов образовательных организаций МВД России к занятиям по физическому воспитанию и физическому самосовершенствованию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2018. – Т. 8. № 3 (28). – С. 147–154.
8. **Душкин А.С., Трипутин С.Н., Витольник Г.А.** Педагогические основы воспитательной работы в органах внутренних дел. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 128 с.
9. Личная безопасность в деятельности сотрудников органов внутренних дел / А.А. Кочин, В.В. Горбатов, С.А. Горелов [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – 124 с.
10. **Баркалов С.Н., Бакин А.В., Кузнецов А.Ф.** Концептуальные аспекты системы физической подготовки в органах внутренних дел и пути совершенствования ее нормативного обеспечения // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – № 4 (63). – С. 11–16.

References

1. **Sestakov A.N., Dovgan' E.A., Petrov M.V.** Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya sluzhebno-boevoi podgotovki sotrudnikov v organakh vnutrennikh del / Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya sluzhebno-boevoi podgotovki sotrudnikov v organakh vnutrennikh del: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Volgodonsk, 27 sentyabrya 2019 goda / отв. red. V.P. Polunin, D.A. Anankin. – Rostov-na-Donu: Rostovskii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni V.V. Luk'yanova, 2019. – 118 s.
2. **Ushenin A.I., Orudzhev A.M., Gamidullaev R.I.** Teoreticheskie i prikladnye problemy v oblasti fizicheskoi podgotovki sotrudnikov MVD Rossii / Sovershenstvovanie fizicheskoi podgotovki sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: sbornik statei Vserossiiskogo kruglogo stola, Orel, 24 iyunya 2021 g. – Orel: Orlovskii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni V.V. Luk'yanova, 2021. S. 208–213.
3. **Smorodina V.A., Mironkina O.N., Kosolapov A.D.** Osnovy organizatsii raboty rukovoditelya organa (podrazdeleniya) vnutrennikh del s lichnym sostavom: metodicheskie rekomendatsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2022. – 108 s.
4. Fizicheskaya podgotovka obuchayushchikhsya obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii: kurs lektsii / D.A. Platonov, D.G. Morev, A.Yu. Shalagin [i dr.]. – Moskva: Moskovskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni V.Ya. Kikotya, 2017. – 152 s.
5. Moral'no-psikhologicheskoe obespechenie operativno-sluzhebnoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del / A.A. Alekseev, I.Yu. Kobozev, O.N. Mironkina [i dr.] / Organizatsiya raboty s lichnym sostavom organov vnutrennikh del. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2018. S. 154–337.
6. **Alekseev N.A., Kulichnev A.N., Vorotnik A.N., Chernyavskii D.R.** Analiz organizatsii fizicheskoi podgotovki sotrudnikov OVD, obuchayushchikhsya po programmam zaochnogo obucheniya v sisteme MVD Rossii // Ekstremal'naya deyatel'nost' cheloveka. – 2024. – № 4 (70). – S. 8–13.
7. **Mukhanov Yu.V., Lopatin I.I., Kopylova T.Yu., Khromova A.V.** Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya motivatsii kursantov obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii k zanyatiyam po fizicheskomu vospitaniyu i fizicheskomu samovershenstvovaniyu // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. – 2018. – T. 8. № 3 (28). – S. 147–154.
8. **Dushkin A.S., Triputin S.N., Vitol'nik G.A.** Pedagogicheskie osnovy vospitatel'noi raboty v organakh vnutrennikh del. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2020. – 128 s.
9. Lichnaya bezopasnost' v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del / A.A. Kochin, V.V. Gorbatov, S.A. Gorelov [i dr.]. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2018. – 124 s.
10. **Barkalov S.N., Bakin A.V., Kuznetsov A.F.** Kontseptual'nye aspekty sistemy fizicheskoi podgotovki v organakh vnutrennikh del i puti sovershenstvovaniya ee normativnogo obespecheniya // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2015. – № 4 (63). – S. 11–16.

(статья сдана в редакцию 09.06.2025)

**Зарубежный опыт профессиональной служебной
и физической подготовки полицейских инструкторов
в контексте российских проблем**

**Foreign experience of police instructors' professional service
and physical training in the context of Russian challenges**

УДК 351.74:37.013

С.В. Кузнецов,

кандидат психологических наук, доцент
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
wolf09111965@rambler.ru

Sergey V. Kuznetsov,

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor
(Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhniy Novgorod, Russia)

А.Н. Кулиничев,

кандидат педагогических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
kulinichev.andrei@yandex.ru

Andrey N. Kulinichev,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ структуры подготовки полицейских инструкторов в США, Канаде, Великобритании, Германии и Франции в контексте системных проблем, характерных для МВД России. Цель анализа – выявить потенциально применимые модели и практики, которые будут способствовать повышению эффективности подготовки инструкторов в России. Рассматриваются кадровые, ресурсные, организационные и нормативно-методические ограничения. Авторы определяют ключевое противоречие российской системы, заключающееся в дилемме – наличии инструкторов-практиков, обладающих опытом, но лишенных педагогических навыков, с одной стороны, и инструкторов-спортсменов, владеющих методикой, но не имеющих реального служебного опыта, – с другой. Анализируются зарубежные модели решения этой проблемы, включая «формализацию практики» (США), «двойную компетенцию» (Великобритания) и «интеграцию и специализацию» (Германия). Особое внимание уделяется многоуровневой системе поддержания навыков, включающей непрерывное профессиональное развитие, сценарно ориентированное обучение и распределение ответственности между линейными руководителями и различными категориями инструкторов. В заключение авторы формулируют рекомендации по адаптации зарубежного опыта, акцентируя внимание на необходимости повышения статуса инструктора, внедрении обязательного педагогического компонента и изучении британской и американской моделей для реформирования отечественной системы подготовки кадров.

Ключевые слова: подготовка полицейских инструкторов; зарубежный опыт; профессиональная подготовка полиции; статус инструктора; компетенции инструктора; инструктор-наставник; сценарно ориентированное обучение; непрерывное профессиональное развитие

Для цитирования: Кузнецов С.В., Кулиничев А.Н. Зарубежный опыт профессиональной служебной и физической подготовки полицейских инструкторов в контексте российских проблем // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 118–123.

Abstract: this article provides a comparative analysis of the structure of police instructor training in the United States, Canada, Great Britain, Germany, and France in the context of systemic problems specific to the Russian Ministry of Internal Affairs. The purpose of the analysis is to identify potentially applicable models and practices that could contribute to increasing the effectiveness of instructor training in Russia. Personnel, resource, organizational, and regulatory/methodological limitations are examined. The authors identify a key contradiction in the Russian system, which consists of a dilemma between practicing instructors with experience but lacking pedagogical skills, on the one hand, and instructors-athletes with knowledge of the methodology but lacking real-world service

experience, on the other. International models for addressing this problem are analyzed, including “formalization of practice” (USA), “dual competence” (Great Britain), and “integration and specialization” (Germany). Particular attention is paid to a multi-level system of skills maintenance, including continuous professional development, scenario-based learning, and the distribution of responsibility between line managers and different categories of instructors. In conclusion, the authors formulate recommendations for adapting international experience, emphasizing the need to enhance the status of instructors, introduce a mandatory pedagogical component, and study British and American models for reforming the domestic training system.

Keywords: police instructor training; international experience; police professional training; instructor status; instructor competencies; instructor-mentor; scenario-based learning; continuous professional development

For citation: Kuznetsov S.V., Kulinichev A.N. Foreign experience of police instructors’ professional service and physical training in the context of Russian challenges // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 118–123.

Анализ проблем подготовки инструкторов по огневой и физической подготовке в системе МВД России вскрывает ряд системных противоречий, имеющих как организационный, так и содержательный характер. В качестве центральной проблемы выступает «низкая эффективность системы подготовки инструкторов и, как следствие, недостаточный уровень подготовленности личного состава» [1]. Основными аспектами рассматриваемого вопроса являются такие ограничения, как кадровые, ресурсные, организационные и нормативно-методические, а именно:

- текучесть кадров (инструкторы часто уходят на вышестоящие или менее загруженные должности);
- низкая мотивация (должность инструктора воспринимается как дополнительная нагрузка без существенных преимуществ);
- несоответствие квалификации (на должность назначаются сотрудники, сильные в своей дисциплине, но не имеющие каких-то педагогических навыков. В нормативных требованиях к инструктору не прописана обязательная психолого-педагогическая подготовка);
- горящие ставки (должности инструкторов часто остаются вакантными или замещаются по совместительству, что снижает качество подготовки);
- дефицит инфраструктуры (системная нехватка или изношенность тиров, полигонов, спортзалов, особенно в малых и территориально удаленных подразделениях);
- устаревшая материальная база (отсутствие современных интерактивных тренажеров, тактических манекенов, симуляторов);
- бюджетные лимиты (ограничения на расход боеприпасов для тренировок, закупку инвентаря, оплату командировок на курсы);
- перегруженность личного состава (невозможность отрыва сотрудников от текущей службы для регулярных занятий);
- формализм (формальное проведение занятий с акцентом на сдаче нормативов, а не на реальном повышении мастерства);

– слабая интеграция (физическая, огневая и тактико-специальная подготовка существуют как отдельные, не связанные друг с другом дисциплины (направления, модули подготовки));

– логистические сложности (трудности с организацией централизованных курсов для сотрудников из отдаленных регионов Крайнего Севера и Дальнего Востока);

– жесткость программ (типовые программы не всегда учитывают специфику задач конкретного подразделения или региона);

– ограничения безопасности (требования по охране труда и безопасности при проведении стрельб затрудняют моделирование по-настоящему стрессовых и реалистичных сценариев).

В этом контексте в статье авторы ставят целью рассмотреть, как аналогичные вызовы решаются в правоохранительных системах ведущих зарубежных стран (США, Канада, Великобритания, Германия, Франция), и выявить потенциально применимые модели и практики.

Основополагающим различием между российской и многими зарубежными системами является децентрализация и вариативность последних. В то время как в России прослеживается стремление к унификации через ведомственные образовательные организации, в зарубежных странах, таких как США и Германия, подготовка кадров полиции и, соответственно, инструкторов находится в юрисдикции отдельных штатов или земель [2].

В Соединенных Штатах отсутствует единая система. Подготовка инструкторов регламентируется на уровне штатов комиссиями по стандартам и подготовке офицеров полиции и реализуется через множество полицейских академий. Существует два основных типа академий: находящиеся в ведении правоохранительных органов и действующие при академических институтах, например колледжах [2]. Это порождает многообразие подходов – от полувоенной муштры до моделей, основанных на принципах обучения взрослых. Ключевой фигурой в передаче практического опыта

является инструктор-наставник, который сопровождает выпускника академии в первые месяцы службы [3]. Требования к инструктору-наставнику и содержание программ их подготовки значительно варьируются [3].

В Великобритании система более централизована, чем в США. Колледж полиции (*College of Policing*) устанавливает национальные стандарты для профессионального развития, включая подготовку инструкторов¹. Программа подготовки имеет практическую направленность, где до 75% времени отводится на отработку навыков. Существует четкое разделение на инструкторов по конкретным дисциплинам и тренеров, которые готовят самих инструкторов.

В Германии, как и в США, система децентрализована по федеральным землям, каждая из которых имеет свою полицию и систему ее подготовки². Обучение проходит в полицейских школах или академиях и отличается практической направленностью, обеспечивая тесную связь учебного процесса со служебной практикой [2]. Существует многоуровневая система повышения квалификации.

В Канаде организация подготовки инструкторов представляет смешанную модель. Королевская канадская конная полиция (*RCMP*) является национальной полицией и имеет собственную централизованную систему подготовки, включая 26-недельный базовый курс в академии «Депо»³. Вместе с тем в провинциях Онтарио и Квебек имеются собственные полицейские силы и, соответственно, свои системы подготовки. Особое внимание уделяется программам, основанным на проблемно ориентированном обучении, что требует от инструкторов не столько менторства, сколько фасилитации (набора инструментов, которые помогают организовать общение в группе, включить в обсуждение каждого участника, обмениваться идеями и приходиться к общим решениям) учебного процесса⁴.

Во Франции, как и России, система подготовки централизована и находится в ведении Министерства внутренних дел. Начальная подготовка длится 12 месяцев и включает как теоретические занятия в учебном заведении, так и практическую

стажировку в подразделениях под руководством наставника. Национальная жандармерия, имея двойное подчинение (Минобороны и МВД), сохраняет за собой право на осуществление начальной подготовки, что вносит свою специфику.

В России все многообразие профилей инструкторов можно условно разделить на две категории – инструкторы-практики и инструкторы-спортсмены.

Первые – это, как правило, офицеры или прапорщики, отслужившие много лет в самых «боевых» подразделениях (ОМОН, СОБР, патрульно-постовая служба, уголовный розыск). Они не изучали педагогику в вузе; их знания основаны преимущественно на боевом личном опыте, наблюдениях и приобретенных практических навыках, полученных непосредственно в ходе служебной деятельности. Их сильными сторонами выступают бесценный практический опыт, непререкаемый авторитет среди коллег, способность обучать прикладным, жизненно важным вещам. Однако им не хватает методических знаний, и их обучение носит интуитивный характер, без глубокого теоретического обоснования. Такие инструкторы могут наглядно показывать, но не могут объяснить биомеханику движения или тонкости баллистики. Им сложно работать с новичками.

Инструкторы-спортсмены прошли специализированное обучение, имеют педагогическое образование и спортивные достижения. Такие специалисты способны систематизировать и обобщать знания, владеют методикой преподавания, организации практических занятий, техникой приемов борьбы. Однако отсутствие личного опыта оперативно-служебной деятельности имеет свои недостатки – теоретические знания могут оказаться неполными и не дать нужного эффекта в реальных условиях [4].

Такое противоречие, заключающееся в дилемме – наличии инструкторов-практиков и инструкторов-спортсменов, является универсальным вызовом для всех систем. Зарубежные подходы к его решению можно свести к нескольким моделям.

Модель «Формализация практики»: этот подход, характерный для программ подготовки инструкторов-наставников в США, направлен на то, чтобы вооружить опытных практиков необходимым методическим инструментарием [3]. Специализированные курсы, такие как *Law Enforcement Instructor Training Program (LEITP)*, делают акцент на принципах обучения взрослых, методах подачи материала, разработке планов занятий и объективной оценке⁵. Цель – не научить с нуля, а структурировать уже имеющийся у практика опыт в эффективную методику.

¹ College of Policing [Электронный ресурс]. – URL: <https://collegeofpolicing-newsroom.prgloo.com/> (дата обращения: 26.01.2026).

² Deutsche Hochschule der Polizei [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dhpol.de/> (дата обращения: 26.01.2026).

³ The Royal Canadian Mounted Police [Электронный ресурс]. – URL: <https://go-eat-do.com/2021/01/the-royal-canadian-mounted-police/> (дата обращения: 26.01.2026).

⁴ Problem Based Learning [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pltw.org/pbl> (дата обращения: 26.01.2026).

⁵ Law Enforcement Instructor Training Program [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fletc.gov/law-enforcement-instructor-training-program> (дата обращения: 26.01.2026).

Модель «Двойной компетенции»: в Великобритании и Канаде от инструктора изначально требуется наличие как предметной, так и педагогической квалификации [5]. Например, Колледж полиции Великобритании устанавливает «полицейский стандарт для подготовки инструкторов», включающий навыки коммуникации, фасилитации, управления группой и применения инклюзивных практик⁶. Это означает, что на должность инструктора может претендовать офицер, уже имеющий педагогическое образование, либо он должен его получить.

Модель «Интеграция и специализация»: в Германии и Франции наблюдается стремление к интеграции педагогических знаний в общую систему полицейского образования [6]. Будущие полицейские еще на этапе базовой подготовки знакомятся с основами психологии и педагогики. Инструкторы же проходят углубленные курсы, где практический опыт дополняется современными методиками преподавания. Существует четкая специализация: инструктор по тактике, по стрельбе, по вождению.

Проблема низкого статуса и отсутствия карьерных перспектив у инструкторов, ведущая к кадровому дефициту, решается за рубежом комплексно.

В США работа в качестве инструктора-наставника часто рассматривается как необходимый этап для дальнейшего карьерного роста и продвижения на сержантские должности [4]. Это позиционируется не как дополнительная нагрузка, а как проявление лидерских качеств и возможность влиять на будущее ведомства.

Хотя информацию о зарплате инструкторов найти сложно, существуют косвенные свидетельства о наличии надбавок. В США частные компании предлагают сертифицированные и платные курсы для инструкторов, что говорит о ценности данной квалификации⁷. В Канаде работа в Канадском полицейском колледже позиционируется как престижная, предоставляющая возможность сотрудничать с международными экспертами⁸.

В Великобритании система *Police Education Qualification Framework (PEQF)* предполагает создание гибких карьерных путей, которые позволяют признавать и вознаграждать продвинутых практиков, при этом не обязательен перевод на руководящие посты [5]. Это дает возможность специалисту развиваться оставаясь инструктором.

В большинстве зарубежных стран должность инструктора является результатом серьезного от-

бора. Кандидат должен не просто иметь выслугу лет, но и продемонстрировать высокие личные результаты, педагогические способности и приверженность наставничеству [2; 6].

В отличие от первоначального обучения, которое концентрируется в академиях и учебных центрах, поддержание навыков является процессом децентрализованным и непрерывным, интегрированным в служебную деятельность. Ответственность за этот процесс распределяется между несколькими ключевыми субъектами:

1. Непосредственные руководители (*Line Supervisors*). Их роль является ключевой в западных моделях, особенно в США и Великобритании. Сержанты и капралы несут прямую ответственность за уровень подготовленности своих подчиненных. Их функции подразумевают организацию таких форм:

– тренажи перед заступлением на службу (*Roll-call training / Briefing training*), включающие в себя проведение коротких (10–15 мин) занятий перед началом смены, посвященных отработке отдельных приемов, изучению новых нормативных актов или разбору тактических ошибок;

– наставничество, заключающееся в коррекции действий сотрудника непосредственно во время несения службы;

– посредничество между сотрудниками и руководителями с целью контроля подготовленности сотрудника и идентификации потребности в дополнительной подготовке.

2. Внутриведомственные инструкторы (*Departmental Instructors / Training Officers*). Это наиболее формализованный уровень. В крупных и средних полицейских департаментах (например, в США, Канаде, Великобритании) существуют отделы или управления профессиональной подготовки (*Training Division / Unit*). В их штате состоят инструкторы, для которых преподавание является основной служебной обязанностью. Они специализируются на конкретных областях: инструкторы по огневой подготовке (*Firearms Instructors / Range Masters*), тактике защиты (*Defensive Tactics Instructors*), экстренному вождению (*Emergency Vehicle Operations Course Instructors*), тактической медицине и т.д. Именно они организуют и проводят плановые тренировки и обязательные ежегодные квалификационные испытания.

3. Внештатные/прикомандированные инструкторы (*Adjunct Instructors*). Это чрезвычайно распространенная практика. Такие инструкторы – действующие сотрудники патрульного или иного подразделения, которые прошли углубленную подготовку и получили сертификат инструктора по определенной дисциплине. Их основная работа – служба в различных подразделениях, но они регулярно (например, несколько дней в месяц)

⁶ The European Code of Police Ethics [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/CoE.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).

⁷ Instructor Course [Электронный ресурс]. – URL: <https://ncoae.org/courses/instructor-course/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁸ Canadian police College [Электронный ресурс]. – URL: <https://cpc-ccp.gc.ca/index-eng.htm> (дата обращения: 26.02.2026).

привлекаются к проведению занятий со своим или с другими подразделениями. Эта модель обеспечивает максимальную приближенность обучения к реальной практике, поскольку такой инструктор сам ежедневно сталкивается с теми же вызовами, что и его обучаемые.

4. Специализированные мобильные группы (*Mobile Training Teams – MTT*) в географически удаленных и (или) малочисленных подразделениях, таких как Королевская канадская конная полиция или полиция штата в США. Центральный учебный аппарат формирует мобильные группы инструкторов, которые выезжают в отдаленные подразделения для проведения тренировок и квалификационных тестов на местах. Это позволяет поддерживать единый стандарт подготовки на всей территории.

С целью поддержания базовых навыков практически во всех западных подразделениях существует обязательная периодическая переквалификация (*Mandatory Requalification*) [8]. Это основа всей системы. В странах законодательно или ведомственно установлено требование о регулярном (ежеквартальном, полугодовом или ежегодном) подтверждении квалификации по ключевым дисциплинам (физическая, огневая, тактико-специальная подготовка, тактическая медицина).

Концепция непрерывного профессионального развития (*Continuous Professional Development – CPD*), особенно распространенная в Великобритании под эгидой Колледжа полиции, предполагает, что каждый сотрудник обязан ежегодно проходить определенное количество часов дополнительного обучения. Департаменты планируют ежегодные дни повышения квалификации (*in-service training days*), в рамках которых проводятся занятия по обновлению законодательства, изучению новых тактик, психологии общения и деэскалации конфликтов.

Ядром поддержания тактических навыков выступает сценарно ориентированное обучение (*Scenario-Based Training – SBT*). Вместо изолированной отработки приемов инструкторы создают комплексные сценарии, максимально приближенные к реальности.

Для их эффективной организации и обеспечения реалистичности (практическая ориентированность обучения) привлекают актеров для моделирования поведения правонарушителей, применяют интерактивные симуляторы, где офицеры взаимодействуют с видеосценариями на большом экране, применяя учебное оружие. Симулятор регистрирует выстрелы и выстраивает линию развития сценария в зависимости от действий обучаемого. Используется специальное маркирующее оружие (например, *Simunition*), позволяющее «вести огонь» по оппоненту в реали-

стичных условиях (в зданиях, на улице) для отработки тактики малых групп.

Таким образом, в отличие от модели, где инструктор территориального органа является единственным ответственным за подготовку, зарубежные системы выстраивают многоуровневую и интегрированную структуру. Поддержание навыков – это совместная ответственность:

- организации в целом, которая обеспечивает ресурсы, инфраструктуру и устанавливает стандарты;
- специализированного учебного подразделения, которое предоставляет экспертных инструкторов и разрабатывает программы;
- непосредственного руководителя (сержанта), который осуществляет ежедневный контроль и микротренинг;
- самого сотрудника, который несет персональную ответственность за поддержание своей квалификации.

Такой подход позволяет не просто формально проводить занятия, а встраивать процесс непрерывного обучения в саму ткань повседневной полицейской службы, обеспечивая более высокий и, что важнее, более стабильный уровень профессиональной готовности личного состава.

Сравнительный анализ показывает, что не существует единой идеальной модели подготовки инструкторов. Однако можно выделить ряд общих принципов, доказавших свою эффективность:

1. Гибкость и многоуровневость. Системы, предлагающие разные пути становления инструктора (через формализацию практики, получение педагогической квалификации, непрерывное повышение квалификации), более устойчивы к кадровым проблемам.

2. Повышение статуса инструктора. Работа инструктора должна позиционироваться как ключевая и престижная должность, являющаяся важным этапом для карьерного роста. Это требует как морального признания, так и материального стимулирования.

3. Обязательный педагогический компонент. Независимо от практического опыта, каждый инструктор должен владеть базовыми методиками преподавания, основанными на принципах обучения взрослых. Это должно быть формализовано через обязательные курсы и сертификацию.

4. Разделение функций. Целесообразно разделение ролей инспектора-администратора, отвечающего за планирование, контроль и нормативное обеспечение, и инструктора-мастера, непосредственно проводящего занятия. Это позволяет каждому сосредоточиться на своих ключевых компетенциях.

5. Инвестиции в инфраструктуру и методики. Эффективность самого лучшего инструктора падает при отсутствии современной материальной

базы (тиры, тренажеры, инвентарь) и достаточного количества ресурсов (боеприпасы, время на подготовку).

Для системы МВД России нам представляется целесообразным изучение опыта Великобритании в области создания единых национальных стандартов для инструкторов (*College of Policing*) и гибких карьерных треков (*PEQF*), а также опы-

та США по внедрению программ *train-the-trainer* для практиков по модели инструктора-наставника. Решение кадровых и мотивационных проблем лежит в плоскости пересмотра статуса должности инструктора, введения офицерских должностей и создания прозрачной системы карьерного роста, где работа наставником является не тупиком, а трамплином.

Литература

1. Ханжин А.В. Причины низкой эффективности действующей системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств и методические направления по ее совершенствованию // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 4. – С. 148–155.
2. Dogutas C., Dolu O., Gül S.K. A Comparative Study of the Police Training in the United Kingdom, the United States and Turkey // Turkish Journal of Police Studies. – 2007. – Vol. 9 (1–4). – P. 1–20.
3. Sloan J.J., Paoline E.A. A National Comparison of Police Academies Operated by Academic Institutions and by Law Enforcement Agencies: Different Strokes for Different Folks? // Taylor & Francis Online. – 2022. – Vol. 33. – Issue 4. – P. 467–490.
4. Клименко А.Б., Апальков А.В., Козырева М.К. Особенности применения силы сотрудниками органов внутренних дел женского пола // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. – 2025. – № 8 (6). – С. 41–51.
5. Misca G., Walker J. Military Culture Awareness and Competence in Counseling: Insights From Counselors, Supervisors And UK Navy and Marine Beneficiaries of Counseling // Family Court Review. – 2025. – № 63 (4).
6. Setka G., Đukić P. Comparative Analysis of Police Systems in France and Germany // Sociological Discourse. – 2025. – № 26. – P. 65–68.
7. Setka G., Đukić P. The Police System of a Modern State // Security Science Journal. – 2024. – № 5 (3). – P. 136–152.
8. Галимова А.Ш., Галаяутдинова Г.Ф. Зарубежный опыт переподготовки и повышения квалификации персонала // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 6 (12). – С. 511–514.
9. Синянский В.А., Каленик Р.С., Афиногенов Т.П. Профессиональная подготовка полицейского в зарубежных странах, передовой опыт, современные технологии // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2020. – Т. 9. № 1 (30). – С. 152–154.
10. Hill S. Police Professionalism and Critical Thinking: Model Alignment and Application to Training // International Journal of police Science. – 2025. – Vol. 4. – Issue 2. – P. 1–27.

References

1. Khamzhin A.V. Prichiny nizkoi effektivnosti deistvuyushchei sistemy fizicheskoi podgotovki sotrudnikov silovyykh vedomstv i metodicheskie napravleniya po ee sovershenstvovaniyu // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2014. – № 4. – S. 148–155.
2. Dogutas C., Dolu O., Gül S.K. A Comparative Study of the Police Training in the United Kingdom, the United States and Turkey // Turkish Journal of Police Studies. – 2007. – Vol. 9 (1–4). – P. 1–20.
3. Sloan J.J., Paoline E.A. A National Comparison of Police Academies Operated by Academic Institutions and by Law Enforcement Agencies: Different Strokes for Different Folks? // Taylor & Francis Online. – 2022. – Vol. 33. – Issue 4. – P. 467–490.
4. Klimenko A.B., Apal'kov A.V., Kozyreva M.K. Osobennosti primeneniya sily sotrudnikami organov vnutrennikh del zhenskogo pola // Innovatsionnaya nauka: Psikhologiya, Pedagogika, Defektologiya. – 2025. – № 8 (6). – S. 41–51.
5. Misca G., Walker J. Military Culture Awareness and Competence in Counseling: Insights From Counselors, Supervisors And UK Navy and Marine Beneficiaries of Counseling // Family Court Review. – 2025. – № 63 (4).
6. Setka G., Đukić P. Comparative Analysis of Police Systems in France and Germany // Sociological Discourse. – 2025. – № 26. – P. 65–68.
7. Setka G., Đukić P. The Police System of a Modern State // Security Science Journal. – 2024. – № 5 (3). – P. 136–152.
8. Galimova A.Sh., Galyautdinova G.F. Zarubezhnyi opyt perepodgotovki i povysheniya kvalifikatsii personala // Teoriya i praktika sovremennoi nauki. – 2016. – № 6 (12). – S. 511–514.
9. Sinyanskii V.A., Kalenik R.S., Afinogenov T.P. Professional'naya podgotovka politseiskogo v zarubezhnykh stranakh, peredovoi opyt, sovremennye tekhnologii // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2020. – Т. 9. № 1 (30). – S. 152–154.
10. Hill S. Police Professionalism and Critical Thinking: Model Alignment and Application to Training // International Journal of police Science. – 2025. – Vol. 4. – Issue 2. – P. 1–27.

(статья сдана в редакцию 01.08.2025)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Правовые механизмы защиты жертв домашнего насилия в странах БРИКС: Республика Индия

Legal mechanisms of the protection of domestic violence victims in BRICS countries: Republic of India

УДК 343.85

Б.Н. Селин,

кандидат педагогических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
selin.boris@yandex.ru

Boris N. Selin,

Candidate of Pedagogical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

И.Н. Архипцев,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ArhriptsevIN@yandex.ru

Ivan N. Arkhriptsev,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в представленной статье авторами рассмотрены правовые механизмы защиты жертв домашнего насилия в Республике Индии. Проведенное исследование позволило авторам сделать вывод о том, что в современном индийском обществе все еще сильны национальные традиции. Это связано в первую очередь с зависимым положением женщины, когда мужчина (супруг) должен контролировать поведение последней. Изучена правовая основа защиты жертв домашнего насилия в Индии, меры ответственности, в том числе уголовного характера, за жестокое обращение с женщиной. Детально исследованы положения Уголовного кодекса Индии (1860), Закона «О запрете приданого» (1961), Закона «О судах по семейным делам» (1984), Закона «О запрете изображения женщин в непристойном виде» (1986), Закона штата Раджастан «О предотвращении проведения ритуалов сати» (1987), Закона «О Национальной комиссии по делам женщин» (1990), Закона «О защите женщин от домашнего насилия» (2005). В частности, как пример сохранения патриархальных традиций рассмотрен ритуал сати – церемония самопожертвования женщины в форме самосожжения или погребения заживо вместе с умершим (погибшим) мужем, практикуемая до настоящего времени в отдельных регионах Индии, а также проанализированы правовые меры борьбы с данным явлением.

Ключевые слова: домашнее насилие; женщина; жертва; защита; ответственность; ритуал сати; физическое насилие; сексуальное насилие; вербально-эмоциональное насилие; экономическое насилие

Для цитирования: Селин Б.Н., Архипцев И.Н. Правовые механизмы защиты жертв домашнего насилия в странах БРИКС: Республика Индия // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 124–132.

Abstract: in this article the authors examine the legal mechanisms of the protection of domestic violence victims in the Republic of India. The research revealed that centuries-old national traditions that continue to be influential in modern Indian society, primarily due to the subordinate position of females, where males (husbands) must exercise control over their behavior. The legal framework for protecting domestic violence victims in India has been explored, as well as the measures of accountability, including criminal sanctions, for mistreating women. The Indian Penal Code of 1860, the Dowry Prohibition Act of 1961, the Family Courts Act of 1984, the Indecent Representation of Women (Prohibition) Act of 1986, and the Rajasthan Commission of Sati (Prevention) Act of 1987 are all examined in detail. Additionally, the National Commission for Women Act, of 1990 and the Domestic

© Селин Б.Н., Архипцев И.Н., 2026

Violence Act of 2005 are discussed. In particular, as an example of the preservation of patriarchal customs, the practice of “Sati” should be mentioned – a tradition of a widow sacrificing, either through self-burning or burial alive, which is still practiced in some regions of India. Additionally, legal measures have been implemented to address this issue.

Keywords: domestic violence; female; victim; protection; liability; Sati practice; physical abuse; sexual abuse; verbal and emotional abuse; financial abuse

For citation: Selin B.N., Arkhiptsev I.N. Legal mechanisms of the protection of domestic violence victims in BRICS countries: Republic of India // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 1. – P. 124–132.

Одной из стран – основателей БРИКС является Индия – государство с многовековой историей, незабываемыми традициями, патриархальным жизненным укладом, многоконфессиональным и самым многочисленным населением на планете. И именно традиционный уклад, сформировавшаяся система подчинения женщины мужчине во многом определяют ту ситуацию, которая сложилась в Индии в сфере семейного насилия.

Феномен насилия в отношении женщин в семье в Индии является сложной и уходящей глубоко в века проблемой, усугубляющейся социально-религиозными воззрениями индийцев. Насилие со стороны мужа (реже жены) исторически рассматривалось как естественная составляющая брака или интимных отношений. Необходимо отметить, что насилие в семье не признавалось преступлением до 1970-х годов, что в конечном итоге оправдало вмешательство системы уголовного правосудия [1].

Исторически сложилось так, что в индийском обществе идеальное представление о роли женщины в семейно-бытовых отношениях сводится к отказу от всех благ ради своего супруга и посвящению своей жизни семье. В древние времена жена была не только спутницей своего мужа по жизни, но и хозяйкой в его доме и настоящим партнером во всех его делах, включая приношение себя в жертву в религиозных ритуалах. В средневековой Индии существовало убеждение, что женщинам свойственны дурные наклонности, из-за этого, а также вследствие своего низменного, зависимого происхождения они должны находиться под контролем мужчин на всех этапах совместной жизни. До сих пор считается, что счастье женщин зависит от их добродетели и целомудрия [2].

Как отмечают многочисленные исследователи (R. Kaur, S.S. Naruka, A.K. Sharma и др.), эта ситуация усугубляется еще и тем, что уже с раннего возраста девочки воспитываются в духе постоянного ощущения своей слабости и потребности в защите (физической, социальной или финансовой). Вера в беспомощность и бесполезность приводит к тому, что они становятся объектом эксплуатации практически на каждом этапе жизни. В частности, наблюдается отсут-

ствие самостоятельности в принятии решений, высказывании собственного мнения, неумение пользоваться своими основными правами из-за опасения негативных последствий [3].

На проявление бытового насилия можно взглянуть через призму различных форм жестокого обращения, и каждая из них в равной степени разрушительна и отрицательно влияет на жизнь, в большей мере затрагивая женщин, девочек, детей, а также все общество в целом. Данные Национального обследования состояния здоровья населения от 2023 года показывают, что 39% замужних женщин в возрасте от 15 до 49 лет подвергались домашнему насилию со стороны супруга [4, р. 2]. Эти цифры подтверждаются статистическими данными последнего отчета Национального бюро криминальных учетов (NCRB – *National Crime Rate Bureau*) за 2025 год. Особую тревогу у правоохранителей вызывает тенденция роста количества семейно-бытовых преступлений как в отношении женщин, так и несовершеннолетних лиц [5].

Женщины подвергаются насилию не только со стороны мужей, но и со стороны членов семьи, как родной, так и супружеской. Девочки и женщины в Индии обычно находятся в менее привилегированном положении, чем мальчики, с точки зрения их статуса в семье и обществе. Они также ограничены в доступе к материальным благам. Брак по-прежнему считается важным событием в жизни девушек, но контроль над женской сексуальностью и их безопасная «передача» в руки мужей, которые по традиции считают своих жен собственностью, имеют первостепенное значение. Как показывают исследования, женщины, проживающие на севере страны, обладают относительно меньшей самостоятельностью, чем южанки, и имеют меньше возможностей контроля семейного бюджета. И только незначительный процент женщин из высшего класса, проживающих в городах, пользуется некоторыми преимуществами образования, карьеры и финансовой независимости. Несмотря на различия в статистических данных по регионам, отметим, что женщины на юге Индии подвергаются меньшему количеству случаев физического насилия, но в

целом бытовое насилие распространено во всех штатах и не зависит от принадлежности к той или иной религиозной, национально-культурной группе, уровня образования, социального статуса или уровня дохода [6].

Правовые основания обеспечения защиты жертв семейного насилия в Индии. Юридическим источником противодействия бытовому насилию в Республике Индии является комплекс норм, к которым относятся отдельные положения Уголовного кодекса Индии (1860), Закон «О запрете приданого» (1961), Закон «О судах по семейным делам» (1984), Закон «О запрете изображения женщин в непристойном виде» (1986), Закон штата Раджастан «О предотвращении проведения ритуалов сати» (1987), Закон «О Национальной комиссии по делам женщин» (1990), Закон «О защите женщин от домашнего насилия» (2005).

В частности, в Уголовном кодексе Индии¹ (*IPC – Indian Penal Code*) в статье 498а содержится норма, которая запрещает жестокое обращение с женщиной (женой) со стороны мужа или его родственников, нарушение которой влечет наказание в виде тюремного заключения на срок до трех лет, а также наложение штрафа в объеме, определяемом судьей, исходя из обстоятельств совершенного правонарушения. В свою очередь, понятие «жестокое обращение» применительно к содержанию данной статьи означает:

а) любое умышленное поведение, которое по своему характеру может стать причиной совершения женщиной самоубийства или причинить тяжкий вред здоровью (физическому или психическому) либо создать опасность для жизни;

б) домогательство по отношению к женщине, если таковое направлено на принуждение ее или любого лица, находящегося с ней в родственной связи, с целью удовлетворения любого незаконного требования о передаче какой-либо собственности или ценностей (ценных бумаг).

В ст. 313 указанного закона закреплена норма, запрещающая прекращение беременности в домашних условиях без согласия женщины, если такое действие не совершено в целях спасения жизни роженицы. Данное преступление карается наказанием в виде лишения свободы на срок до 10 лет и штрафом или без наложения такового по решению судьи. В следующей статье речь идет о причинении смерти роженице во время хирургического вмешательства или операции, проводимой с явной целью прерывания беременности без согласия женщины, если такое действие не произведено в целях спасения жизни роженицы.

В данном случае виновные наказываются тюремным сроком от 10 лет вплоть до пожизненного лишения свободы. Действия, направленные на предотвращение рождения ребенка живым или приведшие к его смерти после рождения, описываются в ст. 315. В случае совершения подобных действий виновные несут наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет и штрафа или без такового по решению судьи, если эти действия не продиктованы необходимостью спасения жизни роженицы.

В Законе «О запрете изображения женщин в непристойном виде» от 1986 года (*The Indecent Representation of Women (Prohibition) Act, 1986*) запрещается демонстрация образов женщин в оскорбляющем достоинство и (или) неприличном виде в печатных изданиях, рекламной продукции, письменных работах, на картинах, рисунках и пр. Согласно этому закону лицо, в случае первого нарушения, наказывается тюремным заключением на срок до двух лет и штрафом в размере 2000 рупий, а в случае второго или последующего нарушения – лишением свободы на срок до двух лет, но не менее шести месяцев, с возможностью его продления до пяти лет, а также штрафом в размере от 10 тысяч до 1 миллиона рупий [7].

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что в современном индийском обществе все еще сильны национальные традиции. И некоторые из них, связанные прежде всего с глубоким почитанием религиозных традиций индуизма, преданий, мифов, ритуалов, могут вызвать неоднозначную, а порой и шокирующую реакцию жителей остальной части мира. Одной из таких традиций, а точнее ритуалов, является сати² – церемония самопожертвования женщины в форме самосожжения или погребения заживо вместе с умершим (погибшим) мужем, практикуемая до сих пор в отдельных регионах Индии, в частности штатах Раджастан и Уттар-Прадеш [8]. Поскольку положение женщины в индийском обществе крайне ограничено и общественное сознание не допускает в большинстве случаев отклонения от традиционных норм, что влечет публичное порицание, стигматизацию, то, как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи индологии, крайне бесчеловечной формой реализации ритуала сати является доведение жертвы до состояния невменяемости с помощью психотропных веществ, в результате чего женщина совершает суицид на костре покойного мужа, что, по сути, представляет собой акт жертвоприношения [9].

¹ Официальный сайт правовой информации МВД Республики Индии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mha.gov.in/sites/default/files/IPC1860.pdf> (дата обращения: 22.10.2025).

² *Sati (Su-ṭhi, Suttēe)* (с санскрита – «целомудренная жена») – первоначально так называли женщину, добровольно взойшедшую на погребальный костер своего покойного мужа. Позднее термин перешел на саму церемонию. В современной Индии ритуал более известен как *sati prathā* (с хинди – «практика сати»).

В целях искоренения этого варварского во многих отношениях обычая в 1987 году в штате Раджастан был принят Закон «О предотвращении проведения ритуалов сати» (*The Rajasthan Commission of Sati (Prevention) Act, 1987*), который в следующем году был ратифицирован Парламентом Республики Индии и получил статус федерального закона. Закон направлен на предотвращение добровольного или принудительного сожжения или погребения заживо вдов и родственниц покойного. В частности, законом запрещается прославление этого ритуала посредством проведения церемоний, участие в процессиях, создание финансовых организаций, строительство храмов или иные мероприятия, направленные на почитание памяти вдов, совершивших сати.

Нарушителей закона, в том числе и самих женщин, добровольно идущих на это, ждет суровое наказание. Покушение на совершение сати наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет и штрафом. Прямое или косвенное подстрекательство к совершению сати карается смертной казнью или пожизненным заключением совокупно со штрафом. Вызывает интерес определение подстрекательства, приведенное в разделе 4 (*Section 4*) упомянутого закона, которое имеет расширенную трактовку, включающую несколько положений:

- побуждение любым лицом, включая членов семьи, вдовы или любой иной женщины к совершению ритуала сати, т.е. сожжению или похоронам заживо вместе с телом ее покойного мужа или любого другого родственника либо с любым предметом или вещью, связанным с мужем или родственником, независимо от того, находится ли она в здравом уме или под воздействием алкоголя или психотропных веществ, или от иной причины, препятствующей осуществлению ее свободной воли;

- совершение любым лицом, включая членов семьи, действий, убеждающих вдову или иную женщину поверить в то, что совершение сати принесет духовную пользу ей, ее покойному мужу или родственнику или улучшит благополучие семьи в целом;

- поощрение любым лицом, включая членов семьи, вдовы или иной женщины оставаться непреклонной в своем решении совершить сати и тем самым подталкивание ее к совершению указанного ритуала;

- участие любого лица, включая членов семьи, в процессии, сопровождающей совершение ритуала сати, или оказание помощи вдове или иной женщине в ее решении совершить сати путем доставки ее вместе с телом покойного мужа или родственника к месту кремации или захоронения;

- присутствие любого лица, включая членов семьи, в месте, где совершается сати, в качестве активного участника обряда;

- совершение любым лицом, включая членов семьи, действий, препятствующих вдове или иной женщине спастись от сожжения или погребения заживо;

- создание любым лицом, включая членов семьи, препятствий или противодействие сотрудникам полиции в выполнении их обязанностей по принятию любых мер для предотвращения совершения сати³.

Согласно закону популяризация ритуала сати, как публичная, так и латентная, влечет наказание в виде тюремного заключения на срок от одного до семи лет и взыскания штрафа. Кроме того, закон наделяет окружных мировых судей⁴ полномочиями вынесения требований по демонтажу храмов или иных сооружений, возведенных для прославления церемоний сати, а также конфискации средств, собранных в этих целях. Закон также предусматривает создание специальных судов и возлагает бремя доказывания невиновности на обвиняемого.

Тем не менее необходимо отметить, что применение этого закона имеет, на наш взгляд, и отрицательную сторону, поскольку наказание за организацию и участие в этом ритуале ложится также на саму жертву, особенно в условиях, когда женщина не осознает своих действий, находясь в состоянии аффекта или интоксикации. На этот пробел также указывают и некоторые индийские правоведы и ученые [10; 11].

В Законе «О запрете приданого» (1961) (*The Dowry Prohibition Act, 1961*) раскрывается сущность понятия «приданое» в контексте противодействия домашнему насилию. Под приданым понимают «любой вид собственности или ценностей, переданных или планируемых к передаче по договоренности одной из брачующихся сторон или родителями лиц, вступающих в брак, как условие заключения брака, за исключением случаев уплаты (передачи) «калыма», в соответствии с мусульманским частным правом (шариатом)»⁵. Нарушители закона несут ответственность в виде лишения свободы на срок не менее семи лет или на срок пять лет с обязательной уплатой штрафа в размере не менее 15 тыс. рупий или иной суммы, соответствующей размеру приданого.

Закон «О Национальной комиссии по делам женщин» от 1990 года (*The National Commission*

³ Официальный сайт правовой информации Правительства штата Раджастан Республики Индии [Электронный ресурс]. – URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/18549?view_type=browse (дата обращения: 06.12.2025).

⁴ Мировые суды (Magistrates' Courts) в Индии являются судами первой инстанции по уголовным делам.

⁵ Официальный портал правовой информации Республики Индии [Электронный ресурс]. – URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/18459/1/dowry_prohibition_act_1961.pdf (дата обращения: 07.11.2025).

for Women Act, 1990) направлен на пересмотр конституционных и частнопроводных гарантий для женщин, мер по исправлению положения, урегулированию споров и механизмов правовой защиты, а также на предоставление консультаций по всем возможным вопросам внутренней политики, касающимся положения женщин в семье и обществе⁶. В частности, в соответствии с законом организованы консультативные центры, экспертные комиссии по вопросам создания условий повышения финансовой независимости женщин, образовательные центры для улучшения правовой осведомленности женщин по вопросам взаимоотношения полов, проводятся общественные кампании, направленные против достаточно распространенной практики причинения смерти новорожденным в результате незаконных аборт, учреждаются общественные центры по противодействию насилию в семье и т.д. [12].

Отличительной особенностью индийской правовой системы, резко контрастирующей с отечественной нормативной правовой базой, является наличие специального закона «О защите женщин от домашнего насилия» (*Domestic Violence Act, 2005*), вступившего в силу в 2005 году.

В законе содержится подробное описание термина «домашнее насилие», расширено понимание этого явления путем дополнения основного термина понятием «супружеское насилие». Согласно разделу 3 Закона Республики Индии «О защите женщин от домашнего насилия» от 2005 г. домашнее насилие подразделяется на четыре вида [13]:

1. Психический или физический вред, включающий:

- а) физическое насилие;
- б) сексуальное насилие;
- в) вербально-эмоциональное насилие;
- г) экономическое насилие.

2. Домогательства или телесные повреждения, вызванные незаконным требованием передачи в пользование одного из супругов или иных членов семьи, ведущих совместное хозяйство, приданого, или иного имущества, или ценных бумаг.

3. Угрозы любого рода со стороны правонарушителя (мужа) или любого лица, связанного с правонарушителем (мужем), с целью причинения какого-либо вреда женщине(-ам).

4. Любой другой вред или увечья, как физические, так и психические, причиненные женщине(-ам).

В соответствии с упомянутым законом жертвой домашнего насилия является любая женщина, которая состоит или состояла в отношениях с на-

сильником, если обе стороны вели или ведут общее домашнее хозяйство и состоят или состояли в кровном родстве, браке или отношениях, носящих характер брака или усыновления.

Кроме того, также учитываются отношения с членом семьи, проживающим в составе единой семьи. Даже те женщины, которые являются сестрами, вдовами, матерями или проживают совместно с насильником, имеют право на правовую защиту в соответствии с этим законом.

Интересным моментом для нашего исследования представляется трактовка основных понятий, приведенных в указанном законе.

Так, физическое насилие определяется как любое действие или поведение, которые по своему характеру причиняют физическую боль, вред, или представляют опасность для жизни, здоровья человека, или ухудшают здоровье или физическое развитие пострадавшего лица. Включает нападение, запугивание и применение насилия, влекущее уголовное преследование.

В свою очередь, сексуальное насилие понимается как любое поведение сексуального характера, которое оскорбляет или унижает достоинство женщины или иным образом воздействует на ее личность.

Вербально-эмоциональное насилие включает в себя:

а) оскорбления, насмешки, унижение, особенно в связи с отсутствием у женщины детей или ребенка мужского пола;

б) неоднократные угрозы причинения физической боли любому лицу, которое связано с пострадавшим.

Экономическое насилие подразумевает:

а) лишение в полном объеме или частично доступа потерпевшего к каким-либо экономическим или финансовым источникам, на которые потерпевшее лицо имеет право в соответствии с законом или обычаем, независимо от того, подлежат ли они выплате по решению суда или иным образом, или в которых потерпевшее лицо нуждается в силу необходимости, включая (но не ограничиваясь) предметы домашнего обихода, требующиеся потерпевшему лицу и ее детям, если таковые имеются, стридхан⁷, имущество, совместно или раздельно принадлежащее потерпевшему лицу, средства для оплаты аренды, а также содержания жилого помещения, используемого для совместного проживания;

⁷ Стриджан (с хинди – *Stridhan, Stridhana, Streedhana, Istridhan*) – согласно индуистской традиции о правилах наследования включает в себя все подарки (движимые или недвижимые), полученные женщиной до вступления в брак, во время ее вступления в брак, после вступления в брак, во время рождения ребенка или вдовства. Стриджан – это вид собственности, на которую женщины имеют исключительное и абсолютное право пользования и отчуждения без каких-либо ограничений.

⁶ Официальный сайт правовой информации при Правительстве Республики Индии [Электронный ресурс]. – URL: <https://ncwapps.nic.in/PDFFiles/NCWACT.pdf> (дата обращения: 04.12.2025).

б) распоряжение домашним имуществом, любое отчуждение активов, будь то движимых или недвижимых, драгоценностей, акций, облигаций и иных ценных бумаг или другого имущества, которое представляет интерес для потерпевшего лица, или которым оно имеет право пользоваться в силу семейных отношений, или которое может быть разумно затребовано потерпевшим лицом или его детьми, а также стридхан или любое другое имущество, совместно или раздельно находящееся в собственности потерпевшего лица;

в) запрет или ограничение постоянного доступа к ресурсам или помещениям, которыми потерпевшее лицо имеет право пользоваться в силу семейных отношений, включая доступ к общему домашнему хозяйству.

В соответствии с данным законом истцом по делам семейного насилия признаются:

- любая женщина, которая состоит или состояла в семейных отношениях с ответчиком и которая подверглась насилию в семье;
- любой сотрудник полиции, сотрудник службы защиты или служащий негосударственной организации, обеспечивающей меры по защите жертв домашнего насилия;
- любое лицо, которое имеет основания полагать, что акт насилия оказался состоявшимся, или находится в процессе совершения, или может быть совершен.

Особые положения Закона «О защите женщин от домашнего насилия». В указанном законе отдельно оговариваются положения, касающиеся процедур обеспечения защиты даже тех женщин, которые являются сестрами, вдовами или матерями и проживают вместе с правонарушителем в качестве члена семьи в условиях общего ведения домашнего хозяйства. Даже женщина, состоящая с агрессором в «постоянных отношениях», при определенных условиях имеет право воспользоваться нормами указанного ранее закона.

Особое внимание в судебной практике противодействия семейному насилию уделяется случаям, которые косвенно подпадают под действие Закона «О защите женщин от семейного насилия». Речь прежде всего идет об институте гражданского брака. Так, в определении Верховного суда Республики Индии по делу Д. Велусами против Д. Патчайамала (*D. Velusamy vs. D. Patchaimmal*, 2010) перечислены пять признаков отношений, указывающие на факт совместного проживания⁸:

1. Обе стороны должны вести себя как муж и жена и признаваться таковыми соседями.

2. Стороны должны соответствовать установленному законом брачному возрасту.

3. Стороны должны иметь право на вступление в брак, т.е. ни у кого из партнеров не должно быть официально зарегистрированного с ним в браке супруга или супруги.

4. Стороны должны добровольно проживать совместно в течение значительного периода.

5. Стороны должны вести совместное домашнее хозяйство.

Согласно разделу 2(q) указанного закона ответчиком является любое совершеннолетнее лицо мужского пола, которое состоит или состояло в семейных отношениях с потерпевшим лицом и от которого потерпевшее лицо ищет защиту в соответствии с законом. В решении суда по делу Хирала П. Харсоры против Кусум Н. Харсора (*Hiral P. Harsora and Ors. vs. Kusum N. Harsora*, 2025) было внесено уточнение, согласно которому словосочетание «совершеннолетний мужчина» противоречит цели обеспечения защиты женщин, пострадавших от домашнего насилия любого рода, вследствие чего оно было заменено на «любое совершеннолетнее лицо»⁹.

Любое потерпевшее лицо имеет право на компенсацию в соответствии с законом. Формы компенсаторного характера включают в себя следующие положения.

Потерпевшее лицо имеет право проживать в пределах общего домашнего хозяйства (домовладения), независимо от того, имеет ли оно какие-либо имущественные права, имущественный титул или бенефициарную заинтересованность в этом. Лицо может быть выселено из помещения, используемого в качестве места совместного проживания, только в соответствии с процедурой, установленной законом.

Кроме того, если пострадавшее лицо или иное официальное лицо от его имени обратится с просьбой о предоставлении убежища к ответственному за приют лицу, такое убежище будет предоставлено. Пострадавшему оказывается медицинская помощь после соответствующего обращения за ней к ответственному лицу или организации.

Если мировой судья считает, что факты, изложенные в заявлении потерпевшей стороны, свидетельствуют о совершении акта домашнего насилия, то на основании письменных показаний под присягой он может вынести односторонний судебный приказ в отношении ответчика.

Потерпевшее лицо имеет право на получение любой правовой помощи в любом другом судеб-

⁸ Официальный портал правовой информации Индии [Электронный ресурс]. – URL: <https://lawfaculty.in/d-velusamy-v-d-patchaimmal-air-2011-sc-479/> (дата обращения: 20.09.2025).

⁹ Официальная база данных по судебной практике в Индии [Электронный ресурс]. – URL: <https://advocatetanmoy.com/hiral-p-harsora-and-ors-versus-kusum-narottamdas-harsora-and-ors/> (дата обращения: 20.09.2025).

ном разбирательстве, а также в рамках судебного разбирательства в соответствии с законом.

В ст. 19 закона предусмотрены процедурные моменты воздействия на агрессора в рамках ограничения его прав совместного проживания с потерпевшей стороной. Так, в ст. 19 «Постановление о проживании» говорится о том, что если при рассмотрении заявления в соответствии с подразделом 1 ст. 12 мировой судья устанавливает факт совершения насилия в семье, то он имеет право вынести постановление о проживании следующих видов:

а) запрещение ответчику лишать имущества или каким-либо иным образом посягать на владение потерпевшей частями общего домашнего хозяйства, независимо от того, имеет ли ответчик законный или равноправный интерес в общем домашнем хозяйстве;

б) требование к ответчику покинуть пределы совместного домохозяйства при условии, что ответчиком не является женщина;

в) запрещение ответчику или любому из его родственников находиться в любой части общего домашнего хозяйства (помещении), в котором проживает потерпевшее лицо;

г) запрещение ответчику отчуждать в полном объеме или частично общее домашнее хозяйство, распоряжаться им или налагать на него обременение;

д) запрещение ответчику отказываться от своих обязанностей ведения совместного домашнего хозяйства, за исключением случаев, когда это разрешено или предписано мировым судьей;

е) предписание ответчику обеспечить потерпевшему лицу альтернативное жилье такого же уровня, каким оно пользовалось в совместном домашнем хозяйстве, или вносить арендную плату за наем аналогичного жилья, если того требуют обстоятельства.

Кроме того, мировой судья имеет право сформулировать иные дополнительные условия или вынести любое другое предписание, которое он сочтет разумно необходимым для защиты или обеспечения безопасности потерпевшего лица или ребенка (детей) потерпевшего. Например, мировой судья может потребовать от ответчика внесения залога с поручительством или без него в качестве меры профилактики дальнейшего насилия в семье.

Мировой судья обладает правом ходатайствовать начальнику полицейского участка, в территориальной юрисдикции которого находится потерпевшее лицо, об оказании содействия в исполнении охранного приказа.

В юрисдикции мирового судьи также находится право выдачи предписания ответчику о возврате во владение потерпевшей ее стридхана или ино-

го имущества либо денежных средств, на которые она имеет законное право.

Финансовая компенсация. При рассмотрении заявления в соответствии с подразделом 1 ст. 12 мировой судья вправе вынести постановление, обязывающее ответчика выплатить денежную компенсацию для покрытия расходов и убытков, понесенных потерпевшим лицом и (или) ребенком (детьми) потерпевшего лица в результате домашнего насилия, и такая компенсация может включать (но не ограничиваться):

а) потерю заработка (денежного вознаграждения);

б) медицинские расходы;

в) убытки, причиненные в результате уничтожения, повреждения или изъятия любого имущества потерпевшего лица;

г) выплату алиментов потерпевшему лицу, а также его детям, если таковые имеются, включая постановление о выплате алиментов в соответствии со ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса от 1973 года или в дополнение к нему с любым другим действующим законом.

Судебные санкции. Санкции, согласно закону, включают в себя:

– наказание за нарушение охранного приказа ответчиком;

– наказание сотрудника службы защиты за бездействие или умышленное ненадлежащее выполнение прямых обязанностей.

Нарушение ответчиком охранного приказа влечет наказание в виде штрафа на сумму до 20 000 рупий и (или) тюремное заключение на срок до одного года. Поскольку данный вид нарушения является очевидным, обвиняемый не имеет права на освобождение под залог.

Если сотрудник службы защиты не справляется со своими обязанностями или отказывается их выполнять без каких-либо достаточных причин, он наказывается тюремным заключением на срок до одного года или штрафом в размере 20 000 рупий.

Сотрудник службы защиты не может быть привлечен к уголовной ответственности или другому судебному разбирательству, за исключением случаев, когда на него подана жалоба с предварительной санкции правительства штата или любого уполномоченного на это лица.

Ни один судебный иск, уголовное преследование или иное судебное разбирательство не могут быть осуществлены в отношении сотрудника службы защиты в связи с каким-либо причиненным или вероятным ущербом в результате добросовестного выполнения им своих обязанностей в соответствии с положениями закона.

Таким образом, по результатам осуществленного исследования можно сделать следующие выводы.

Установлено, что домашнему насилию в Индии в большей степени подвержены женщины. Это обусловлено исторически сложившимся зависимым положением женщины, прежде всего от мужчины-супруга, представлением о ее «беспомощности», необходимости в защите и посвящения своей жизни семье и воспитанию детей.

Правовая основа противодействия семейному насилию в Индии состоит из отдельных положений Уголовного кодекса Индии (1860), Закона «О запрете приданого» (1961), Закона «О судах по семейным делам» (1984), Закона «О запрете изображения женщин в непристойном виде» (1986), Закона штата Раджастан «О предотвращении проведения ритуалов сати» (1987), Закона «О Национальной комиссии по делам женщин» (1990), Закона «О защите женщин от домашнего насилия» (2005).

Как пережиток прошлого рассмотрен ритуал сати – церемония самопожертвования женщины в форме самосожжения или погребения заживо вместе с умершим (погибшим) мужем, практикуемая до сих пор в отдельных регионах Индии, особенно в штатах Раджастан и Уттар-Прадеш. Проанализированы положения Закона «О предотвращении

проведения ритуалов сати», а также других законодательных актов по предупреждению семейного насилия. В заключительной части исследования подробно рассмотрены особые положения Закона «О защите женщин от домашнего насилия», отдельно оговариваются положения, касающиеся процедур обеспечения защиты женщин, которые являются сестрами, вдовами или матерями и проживают вместе с правонарушителем в качестве члена семьи в условиях общего ведения домашнего хозяйства.

Представляется, что отдельные подходы, существующие в индийском праве, было бы целесообразно использовать и российским законодателям, например при конструировании правовых норм, направленных на защиту жертв домашнего насилия. В частности, в настоящее время в отечественном законодательстве нет отдельного закона, который бы обеспечивал защиту жертв семейно-бытового насилия, закреплял понятийный аппарат, механизм предупреждения таких деяний, реабилитацию жертв, аспекты компенсаторного характера и иные сложные вопросы, требующие своего нормативно-правового регулирования.

Литература

1. **Singh N.** Domestic violence and judicial approach in contemporary India [Электронный ресурс] // Indian Journal of Law and Legal Research. – April 2022. – Vol. 4. – Issue 2. – URL: <https://www.ijlir.com/post/domestic-violence-and-judicial-approach-in-contemporary-india/> (дата обращения: 30.11.2025).
2. **Chaudhary S.** Domestic violence in India // Journal of India Research. – 2013. – Vol. 1. – № 2. – P. 146–152.
3. **Saravanan S.** Violence against women in India. Literature Review. Institute of Social Studies Trust. 2000. – 83 p.
4. **Borah M.** Domestic violence in Indian society: a comprehensive study of risk factors and implications through a feminist lens // International Journal of Multidisciplinary Research. – 2025. – Vol. 7. – Issue 4. – P. 1–12.
5. **Gupta S.** Latest crime rate report of India in 2025 and their impact [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.studyiq.com/articles/crime-rate-in-india/> (дата обращения: 12.09.2025).
6. **Gupta R.S.** Domestic violence and laws in India [Электронный ресурс] // My Voice – Sept. 28, 2020. – URL: <https://myvoice.opindia.com/2020/09/domestic-violence-and-laws-in-india/> (дата обращения: 10.09.2025).
7. **Gupta A., Arora V.** The Indecent Representation of Women (Prohibition) Act, 1986: role of media // International Journal of Law Management and Humanities. – 2024. – Vol. 7. – Issue 4. – P. 658–667.
8. **Tripathi D.** Changing discourse on Indian women in the colonial period // International Journal of Social Science and Economic Research. – 2018. – Vol. 3. – Issue 12. – P. 7657–7664.
9. **Ковтун Г.С.** Истоки и священный смысл ритуала сати: социологическая интерпретация // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2008. – № 2. – С. 43–54.
10. **Ahmad N.** Sati tradition – widow burning in India: a socio-legal examination [Электронный ресурс] // Web Journal of Current Legal Issues. – 2009. – № 2. – URL: <http://webjcli.ncl.ac.uk/2009/issue2/ahmad2.html> (дата обращения: 06.12.2025).
11. **Parate R.** A critical analysis of The Commission of Sati (Prevention) Rules, 1988 [Электронный ресурс] // The Legal Quorum. 2024. – URL: <https://thelegalquorum.com/a-critical-analysis-of-the-commission-of-sati-prevention-rules-1988/> (дата обращения: 09.11.2025).
12. **Arya S.** National Commission for Women: overview of its performance // Economic and Political Weekly. – 2013. – Vol. 48. – № 18. – P. 112–119.
13. **Verma R.** Domestic violence in India: a legal perspective [Электронный ресурс] // International Journal of Advanced Legal Research. – 2024. – № 4 (3). – URL: <https://ijalr.in/wp-content/uploads/2024/04/DOMESTIC-VIOLENCE-IN-INDIA-A-LEGAL-PERSPECTIVE-RP.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

References

1. **Singh N.** Domestic violence and judicial approach in contemporary India [Elektronnyi resurs] // Indian Journal of Law and Legal Research. – April 2022. – Vol. 4. – Issue 2. – URL: <https://www.ijlir.com/post/domestic-violence-and-judicial-approach-in-contemporary-india/> (дата обращения: 30.11.2025).
2. **Chaudhary S.** Domestic violence in India // Journal of India Research. – 2013. – Vol. 1. – № 2. – P. 146–152.

3. **Saravanan S.** Violence against women in India. Literature Review. Institute of Social Studies Trust. 2000. – 83 p.
4. **Borah M.** Domestic violence in Indian society: A comprehensive study of risk factors and implications through a feminist lens // International Journal of Multidisciplinary Research. – 2025. – Vol. 7. – Issue 4. – P. 1–12.
5. **Gupta S.** Latest crime rate report of India in 2025 and their impact [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.studyiq.com/articles/crime-rate-in-india/> (data obrashcheniya: 12.09.2025).
6. **Gupta R.S.** Domestic violence and laws in India [Elektronnyi resurs] // My Voice – Sept. 28, 2020. – URL: <https://myvoice.opindia.com/2020/09/domestic-violence-and-laws-in-india/> (data obrashcheniya: 10.09.2025).
7. **Gupta A., Arora V.** The Indecent Representation of Women (Prohibition) Act, 1986: role of media // International Journal of Law Management and Humanities. – 2024. – Vol. 7. – Issue 4. – P. 658–667.
8. **Tripathi D.** Changing discourse on Indian women in the colonial period // International Journal of Social Science and Economic Research. – 2018. – Vol. 3. – Issue 12. – P. 7657–7664.
9. **Kovtun G.S.** Istoki i svyashchennyi smysl rituala sati: sotsiologicheskaya interpretatsiya // Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. – 2008. – № 2. – S. 43–54.
10. **Ahmad N.** Sati tradition – widow burning in India: a socio-legal examination [Elektronnyi resurs] // Web Journal of Current Legal Issues. – 2009. – № 2. – URL: <http://webjcli.ncl.ac.uk/2009/issue2/ahmad2.html> (data obrashcheniya: 06.12.2025).
11. **Parate R.** A critical analysis of The Commission of Sati (Prevention) Rules, 1988 [Elektronnyi resurs] // The Legal Quorum. 2024. – URL: <https://thelegalquorum.com/a-critical-analysis-of-the-commission-of-sati-prevention-rules-1988/> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
12. **Arya S.** National Commission for Women: overview of its performance // Economic and Political Weekly. – 2013. – Vol. 48. – № 18. – P. 112–119.
13. **Verma R.** Domestic violence in India: a legal perspective [Elektronnyi resurs] // International Journal of Advanced Legal Research. – 2024. – № 4 (3). – URL: <https://ijalr.in/wp-content/uploads/2024/04/DOMESTIC-VIOLENCE-IN-INDIA-A-LEGAL-PERSPECTIVE-RP.pdf> (data obrashcheniya: 22.09.2025).

(статья сдана в редакцию 12.01.2026)

Требования к статьям

В журнале «Проблемы правоохранительной деятельности» публикуются оригинальные научные статьи по вопросам юридической и педагогической наук и рассматриваются актуальные проблемы практической деятельности правоохранительных органов.

Объем статей 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы).

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе Word шрифтом Times New Roman (кегель – 14, межстрочный интервал – 1,5 см, абзацный отступ – 1,25 см, поля слева – 2,5 см, справа – 1,5 см, сверху и снизу – 2,0 см).

Текст выравнивается по ширине. Страницы нумеруются (кроме первой) вверху страницы по центру.

Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов.

В русскоязычном тексте используются кавычки «елочки», при выделениях внутри цитат и в тексте на иностранных языках – «лапки».

В начале статьи указываются номера по Универсальной десятичной классификации (УДК, <https://teacode.com/online/udc/>).

Далее следуют название статьи, инициалы и фамилии авторов, название учреждения (учреждений), в котором она была выполнена.

Название статьи не должно быть свыше 75 знаков (6–10 слов).

Должны быть предоставлены:

– сведения об авторе (авторах), включающие фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы или учебы (полностью), e-mail, телефоны (рабочий, мобильный). Для авторов, не имеющих ученой степени, дополнительно указываются фамилия, имя и отчество научного руководителя, его должность, место работы и специальность (название и номер по классификации ВАК);

– английский вариант фамилии и инициалов автора (авторов);

– название статьи на русском и английском языках;

– название учреждения (или учреждений), в котором выполнена работа, на русском и английском языках;

– аннотация статьи (150–250 слов) на русском и английском языках. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику основной темы исследования, проблемы объекта, цели работы и ее результаты, раскрывать актуальность, степень разработки, объект, предмет, теоретико-методологическое и практическое значение темы);

– ключевые слова или словосочетания (от 5 до 7), необходимые для индексирования статьи, на русском и английском языках;

– текст статьи на русском языке, подписанный всеми авторами. Если автор не имеет ученой степени, статью также подписывает его научный руководитель;

– раздел «Литература» (не менее 10 научных источников) и раздел «References», содержащий список литературы, в котором все источники даны латиницей, т.е. транслитерированы (<http://translit.net/ru/bsi/>), приводятся в конце статьи. В тексте статьи в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с. 25]). Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нельзя включать в списки литературы ссылки на интернет-ресурсы и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), которые необходимо цитировать непосредственно в тексте или во внутритекстовых сносках.

В конце статьи автор (авторы) обязательно делает вставку следующего содержания:

«Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

Я, (должность, Ф.И.О. полностью) безвозмездно предоставляю редакции журнала «Проблемы правоохранительной деятельности» неисключительные права на использование моей статьи (указать полное название статьи), в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в электронных библиотеках eLibrary.ru, КиберЛенинка и т.д.) с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Дата, подпись».

С полной версией правил для авторов и порядком направления статей можно ознакомиться на интернет-странице <https://белюи.мвд.рф/Nauka/izdaniya/ppd/>

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

